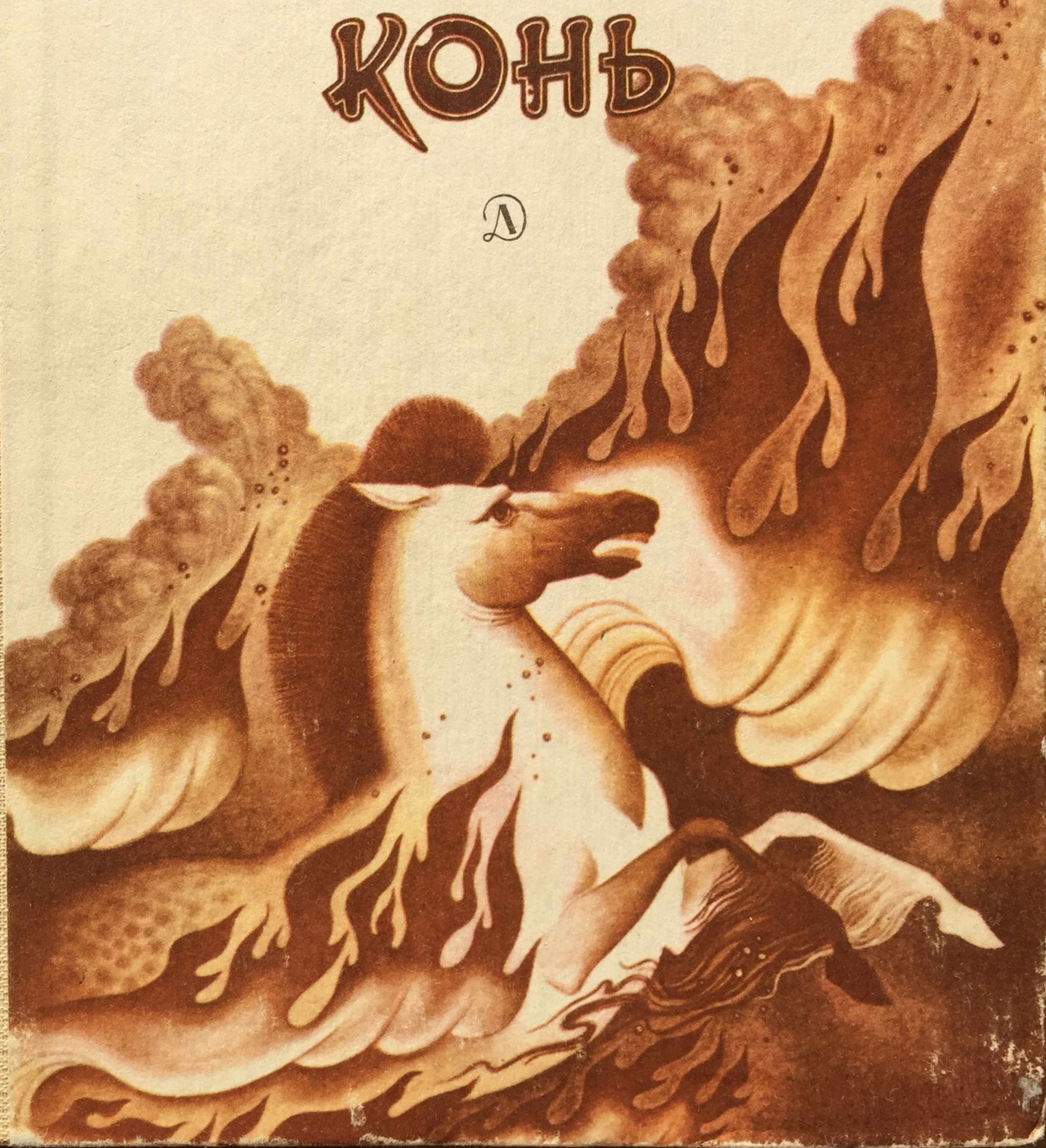

Рюсукэ Сайто

ОГНЕННЫЙ КОНЬ

А

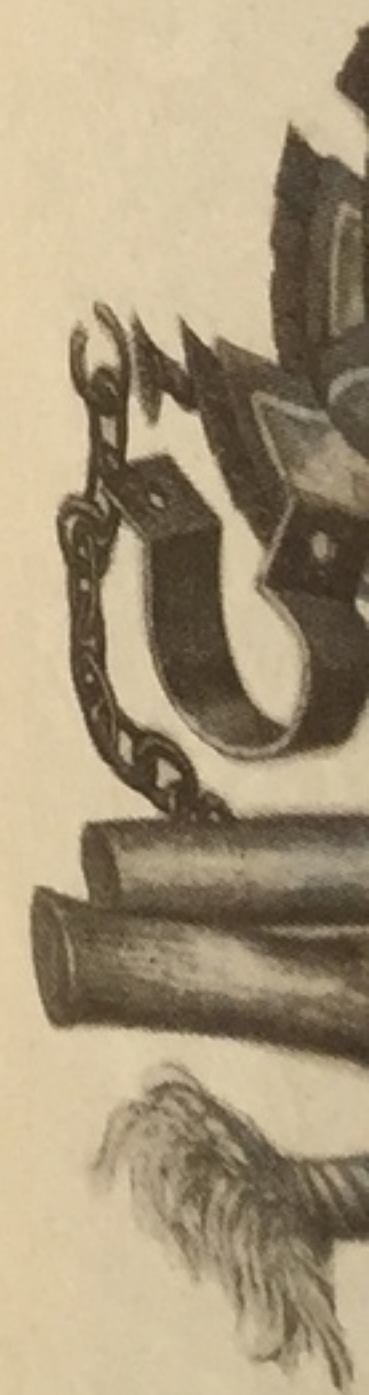

рѹсѹ

оїѹ

рѹсѹ

пѣрѣ

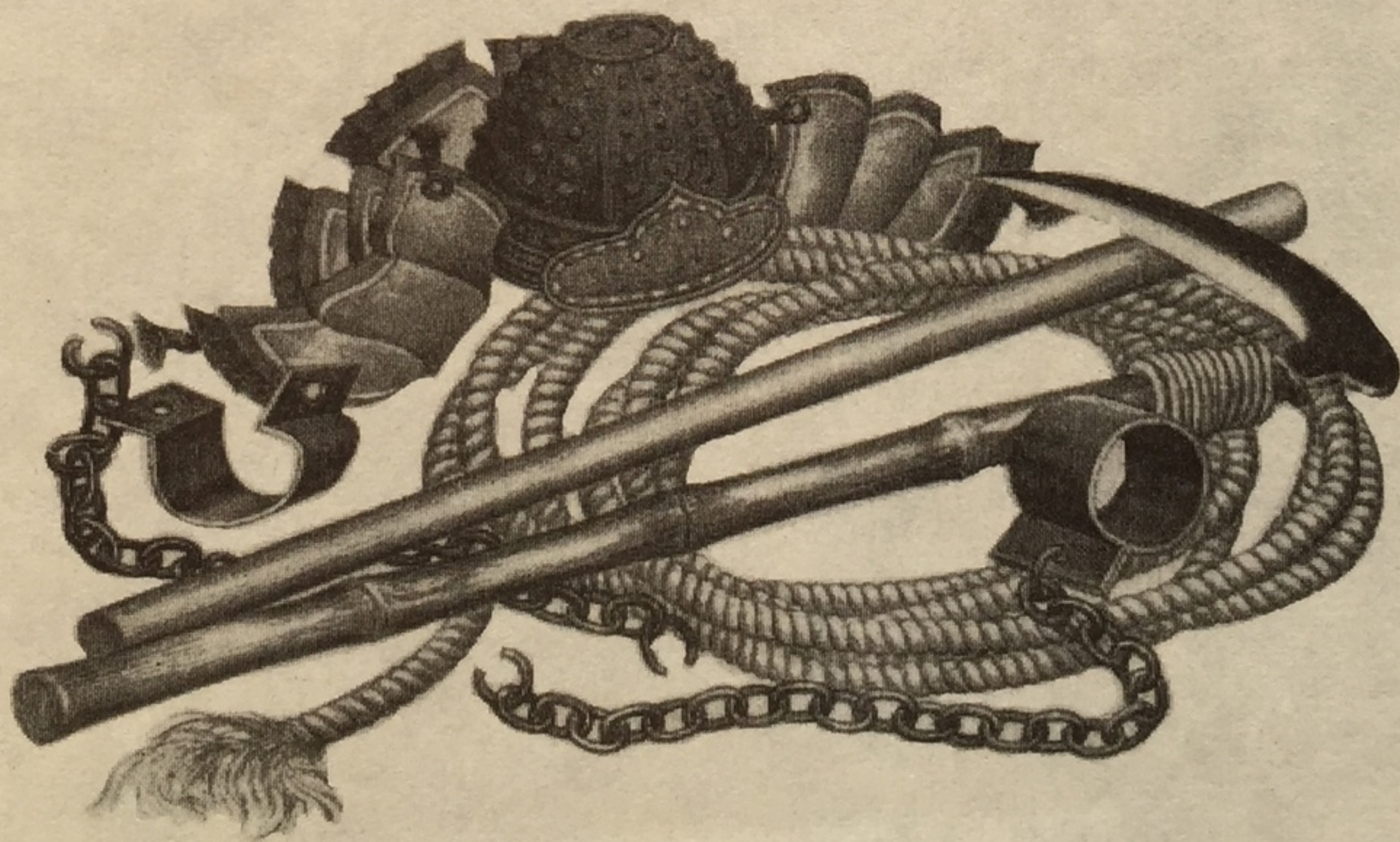

МОС

Рюсукэ Сайто
**ОГНЕННЫЙ
КОНЬ**

РОМАН ДЛЯ ДЕТЕЙ
ПЕРЕВОД С ЯПОНСКОГО

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1985

И(Яп)
С14

天の赤馬

斎藤隆介作

東京 岩崎書店 1983

Перевод

Г. Ронской

Послесловие

К. Черевко

Рисунки

А. Дугина

С 4803020000—360 528—84
М101(03)85

© Ryusuke Saito, 1977 г.
© Перевод на русский язык.
Послесловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1985 г.

I

над рекой Кадзика́ низко
стлался сизый туман.

Было тихо, лишь
слышался плеск воды. Он слышал-
ся и темной ночью, и теперь поут-
ру. Он слышался всегда.

Река текла и текла, и не было
ей конца.

Она текла еще тогда, когда ме-
ня не было на свете...

Так думал Гэн, и река казалась
ему совсем старой.

Она хранила у себя за пазухой
стремительно летящих гольцов,
карасей, сомов, ельцов; она качала
на своей груди и забавляла все-
возможные существа: и тех, что
взмывают вверх и резвятся там,
и тех, что тихо прячутся на дно,
зарывшись в песок.

И если бы, вопреки здравому
смыслу, можно было бы каким-то
образом постучаться в ее двери,
то из них выскочило бы несмет-
ное количество живых существ.

Оставив на берегу удочку, Гэн
шумно вошел в холодную воду —
хотел на мелководье набрать реч-
ных червей на сегодняшнюю ры-
балку.

От ледяной воды заныли ло-
дыжки, а рука, опущенная по ло-
коть в воду, покрылась гусиной
кожей.

Червей здесь было сколько

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОДОПАД НА РЕКЕ КАДЗИКА

угодно. Поднимешь камень со дна реки, а они прилипли к нему, как паутинки. Сгребешь их рукой — копошатся на ладони: черные, зеленые. И всё норовят удрать. Тогда хватай и поскорее засовывай их в коробку для наживки, привязанную к поясу.

Гэн улыбнулся. Довольно странно улыбаться одному на пустынной реке, но Гэн не мог удержаться от улыбки. Он вспомнил старика с седым пучком на макушке, который на днях забрался сюда в горы ловить рыбу. Издалека пришел — из городка, что у замка Акита.

Он встретил этого старика чуть выше на реке Кадзика. В горах можно целый день ловить рыбу и не увидеть ни души, поэтому старик обрадовался тогда Гэну.

— Смотри-ка! Как много наловил, — сказал он.

Пояс Гэна отвис под тяжестью корзины с рыбой. В корзинке старика болтался лишь один маленький елец.

— У меня наживки нет. — Старик разговаривал с мальчиком уважительно, хотя был раз в пять старше его.

«Что это он говорит, — подумал Гэн. — Червей, что ли, мало в реке? Подними любой камень на мелком месте — они там кишмя кишат».

Однако сдвинул крышку коробки для наживки и сказал:

— Могу дать немного.

Старик открыл крышку маленького горшка, висевшего на поясе. В теплой воде плавало штук пять дохлых червей.

— В такой воде речные черви не живут. Нужно песка с берега положить, тогда они и два, и три дня протянут, — сказал Гэн.

Старик удивленно вытаращил глаза.

— Да что ты! Разве они не в реке водятся?

— В реке. Но там вода холодная, проточная. В теплой воде они сразудохнут.

Гэн много знал о рыбалке, потому что каждый день ловил рыбу, а этот старик из города, по всему видно, не бедный, похоже, лишь изредка ходил на рыбалку и мало что смыслил в ней. Конечно, нехорошо поучать старика, но Гэн все же сказал ему про червей.

— Вот как! — удивился старик, взял червей у Гэна и ушел.

Полмесяца спустя Гэн ловил рыбу на мелководье. Стоя по колено в воде, он водил удочкой из стороны в сторону, и вдруг на повороте реки появился тот самый дед.

На этот раз одет он был победнее и выглядел уже заправским рыболовом. Дед снял платок с головы, низко поклонился Гэну и сказал вежливо, как взрослому:

— Спасибо, что выручил меня в прошлый раз.

Гэн заметил, что корзинка у старика так же оттягивала пояс, как и у него.

— Когда черви живые, рыбы сколько хочешь наловить можно.

Весело хихикая, старик снова вежливо поклонился Гэну и стал проворно спускаться с горы.

«Как дитя», — подумал Гэн. Он хорошо понимал старика. Тот хотел опередить Гэна, прежде него занять лучшее место для рыбалки ниже по течению.

Гэн, посмеиваясь, стал взбираться, наоборот, вверх по реке. Он знал одно местечко — старик ни за что бы не обнаружил его, — там прятались огромные гольцы. Гэн заметил, что в корзинке старика, суетливо прошмыгнувшего мимо него, лежали большие рыбы, но это были лишь ельцы.

И теперь, собирая червей для наживки, Гэн тихонько посмеивался, вспоминая, как вежливо кланялся ему старик, будто взрослому, как поспешно проскользнул мимо и какое у него было жадное лицо.

Гэн был один ранним утром на безлюдной реке.

А река шумела, как вчера, ничего не замечая. И Гэн устыдился своей улыбки.

На реке вдруг посветлело. Это взошло солнце. Туман побелел и поднялся выше над водой. Спине сделалось теплее, и шум воды казался теперь громче.

Гэн выпрямился. В коробочке для наживки копошились в речном песке черви.

«Ну вот, наживки хватит на весь день. Теперь половлю рыбу». Гэн потянулся, повернулся к солнцу, которое взошло над речным туманом, и зашлепал по воде к берегу за удочкой.

II

С удочкой на плече Гэн быстро шагал по горной тропинке вдоль обрывистого берега реки. Удочка была засунута в чехол. Гэн хотел подняться вверх по течению.

Река то сворачивала в сторону, то выпрямлялась, то бурлила, то застывала омутами, всем видом своим показывая, что тут-то и обитают большие гольцы, — хотела обмануть Гэна. Но он не поддавался на обман.

Гэн приходил сюда каждый день, испробовал все и знал, что самые большие гольцы водятся только за Большим водопадом, там, где нет удильщиков, а ниже водопада можно поймать мелких гольцов.

Водопад грозно шумел, и брызги сверкали на утреннем солнце. Над чашей водопада висела семицветная радуга. Окрестные скалы были мокрыми от брызг. На них росли папоротники, тоже влажные от воды.

Гэн боялся водопада. Он всегда невольно сжимался, когда глядел на бесконечные потоки воды, грозно низвергавшиеся вниз.

Вода, подбежав к краю обрыва, отчаянно бросалась в пустоту и, падая в чашу водопада, шумно вскипала, обращаясь в белую пену.

И все это повторялось бесконечно.

Гэн думал, что шум водопада — это вопль воды, которая вдруг срывается с огромной высоты. Он боялся этого отчаянного и тоскливого вопля в тихих горах.

Но еще больше Гэн боялся доски, которая стояла у Большого водопада.

На новой доске свежей черной тушью было отчетливо выведено:

ВОДОПАД КАДЗИКА.
ДАЛЬШЕ ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН.

Гэна пугали черные иероглифы на новой доске — словно кто-то только что написал их здесь, в глухих горах.

Ему казалось, что там у доски кто-то стоит.

Гэну приходилось видеть зайцев и лисиц. Ему не страшно было встретить в горах лесных зверей.

Опасно было бы встретить здесь дурного человека. И поэтому жутко было смотреть на совершенно новую доску с иероглифами, явно написанными рукой человека, в то время, как самого человека не было видно поблизости.

Доска производила зловещее впечатление еще и потому, что иероглифы на ней были всегда свежими, будто только что написанными. Правда, они могли выглядеть так оттого, что намокали от водяных брызг.

И все же Гэн стал карабкаться вверх по скале мимо Большого водопада. Там, за водопадом, водились огромные гольцы. Он заранее радовался тому, как увидит, что на крючке бьется большая рыба.

Волосы и лицо его сразу же намокли от водяных брызг. Он оглох от рева водопада. Сандалии скользили на мокрых камнях. Сорвешься — и конец.

Гэн добрался до могучего старого клена и присел на его корнях отдохнуть. Это было на полпути до места, и он всегда отдыхал здесь. Клен склонился набок, и ветви его свисали прямо в водопад. Гэн чувствовал спиной, как струи водопада угрюмо бьют по ветвям клена. Вода низвергалась на этот клен с тех пор, как дерево родилось и стало таким матерым. Струи воды били по клену день и ночь, и макушка его качалась под их напором. Даже, когда Гэн был вдали от этих мест и не помнил о клене...

Гэну бывало страшно думать об этом.

Он всегда отдыхал у корней клена, потому что ему было трудно взбираться по мокрым камням и еще потому, что он был упрямым человеком. Когда он сталкивался с чем-нибудь страшным, ему хотелось усестись посреди этого страшного и испытать, сколько он может выдержать.

Вот и сегодня, посидев немного у качавшегося клена, он стал карабкаться дальше.

III

Наконец Гэн оказался над Большим водопадом. Шум воды слышался теперь далеко внизу. Перед ним открылась совсем другая картина.

Цвет воды в реке изменился. Под водопадом она была мутного теплого цвета от ила и песка. Здесь же дно реки устилали белые круглые камни. Над ними медленно текла, извиваясь, глубокая зеленоватая вода.

Леса по берегам реки казались значительно светлее, сквозь зеленую листву просвечивало солнце. И голоса птиц звучали радостнее, будто зелень растворялась в лучах солнца.

Гэн вынул удочку из чехла и расставил ее. Это была складная удочка. Он сам сделал ее из четырех бамбуковых коленцев. Потом он привязал к концу удилища леску, а на крючок нацепил червяка. Гэн не пользовался ни грузилом, ни поплавком.

Грузилом служил сам червяк, под его тяжестью леска то уходила в глубь воды, то плыла по поверхности. Гэн думал, что так рыба ско-

рее попадется на крючок, потому что червяк выглядел совсем как живой.

Ему не надо было смотреть на поплавок, он рукой чувствовал, когда рыба клюет. И этим втайне гордился.

Иногда рыба пыталась улизнуть под скалу, но Гэн не давал ей уйти, водил ее из стороны в сторону и уже не ради самой рыбы, а из желания одолеть ее.

Взлетев в воздух, рыба ударяла ему прямо в грудь. Тогда он поспешно хватал ее и снимал с крючка.

Рыба была холодна, как лед, она дергалась у него в руке, широко разевая рот.

Гэн совал рыбу в корзину, и она еще некоторое время трепыхалась в корзинке, ударяя хвостом по ее бокам. Так было всегда.

Но сегодня рыба не клевала.

Гэн нацепил на крючок не одного, а целых три толстых червя, а рыба не клевала.

«Попробую-ка на пух», — решил он и сменил червей на куриный пух. Такая наживка тоже была изобретением Гэна. Он плотно обматывал крючок выкрашенным красной краской куриным пухом. Если легонько поводить удочкой по воде, голец думает, что плывет красный червяк и хватает его, вынырнув на поверхность. Тут-то и нужно подсекать.

Однако рыба не ловилась и на куриный пух.

За Большим водопадом не водились ни ельцы, ни кижучи. Здесь попадались лишь бурые гольцы с грубыми белыми пятнами на теле.

Гонец — рыба жадная. Любую наживку мигом хватает. Бывает, и змею проглотит. Иногда у него в животе находили и камни.

— Умная рыба, — говаривал отец. — Перед бурей наглотается камней и уйдет на дно подальше от бушующих волн.

Отец был знаменитым рыболовом. И все же Гэн считал, что отец ошибался. Просто голец рыба алчная. Увидит на дне добычу, разинет свой большой рот и ринется за ней. Вместе с добычей и камни заглотит.

И вот такая жадная рыба сегодня почему-то не клевала. Когда ей не нравятся червяки, она обычно идет на куриный пух, поэтому Гэн иногда менял наживку. Однако сегодня ничего не помогало.

Он забрасывал удочку и на перекате, в стороне от стрежня реки, где течение не было таким сильным, и там, где вода, перевалив через

маленький камень, пенилась белой пеной, и в заводи, где зеленая вода сонно стояла на месте, — во всех местах, где рыба прежде обязательно клевала, но все было напрасно.

IV

Обычно Гэн вылавливал несколько крупных гольцов на перекате или в омуте выше Большого водопада и, довольный уловом, спускался с горы. А если ему не везло, он поднимался чуть выше и уж там непременно находил гольцов.

Сегодня же рыба почему-то не шла на крючок, и он в поисках добычи, незаметно для себя, забрел далеко в горы.

Глядя на ветви омелы, свисавшие, как веревки с толстых стволов буков, Гэн вспомнил страшную легенду об Огненном коне, которую рассказывали у них в деревне.

За водопадом высится гора Огненного коня, говорили люди. Конь этот спускается с неба на гору, и всякий, кто увидит коня, погибает от его копыт.

Гэн всегда помнил об этой легенде и никогда не забирался далеко за Большой водопад, у которого стояла пугающая доска.

Сегодня же он как-то забыл об осторожности и, увлекшись, оказался высоко в горах.

Гэн подкрепился немного и пошел дальше. Удочку он нес теперь на плече и направлялся к высокой вершине, которая виднелась, как на ладони. С этой вершины маленьким водопадом и низвергалась ставшая узкой река.

«Дойду до водопада, — решил он. — До него рукой подать. В чаше того водопада и собралась, наверно, вся рыба. Она там просто кишмя кишит, не иначе. Доберусь до водопада, закину удочку и, если уж и там не клюнет, вернусь домой».

Однако вершина только казалась близкой. Он шел и шел и никак не мог до нее добраться. Водопад грохотал, будто отбивали дробь на барабане.

Скалы по обеим сторонам реки были такие крутые, что Гэн с трудом взбирался по ним. Продираясь сквозь густую бамбуковую чащу, он поранил руки и ноги.

И все же он продолжал свой путь. Гэн был упрямым пареньком и не отступал перед трудностями.

И вот он добрался до Малого водопада. Спрятавшись за камнем,

закинул удочку. Место было мрачное, темное, по обоим берегам реки стоял лес, а впереди высилась скала, по которой стекал водопад.

Леску сразу же затянуло в пенистый водоворот, крючок с гроздьё червей заплескался в воде, и его потащило вниз на мелкое место.

Гэн выдернул леску и снова закинул ее в воду.

Рыба должна была бы ухватиться за наживку, когда леска влеклась из чаши водопада вниз по течению, но она почему-то не появлялась.

Гэн монотонно закидывал удочку и вытаскивал, закидывал и вытаскивал, и стал уже сам клевать носом. С ним такое бывало — от большого усердия его иногда клонило в сон. И вдруг леску дернуло.

V

Удочка изогнулась, как месяц, и снова дернулась два раза.

Голец пытался уйти под скалу на дно реки.

Вот-вот сломается удочка или лопнет леска! Но ничего не случилось. Гэн потрудились на совесть, когда выбирал бамбук для удочки. Вдобавок он смазал удилище жиром, да и леска была прочной.

Наконец леска дернулась вправо, потом влево: рыба заметалась из стороны в сторону — оставила надежду уйти на дно. Гэн позволил ей двигаться, куда она хотела, и когда леска натянулась до предела, он дернул удочку вверх и повел рыбу к берегу. Гэн упер конец удилища в живот и стал перебирать его руками, приближая рыбу к себе. Удилище сотрясалось, и это передавалось Гэну, твердо упершемуся ногами в камень. Голец изо всех сил пытался удрать, но Гэн упорно держал его на крючке. Сердце его бешено колотилось.

«Большая рыбина! До сих пор таких не вылавливал, — подумал Гэн. — Взглянуть бы поскорее, какая она».

Но Гэн знал, что до победы еще далеко.

— Суетливый нищий мало кусков соберет, — сказал он и потянул леску к себе. Но когда он подтащил рыбу совсем близко к берегу, она вдруг рванулась обратно. Гэн позволил ей уйти, держа на крючке, но понял, что победа за ним.

Голец высунул морду из воды, разевая рот, и резко изогнулся всем телом. Вот это да! Как кухонная доска.

Рыба была далеко и почти скрыта водой, сквозь зеленую воду виднелась лишь половина ее тела, однако он понял, что голец был огромным.

«Уж не хозяин ли?» — испугался Гэн.

«Хозяином» считалась рыба — властелин реки, долго обитавшая в ней и наделенная волшебной силой.

Гэн решил все же, что задумываться над этим не стоит. Лучше поскорее вытащить рыбину, не упустить ее.

Рыба явно ослабела, поэтому она и всплыла наверх и высунула морду из воды. Однако надо быть настороже. Бывало, что в самый последний момент леска обрывалась и рыба уходила из рук.

Голец метался из стороны в сторону, а Гэн, улучив момент, то и дело подергивал удочку, постепенно подводя рыбу к берегу.

Наконец голец оказался совсем близко. Тогда Гэн осторожно повел леску вниз из чаши водопада. Рыба была слишком большой, чтобы разом выдернуть ее из глубокой воды. Гэн решил вывести ее на мелкое место и там уж тащить на берег.

Он пожалел, что не захватил с собой подсак, однако не думал же он, что ему попадется такая огромная рыбина.

Увидев рыбака, рыба обычно начинает бушевать еще сильнее, поэтому, мельком взглянув на добычу, Гэн слез с камня и стал двигаться незаметно, чтобы не попадаться на глаза рыбе. «Да, без подсака, пожалуй, не вытащить, — подумал он. — Что же делать?»

— Ладно, как-нибудь справлюсь, — сказал он сам себе и повел леску на мелкое место, туда, где вода уже выбралась из чаши водопада.

Наполовину высунув спину из воды и скользя брюхом по камням, голец отчаянно извивался и шумно бил хвостом по воде.

Теперь Гэн уже не прятался от рыбы. Он вошел в воду, дернул вверх изогнутое дугой удилище и, не ослабляя натяжения лески, отделил последнее, толстое звено удилища. Он решил использовать эту часть удилища, как палку. Бить ею по гольцу, пока он не ослабнет, и потом уж вытащить его на берег. Чтобы натянуть короткую леску, он высоко поднял руку и приподнялся на цыпочки. Воспользовавшись этим моментом, рыба бросилась наутек. Она стрелой помчалась к глубокому месту, подскакивая на камнях мелководья, вся на виду.

Гэн от неожиданности упал, но, падая, он оттолкнулся ногой и постарался оказаться немного впереди несущегося в белой пене гольца.

Большая скользкая рыба ударилась о его грудь. Он схватил гольца обеими руками, холодное рыбье тело пыталось выскользнуть из его рук, но он уверенно швырнул увесистого гольца на берег.

VI

Гэн сидел на прибрежной траве, тяжело дыша и вытянув ноги. Он спокойно и даже как будто лениво глядел на гольца. Рыба подпрыгнула и ударила хвостом по траве. Из рта ее свисала леска, конец которой уходил в реку, а удище качалось на волнах у берега. Гэн не спеша встал и подошел к гольцу. Рыба билась на траве, окрашенной местами кровью. Гэну не захотелось вытаскивать крючок из ее рта, он достал из-за пазухи мешочек с инструментами, вынул маленькие ножницы и обрезал леску.

Потом вытащил на берег удочку и, схватив рыбу за жабры, попробовал на вес. Голец оказался тяжелым и длинным. Хвост его волочился по земле.

— Пожалуй, три сяку¹ будет... — Гэн отшвырнул все еще испуганно трепыхавшуюся рыбу подальше в траву, чтобы не ускакала, и развязал пояс. Он был мокрым насквозь.

Раздевшись догола, Гэн снова закинул удочку у большой скалы. Мокрое кимоно и выловленная рыба лежали на траве. Толстый конец удища, который он инстинктивно отбросил на берег, когда падал, был на своем месте.

Однако рыба не клевала.

Гэн поежился от холода, взглянул на небо. Спускались сумерки. Надо было взять одежду, высохшую на солнце. Гэн повернулся, и тут тяжелая рука крепко схватила его за горло.

— Ты зачем сюда забрался? Не видел запретного знака?

С испугу сердце Гэна подпрыгнуло прямо до горла, а глаза закатились. Над ним склонилось чье-то свирепое лицо.

От сильного удара Гэн упал на землю и, прикрывая голову рукой, оглядел мужчину с палкой в руке.

Это был асигару². Он был одет в походное хакама³ и соломенные сандалии. За поясом торчал только один короткий меч⁴.

— А ну говори, зачем забрался сюда? Ты что, не видел запретного знака?

---

¹ Сяку — мера длины; один сяку равен 30,3 см.

² Асигару — пеший самурай. Самый низший ранг самурая. Буквальный перевод — «легкие ноги». В средневековой Японии самураи — представители военно-феодальной касты.

³ Хакама — широкие шаровары, похожие на юбку.

⁴ Самураи высокого ранга носили два меча.

— Запретный знак? А что это? — спросил Гэн.
И тут же на него обрушилась палка, и голую спину обожгла сильная боль.

— Дурак! Доска, запрещающая ходить в эти места.

— А-а... — припомнил Гэн, но промолчал, опасаясь удара.

— Говори!

— Я... я тут рыбу ловил, а она не клевала, вот я и... зашел...

— Голый?

— Нет, это я в воду упал, когда рыбу вытаскивал. Вон кимоно сохнет. Там и гонец большой лежит...

— Смотри, если наврал! Сейчас проверю. А ну, покажи!

Самурай пошел за Гэном, подталкивая его палкой в спину.

— Ага! Кимоно! О! Вот так рыбина!

Самурай направился к гольцу, а Гэн, словно заяц, прыгнул в лесную чащу.

Самурай бросился за ним, но не разглядел в кустах, хотя Гэн притаился совсем рядом.

Не упуская кимоно из виду, самурай стал искать Гэна, тыча палкой в кусты. Думал, видно, что Гэн выскочит за одеждой.

Потом самурай принялся обшаривать кусты вниз, у водопада. Наверно, решил, что Гэн побежит обратно вниз по реке.

А Гэн, наоборот, карабкался по тропе вверх.

Он рассудил, что этот путь безопасней.

Водопад шумел справа от него, так что это, видимо, была боковая тропа, ведущая на вершину горы, с которой низвергалась вода.

Спина и бедра Гэна покрылись царапинами, но он упорно продолжал подниматься в гору.

Наконец он устал и присел отдохнуть, съежившись в комочек. Было холодно и жалко большого гольца, которого теперь ему уж не видать.

А мать ждала рыбу.

Теперь в доме рыба была им большим подспорьем. Стояла сильная засуха, есть было нечего.

Как там мать?

Гэн печально опустил голову, а когда поднял и взглянул на небо, в ужасе вскочил — на багряном вечернем небе ярко вырисовывалось пятно, напоминавшее коня.

Огненный конь! Увидишь — умрешь.

VII

«Огненный конь! Да я, никак, на гору Огненного коня забрался! — подумал Гэн. — Неужели смерть моя пришла? Но я не хочу умирать! Еще чего! Умирать в двенадцать лет!»

Дрожа от ужаса, Гэн глядел на страшного коня, скакавшего по багровому небу.

Глаза мальчика чуть не вылезли из орбит. Его бил озноб, но не потому, что он был голый, а потому, что душа его заледенела от ужаса. Зубы стучали, дыхание сперло.

Умереть? Как это? Что чувствуют люди, когда умирают?

— Мама! — только и прошептал Гэн.

Мама была далеко, очень далеко. Вот бы увидеть ее! Хотелось плакать, но слезы не текли из глаз.

Огромный Огненный конь то отчетливо вырисовывался на фоне багровых облаков, то исчезал. Потом вдруг снова появлялся и бесшумно скакал по небу с развевающейся гривой. И хотя нельзя было точно различить его глаз, носа и ушей, было ясно видно, что это и был Огненный конь.

От страха Гэн не мог даже пошевелиться. Он вспомнил рассказ деревенского деда Китибэя.

«Жил прежде в нашей деревне возчик по имени Дзѣмбати, — рассказывал дед. — Возил он тяжелые грузы и тем добывал себе на пропитание. И вот как-то раз возьми он да и скажи: «Какой это возчик побоится коня! Подумаешь, Огненный конь! Да я его враз изловлю».

Сказал и отправился на гору Огненного коня. Вернулся Дзѣмбати бледный, как смерть, и слег в сильном жару. Все тело его было в синяках от лошадиных копыт. «Я видел. Простите меня! Я видел, но рассказать не могу. Простите!» — вопил он в бреду и умер, не приходя в сознание.

«Вот и я увидел Огненного коня, — подумал Гэн. — Теперь он истопчет меня своими копытами. Я вернусь весь в жару и умру».

У Гэна вдруг заняло все тело, будто его и вправду истоптал своими копытами страшный конь.

Гэн встал с земли. Помочился на траву. Взглянул на небо — он забыл о нем, пока справлял нужду, — и остолбенел!

Огненного коня как не бывало!

Закат поблек. Вдали проглядывало синее небо. Темнело.

Гэна знобило. Не то от страха, не то от холода. Он подумал немного и стал спускаться с горы.

Неужели решил вернуться в деревню?

Нет, для этого он шел слишком спокойно и уверенно. Просто Гэн рассудил, что самураю, наверно, надоело уже искать его, и решил взять одежду, а потом подняться на гору Огненного коня.

VIII

У Гэна была одна дурная привычка. В то время, как люди, встретившись со страшным человеком или попав в беду, стараются убежать подальше, избавиться от напасти, Гэн всегда шел напролом — пытался понять, почему он попал в опасное положение.

И теперь он поступил так же — взял и спустился по знакомой тропе вниз, к зарослям у реки, где на него напал самурай. Рядом рокотал маленький водопад, и рокот его был похож на стук барабанов.

Речку окутала легкая мгла, кое-где раскрыли свои лепестки ночные цветы цукимисо¹.

На берегу все оставалось как прежде. На траве валялись его кимоно и пояс.

Но рыбы, которую он с таким трудом вытащил из воды, не было и в помине. Вот не везет! Раз в жизни попался большой голец, и того лишился! «Вот дьявол!» — Гэн закусил губу, представилось огорченное лицо матери.

Придется возвращаться домой с пустыми руками.

Рыбу, конечно, унес самурай. Заныла спина, которую он огрел палкой. Было нестерпимо обидно.

Гэн выскочил из кустов на берег, схватил одежду и тут же юркнул обратно.

Он не спеша оделся. Кимоно согрело избитую спину. Оно еще хранило солнечное тепло. Это кимоно стежок за стежком шила ему по вечерам мать.

Гэн туго затянул пояс.

Он принял решение.

Он обязательно увидит Огненного коня. Посмотрит, как конь

¹ Цукимисо — буквально: «цветы, глядящие на луну»; бот. энотера.

спустится с небес и поскачет по горам. Он увидит коня, даже если это будет стоить ему жизни.

Гэн уже видел его и, стало быть, должен умереть. Убежит ли он или останется, смерть настигнет его. Так что теперь можно глядеть на этого коня сколько влезет.

— А может, еще и повезет, может, и спасусь... — прошептал Гэн рассудительно, как взрослый, и направился к водопаду. Он не спешил, он знал: самурай больше не вернется сюда.

У скалы валялись удочка и сандалии. Одна сандалия в стороне вверх подошвой. Все было как в тот момент, когда самурай схватил его за горло.

Он обул сандалии, разобрал удочку на части, сложил их в чехол и повесил через плечо.

На душе было покойно, будто за поясом у него был меч.

Гэн стал взбираться на гору Огненного коня.

«Почему здесь, в глухих горах, оказался самурай, — думал он. — Дозор несет, что ли?»

Постой! Ведь самурай этот тоже должен умереть, раз забрался на гору Огненного коня! Он наверняка знал об этом и все же пришел сюда.

Однако у самурая такое свирепое и злое лицо, что никак не подумаешь, что он поднялся на гору, чтобы умереть. Нет, с таким лицом смерти не ищут. Значит, самураям смерть здесь не грозит. Как же так?

Казалось бы, Гэну должно было быть грустно одному на горной дороге, однако грустить ему было некогда: в голове роились всякие мысли, сомнения.

Вдруг Гэн споткнулся обо что-то и упал.

Звякнуло железо.

Гэн вскочил и внимательно вгляделся в темноту. Перед ним на тропе лежал мертвец, одетый в рваное кимоно. Руки и ноги его были закованы в цепи.

«Неужели его затоптал своими копытами Огненный конь? — подумал Гэн. — Но зачем тогда цепи?»

Сдерживая дрожь, Гэн осторожно приблизился к человеку.

Из впалых глазниц костлявого лица, обтянутого тонкой кожей, глядели широко открытые старческие глаза. Надо лбом торчали седые волосы. Сквозь лохмотья одежды, свисавшие, как морская капуста, проглядывали худые ребра.

Тонкая рука мертвеца поднялась, дрожа, и схватила Гэна за подол кимоно.

— Ой! — Гэн в ужасе отпрянул.

— Отнеси... отнеси это в мой дом, — прошептал человек тихим, как шорох скоробea, голосом. Звякнула цепь, и рука, сжимавшая что-то блестящее, упала наземь.

Человек, по-видимому, скончался.

Теперь это был уже настоящий мертвец.

Гэн застыл над ним затаив дыхание.

IX

Гэн присел на корточки рядом со стариком, разогнул пальцы за-коченевшей руки и выхватил сверкавший камешек.

Человек перед смертью просил, значит, надо отнести камешек. Куда отнести, кому, было непонятно, однако надо выполнить волю усопшего.

Гэн отодвинул крышку коробки для наживки, висевшей на поясе, и не глядя сунул туда камешек. На большее сил не хватило. Он отскочил от умершего. Ему показалось, будто дрожавшая рука старика опять хотела схватить его за подол.

Гэн бросился со всех ног бежать в темноту. Он мчался не оглядываясь, боялся, что старик бежит за ним следом и вот-вот вцепится костлявыми пальцами в горло.

И все же Гэн бежал не вниз с горы, а вверх по тропе. И это было так похоже на него.

Подниматься в гору было тяжело. Скоро ноги устали, бедра одеревенели, и он пошел медленно, тяжело дыша, и вдруг ноги его остановились сами собой.

По обеим сторонам тропы тянулись рядами могильные камни! Гэн присел на корточки и стал рассматривать их. Оказалось, это были не надгробия, а пеньки деревьев. Свежие срезы пеньков, белея, напоминали могильные камни на кладбище. Пеньки тянулись широкой полосой вдоль тропы, как на кладбище.

— Что это? — изумился Гэн, и страшная мысль мелькнула в голове.

Кто-то срубил деревья на горе, куда нельзя подниматься под страхом смерти. Да так много!

Вряд ли это проделки тэнгу¹ или черта. Значит, люди? Кто же они? И зачем срубили деревья?

Все это было странно и непонятно, поэтому Гэн пошел дальше. Он пошел, чтобы узнать тайну.

Наконец он оказался у края ущелья, ползком добрался до обрыва и посмотрел вниз.

На плоском каменном ложе стояло несколько унылых дощатых бараков. Они были погружены в густой мрак, и не было видно, есть ли там окна. Свет горел только в добротном выстроенном доме, стоявшем посредине. Оттуда доносились громкие оживленные голоса.

Жилье на горе Огненного коня? Вот это да! Затаив дыхание Гэн смотрел на бараки, и то, что он увидел дальше, взволновало его еще больше.

Бараки были обнесены деревянным частоколом, который тянулся до входа в пещеру, и из этой пещеры вышли люди. И не один или два, а человек десять. Они шли цепочкой, друг за другом, с трудом волоча ноги. На ногах звенели цепи, и люди были привязаны друг к другу толстой веревкой, опоясывавшей каждого из них.

Все это Гэн ясно рассмотрел, когда вереница людей проходила мимо освещенного дома.

Гэн сразу же вспомнил цепи на ногах и руках старика, на которого он наткнулся в горах. У этих людей цепи были только на ногах.

Х

— Ты что плетешься еле-еле? А ну пошевеливайся! — крикнул мужчина, появившийся из пещеры последним.

Это был самурай низшего ранга. Подол простого кимоно был подвернут, за пояс заткнут один меч. По виду он мало отличался от узников, только лицом был более свиреп, чем они. Самурай ткнул палкой старика в середине вереницы. Старик беспомощно свалился, потянув за собой тех, что тащились спереди и сзади.

Самурай подскочил, собираясь ударить старика по спине, но удар палки принял на себя молодой мужчина. Он прикрыл старика своим телом.

¹ Тэнгу — сказочное существо, наподобие лешего, с длинным носом.

— А ну прочь! Не мешай!

Окрик самурая прозвучал так громко в тихих горах, что был услышан и на краю обрыва, где притаился Гэн.

Дверь освещенного дома отворилась изнутри, и несколько самураев вывалилось наружу.

— Что тут у тебя?

— Да вот один наглец прикрывает приятеля.

— Грабитель, что ли? Или поджигатель?

— Да нет, Дэнкити, бунтовщик. Совсем обнаглел в последнее время, то и дело на глаза попадается.

— А ты взгрей его как следует.

— Ну да, взгрей! — раздались пьяные голоса самураев.

— Ладно.

Самурай поднял палку и направился к веренице узников.

Гэн с ужасом глядел вниз.

Однако молодой мужчина, прикрывавший своим телом старика, даже не пошевелился.

Палка безжалостно обрушилась на его спину. Удары ее болью отзывались на побитой спине Гэна. Молодой узник не дрогнул.

Остальные пленники угрюмо зароптали. Ропот этот, видимо, произвел устрашающее впечатление на самурая, хотя ноги узников были в цепях, а сами они были связаны друг с другом веревкой.

— Смотри у меня! — буркнул он. — Если еще раз замечу... — Самурай опустил палку, шумно дыша.

Избитый мужчина встал.

Самурай невольно отступил на шаг.

— Все, что ли? Эй, пошли! — сказал мужчина, и узники, звеня цепями, направились к барaku.

Похоже, они не очень-то слушались самурая и охотно выполняли приказание молодого узника.

Самурай опешил, но уже не мог ничего поделать и от злости ударил последнего из вереницы узников палкой по спине.

Узники остановились перед дверью мрачного барака.

Самурай нарочно медленно подошел к двери, не спеша вставил ключ в замочную скважину, повернул его с лязгом, и дверь отворилась.

Считая входивших в барак узников, самурай еще раз ударил палкой старика, упавшего тогда в веренице, сильный удар обрушился и на спину молодого мужчины, который поддержал старика.

Мужчина обернулся. Самурай наотмашь хлестнул его палкой по лицу.

Мужчина неторопливо поднес ладонь ко лбу. Наверно, у него был рассечен лоб и текла кровь.

Гэн видел его неторопливое движение с края обрыва, и оно понравилось ему.

«Вот это человек! — подумал Гэн. — А самурай гадина».

Затолкав узников в барак, самурай стал запирает дверь, гремя ключом. Наконец попал в замочную скважину и несколько раз повернул ключ.

— Дурачье! Ха-ха-ха! — презрительно захохотал он. Самурай, выскочившие из дома на шум, тоже расхохотались, и все скрылись в освещенном доме.

Барак с узниками безмолвствовал. Не было слышно ни единого голоса.

А самурай, видимо, принялись пить сакэ¹. Из дома доносились пьяные голоса.

«Что же теперь делать?» — думал Гэн, лежа на животе на краю обрыва.

---

¹ С а к э — рисовая водка.

4

I

то придумаешь лежа? Сколько ни лежи, ничего хорошего в голову не придет. Когда в голову ничего не приходило, Гэн обычно начинал действовать, и тогда план рождался сам собой.

До сих пор Гэн еще никогда не сожалел о своих поступках. А он прожил на свете целых двенадцать лет...

Гэн размышлял, лежа на животе на краю обрыва, и тут мысли его были прерваны появлением внизу еще одного самурая.

В одной руке он держал палку, в другой большого гольца.

«Скотина!» — Тело Гэна напряглось при виде врага. Это был, несомненно, тот самый самурай, который схватил его за горло и ударил по спине палкой. Значит, он тоже из этой компании. Один из тех, кому ничего не стоит избить человека.

Подняв рыбу за жабры, самурай направился к освещенному дому и постучал палкой в дверь.

— Кто там? А, это вы, господин начальник!

Дверь с грохотом раздвинулась, и в просвете ее появился самурай.

— Начальник вернулся! — поспешно крикнул он в дом и спросил: — Ну как, нашли Хэйхати?

ГЛАВА ВТОРАЯ ТАЙНЫЙ РУДНИК

— Опять пьянствуете? Стоит мне отлучиться, как вы за свое. Хэйхати, чуть живой, и тот сбежал.

— Так ему не привыкать. Уж и руки сковали, а он все равно удрал. Не иначе как ему кто-то помог в бараке. Так нашли его?

— Какое! Разве найдешь. И там осмотрел все, и здесь. Две тропы всего. Исчез, как сквозь землю провалился.

Самурай поглядел на обрыв, и Гэн тут же распластался на скале. Гэн знал, что самурай вряд ли заметит его в темноте, но инстинктивно он все же прижался к земле.

«Значит, тот старик в цепях был Хэйхати. Почему же самурай не заметил его? Видно, старик прятался где-нибудь в кустах и вылез на тропу как раз перед тем, как я появился на ней», — подумал Гэн.

— Эй! Сколько я буду ждать? Нечего там сакэ прятать. Хэйхати я не нашел, зато не с пустыми руками вернулся, не то что вы!.. — Самурай, которого называли начальником, швырнул гольца прямо в грудь стражнику, стоявшему в дверях.

— Отойди! Руки воняют, нет сил.

— Господин начальник! Вот вам вода, помойте руки. — Другой самурай, высунувшись из дверей, протянул начальнику лохань и полотенце.

— Прекрасный голец! Поймали в реке, наверно. Зажарим с солью — объеденье.

— Брось, Ёдзи! Закуски к сакэ не будет. Рис сварили? Я голодный как волк.

— Ну конечно, рыба... рис... Господин начальник у нас и сильный, и великодушный. Настоящий воин. Выпьет чашечку сакэ и с ног долой...

Лохань с водой была нахлобучена на голову сболтнувшему лишнее самураю и завертелась на его голове, как на гвозде. Повернувшись раза два, она остановилась.

Гэн хихикнул. Больно смешон был самурай по имени Ёдзи. А рас-свирепевший начальник и того больше. Гэн представил себе, как этот громила, похожий на черта, выпьет крошечную чашечку сакэ и тут же свалится.

Ничего! Придет время, и он, Гэн, собьет его с ног, скрутит руки, зажмет нос и силой вольет в его пасть столько сакэ, чтоб тошно стало. Узнает, как красть чужую рыбу, как избивать людей палкой!

И Гэн решил разведать все о самурайском логове, даже если на это уйдет вся ночь.

II

Сначала Гэн хотел подождать наверху, пока самураи улягутся спать, а потом уже незаметно подобраться к дому, но рассудок подсказал ему, что лучше всего подкрасться к дому теперь, когда самураи заняты едой и в доме стоит шум.

Сделав большой крюк, он спустился в ущелье и, стараясь держаться в темноте, подполз сзади к самурайскому дому. Там он съежился, как кошка, и прильнул ухом к дощатой стене.

— Поэтому чертенок и улизнул, — услышал он голос начальника. «Это он обо мне», — понял Гэн и напряг слух.

— Вот не повезло... — сказал кто-то.

— Ты что, насмехаешься надо мной? — взревел начальник, над которым явно потешались, видимо, самураи недолюбливали его.

— Да чертенок просто рыбу ловил и заблудился в горах...

— Ошибаетесь! Мальчишка шпионил. В последнее время в деревнях ропщут. Голодно, налоги растут, мужчин ловят и заставляют работать в рудниках. Вот они и послали мальчишку разнюхать, что к чему.

— Но, господин начальник, в деревне думают, что ходить на гору Огненного коня нельзя. Увидишь, мол, коня, живым не вернешься.

— Голодный пес о смерти не помышляет. Он нюх в ход пускает. Разузнают тайну рудника и станут торговаться с князем: не освободишь, мол, от налогов — донесем в Эдо¹. Вот тогда заварится каша.

— Да, дело скверное. Но не преувеличивайте, начальник, мальчишка вряд ли добрался до нас. Он же исчез у Малого водопада, не так ли.

— В последнее время селяне молчат, как истуканы, что у них на уме, не понять. И у нас ведь на руднике есть несколько человек из тех, что бунт замыслили. Конечно, этот мальчишка деревенский шпион. Теперь мне совершенно ясно. Нет, он не вернулся в деревню. Чувствую, прячется где-то в лесу. Во всяком случае, живым его оставлять никак нельзя. Он видел меня.

Сердце у Гэна сжалось. Ах, вот что! Послан из деревни шпионить! Грозятся убить! Что же делать?

— Сосира, Едзи, Синнódзэ! Что-то мне беспокойно. Бегите и обшарьте все кусты еще раз от Малого водопада до Большого.

¹ Эдо — столица средневековой Японии, нынешний Токио. В Эдо находилась ставка военного правителя Японии сёгуна, которому подчинялись все князья.

— Сейчас, господин начальник? Так ведь ничего не видно. Да и мальчишка давно уж в деревне...

— Говорят вам, идите!

Холодный пот выступил на спине у Гэна, когда он услышал эти слова, но тут к нему приблизилась темная тень, и сильный удар в бок свалил его.

Человек взвалил потерявшего сознание Гэна на плечо и бесшумно побежал прочь от дома.

Внезапно он исчез, как сквозь землю провалился, и когда три самурая, нехотя собравшись, вышли по приказу начальника на поиски, человека и след простыл.

Очнулся Гэн в полной темноте, в мрачном бараке. Кто-то постучал по его спине, приводя в чувство.

Гэн хотел было закричать, но чья-то большая рука закрыла ему рот, и могучее плечо придавило его к дощатой стене. Звякнули цепи на ногах.

— Молчи! А то погибнешь,— прошептал мужчина.

— Ладно,— так же тихо ответил ему Гэн и перестал сопротивляться. Он понял, что был у друзей.

— Нам цепи снять — раз плюнуть.— Кто-то рядом засмеялся чуть слышно, будто комар взмахнул крыльями.

— Тот, кто сейчас смеялся, большой мастер этого дела. Когда на воле был, амбары грабил. Теперь вот с нами тут сидит. Одним гвоздем может цепь разомкнуть. Каждый вечер мы ходим к дому охранников подслушивать. Сегодня я ходил.

Гэн шевельнулся, но его опять придавили к стене.

— Ты, наверно, удивляешься, как это мы выходим отсюда. Но мы же рудокопы. Что нам стоит вырыть тайный ход под полом! А выход из него мы заделываем так, чтобы самурай не заметили.

— Ты случайно не Дэнкити? — спросил Гэн. Голосом и фигурой этот человек напоминал ему молодого мужчину, который прикрыл своим телом упавшего старика.

— Откуда знаешь? — удивился Дэнкити.

— А я тебя видел. Я слышал, как самурай называл тебя. Ты замышлял крестьянский бунт, а они схватили тебя.

— Теперь не обо мне, а о тебе надо подумать. Судя по всему, сегодня уходить тебе отсюда опасно. Так что мы спрячем тебя в забое.

— В забое?

— Ну да, в горе, где мы добываем серебряную руду. Здесь находится тайный рудник князя Акита. О нем ничего не знают ни жители княжества, ни власти сёгуна в Эдо. Кто попадет сюда, уж никогда живым не выберется. А мы выйдем живыми.

III

— Почему же отсюда нельзя выбраться живыми?

— Дело в том, что без разрешения сёгуна нельзя разрабатывать рудник. Те, кто тайно добывает серебро, считаются заговорщиками, которым серебро нужно на войну против сёгуна. Если в Эдо узнают о руднике, самураи княжества будут уничтожены. Вот самураи и держат рудник в тайне ото всех. А если бы они открыто занялись добычей серебра, то часть добычи им пришлось бы отправлять сёгуну в Эдо.

— Вот как!

— Ну да. Оттого-то они и загоняют сюда опасных преступников, которых можно заморить до смерти. Если тайна рудника откроется, самураям несдобровать. Поэтому никто из рудокопов не выйдет отсюда живым. Даже трупы умерших зарывают здесь же, в горах.

— А как же вы собирались выбраться на волю?

— Это секрет. Но тебе можно сказать.

В темноте послышался глухой ропот, темные тени придвинулись к Дэнкити, звеня цепями.

Гэн уже привык к темноте и рассмотрел угрюмые силуэты.

— Погодите! — остановил их Дэнкити.

Но темные фигуры подступили к нему вплотную, так что Гэн даже почувствовал их дыхание.

— Дэнкити! — сказал кто-то глухим голосом. — Проговоришься, придушим тебя и этого щенка. Все равно подыхать, но если узнают о нашем плане, некоторые умрут еще раньше.

— Никто не узнает. Мальчишка не продаст. Он и сам сейчас на волоске от смерти. Наоборот, он нам еще и поможет.

— Я этим зверям, самураям, ничего не скажу. Начальник стражи сказал, что живым меня не выпустит. Сейчас они ищут меня там, у водопада. Хотят убить. А я не желаю знать никакой вашей тайны. Можете не говорить, — рассердился Гэн.

— Эй, вы! — перебил его Дэнкити. — Мы обязательно должны рассказать ему о нашем плане.

— Это почему же? — спросил кто-то.

— Сегодня я ходил в разведку. Смотрю — мальчишка у караульного помещения. Я встал незаметно за его спиной и слышал все, что говорил начальник стражи. Если крестьяне узнают о тайном руднике, сказал он, они могут угрожать князю донести в Эдо, коль он не снизит налоги.

— Мда...

— Жизнь в деревне тяжелая, сказал он, крестьяне ропщут. И видно, стали подозревать, что в горах творится что-то неладное. Вот и послали мальчишку разнюхать, что к чему.

— Никто меня не посылал. Я ходил рыбу ловить, — возразил Гэн.

— Постой! Раз начальник стражи боится чего-то, значит, случись это что-то, им несдобровать. А раз так, мы должны разузнать, в чем дело, и воспользоваться этим.

— И что ты предлагаешь, Дэнкити?

— Я вот думаю, что одним нам не справиться. Надо объединиться с крестьянами. Если рудокопы и крестьяне выступят вместе, поднимется такая буча, что самураям не по зубам будет. А мальчишка этот станет гонцом. Он сообщит крестьянам о наших планах.

IV

Дэнкити замолчал. В темноте тихо переговаривались. Когда чей-то голос возвышался, его обрывали: «Тсс...» Все старались говорить тихо, но иногда прорывались и громкие возгласы. Невозможно было сдержаться, ведь речь шла о жизни и смерти.

Дэнкити взял Гэна за плечо и спросил ласково:

— Тебе сколько лет?

— Двенадцать, — ответил Гэн.

— Немного погодя я отведу тебя в забой, — сказал Дэнкити. — Этой ночью самураи не придут к нам в барак. Заперли нас и успокоились. А вот завтра явятся будить. Поэтому ночью тебя надо спрятать. Есть хочешь?

— Нет, — отказался Гэн, хотя в животе ныло от голода.

— Потом что-нибудь добудем. — Дэнкити засмеялся и сказал сидевшему рядом мужчине: — Достанешь?

— Будь уверен.

Мужчина зазвенел цепями, и Гэн узнал по голосу Грабителя амбаров.

— Как у вас там, в деревне, с едой?

— Плохо. Все голодают. Поэтому я и ходил ловить рыбу.

Гэн вспомнил о матери. Она просила наловить побольше рыбы, хоть бы и мелочи — ее можно засушить, — а он погнался за большим гольцом, и теперь вот сидит тут, затаив дыхание, прячется... Выйдешь, самураи убьют, да и тут, чуть что, придушить могут.

Однако страха Гэн не испытывал. Он и вообще-то был не из трусливых, а тут ему было спокойно возле Дэнкити.

— Ну, решили? — спросил Дэнкити.

— В общем-то, решили, — ответил старческий голос немного поодаль.

— Это ты говоришь, Сёхати? Ну так как?

— Сделаем, как предлагаешь, но есть кое-какие сомнения. Первое — насчет мальчишки. Не оплошает ли? А то ведь пропадем все.

— Нет, по всему видать, крепкий парень. Начальник стражи говорил, что чуть было не поймал его у Малого водопада, а он, вместо того чтобы домой бежать, в горы подался. И тут не струсил. Подкрался незаметно к караульному помещению и подслушал все, что там говорили.

— Еще думаем мы, не донесут ли на нас крестьяне, когда мы расскажем им о том, что замышляем. Случись такое — беда.

— Верно, беда. Но крестьяне не донесут. Они сами уже не могут больше терпеть самурайских поборов. Мы каждый день подслушиваем разговоры стражников и знаем, что это так. Видали, как начальник стражи всполошился сегодня, когда упустил мальчишку. Боятся, что крестьяне узнают о руднике. Я сам крестьянин и уже три года сижу здесь. Еще три года назад мы собирались устроить бунт.

— И еще одно. Мы не сможем раскрыть свою тайну, пока не получим согласия рудокопов из барakov у южного и северного входов в рудник.

— Это верно, согласие получить надо. Но и мальчишку нужно завтра же отправить в деревню. И я боюсь, что за ночь мы не успеем оповестить рудокопов и получить ответ. Но все же попробуем.

— Я понял! — закричал вдруг Гэн. — Вы тут восстание затеваете. Дэнкити засмеялся и спросил дружелюбно:

— А ты что, против? — И, обратившись к другим, заметил: — Видите, какой сообразительный парень!

Гэн уже не боялся ничего. Душа его ликовала. Ненавистных самураев побьют, и он поможет рудокопам.

Гэн вспомнил зверскую рожу начальника стражи, который валился с ног с одной чашечки сакэ.

Ничего! Скрутим его, зажмем нос и вошьем в глотку сакэ...

— Я помогу вам, — сказал Гэн. — Начальник стражи избил меня, забрал мою рыбу, а теперь хочет меня убить.

— Ладно. Мы примем твою помощь. У тебя найдутся дела в деревне, если ты завтра выберешься отсюда. Но ты должен будешь не раз еще прийти к нам, в эти горы, где тебя могут схватить и убить.

— Ничего. Я согласен. А вы?

— Мы-то? Согласны, не так ли?

V

Гэна вели в рудник. До этого все долго и яростно спорили приглушенными голосами. И все же сошлись на том, что Гэн станет связным между ними и крестьянами.

Рудокопы понимали, что будут немедленно казнены, узнай самурай о готовящемся восстании, однако выступить вместе с крестьянами было заманчиво. И они решили рискнуть положиться на Гэна.

Каторжный труд под землей уже привел их к мысли о восстании, и любая помощь была к стати. В случае провала восставшим грозила смерть или тяжкий труд, который был хуже смерти, но отказаться от восстания они уже не могли.

Размышляли долго, но, решившись, быстро принялись за дело.

Звякнули, упав с ног Дэнкити, цепи. Их снял Грабитель амбаров. В углу барака завернули циновку, подняли доски, сдвинули крышку, обсыпанную землей, и открылся подземный ход, откуда несло запахом сырой земли. Дэнкити проворно юркнул в него, туда же спустили и Гэна.

Затем быстро заделали дыру, закрыли циновкой, и в бараке наступила тишина.

Гэн с трудом пробирался по узкому ходу. Дэнкити, привыкший к такому передвижению, быстро полз вперед. Удивляясь тому, как он

ловко ползет на коленях, Гэн тоже заспешил и наткнулся головой на пятку Дэнкити. Тот как раз остановился, чтобы подождать мальчика.

Гэн тихонько засмеялся, но Дэнкити тут же цыкнул на него и снова устремился вперед. Теперь Гэн был более внимателен, но старался не отставать от Дэнкити.

Дэнкити опять остановился. На этот раз Гэн уже не наткнулся на него.

Дэнкити настороженно прислушивался к чему-то. Гэн тоже застыл, затаив дыхание.

Издали слышались шаги и голоса. Под землей, к удивлению Гэна, все было отчетливо слышно:

— Что же мы скажем начальнику?

— А как было, так и доложим.

— Опять разозлится. Скажет, плохо искали.

Видимо, возвращались самураи, посланные искать Гэна.

— Да разве найдешь ночью такого мальчишку. Он же как мышонок. Его даже начальник упустил, не то что мы.

— Хорошо еще, что мы заметили на дороге труп Хэйхати. Вот если бы он добрался до деревни, шума было бы, я думаю, побольше, чем с этим мальчишкой.

— И как это чуть живой старик спустился к Большому водопаду? Не иначе просто свалился со скал.

— Смутьян паршивый! Пнул его ногой в траву, а ребра так и гремят. Наверно, ребра сломал. Кожа да кости...

Гэн отчетливо услышал, как Дэнкити выругался.

Самураи прошли, шумно переговариваясь, затем стукнула дверь в караульном помещении, и все затихло.

Дэнкити прополз еще немного и приподнял доску над головой. Это был выход.

Они оказались в смешанном лесу, который окружал гору, где была пещера — вход в серебряный рудник.

Дэнкити лег на живот. Рядом растянулся Гэн. Прикрывая выход подкопа дерном, Дэнкити сказал:

— Беги что есть духу за мной до пещеры и спускайся вниз, в рудник. Понял?

И Дэнкити побежал. По пути он легко и бесшумно перемахнул через изгородь.

VI

Гэн проворно спустился следом за Дэнкити по вертикальному стволу рудника. Он был уложен зигзагообразно бревнами, в которых были вырублены опоры для ног, наподобие лестницы. Наконец Гэн коснулся протянутой ему руки Дэнкити и почувствовал под ногами твердую землю.

Они прошли немного в темноте и свернули влево. Еще продвинулись вперед. Наконец Дэнкити остановился, высек огонь кремнем и зажег светильник на стене.

Вмиг все осветилось.

— Вот здесь и остановимся. Я тебе скажу, что делать дальше. Смотри не забывай вот это нигде. Может навести на след.

Дэнкити протянул Гэну чехол с удочкой. Значит, нес его всю дорогу: и когда по тайному ходу полз, и когда по бревенчатой лестнице в рудник спускался.

Гэн взял удочку, и рука его нечаянно коснулась коробки для наживки. Коробка сдвинулась на бок, когда он полз. Гэн передвинул ее на живот, и в коробке что-то брякнуло.

— Ах да! Я забыл сказать тебе, что видел Хэйхати на тропе перед его смертью. Умирая, он просил отнести домой вот это.

Гэн вытащил из коробки камешек и протянул его Дэнкити.

Дэнкити долго глядел на камешек.

— Старик слегка помешался, когда староста за малый долг забрал его любимую внучку. Он порезал старосту серпом, за что был посажен в тюрьму. Из тюрьмы Хэйхати много раз убегал, но его всякий раз ловили и наконец сослали на этот рудник.

— Отсюда он тоже убегал, самураи говорили.

— Поэтому у старика и руки были в цепях. И все же он снова ухитрился сбежать. Серебро это он, видно, засунул в рот в забое. Собирался, наверно, выкупить внучку.

— Засунул в рот?

— Ну да, а потом выплюнул.

Гэн ясно представил себе, как в груди старика болтаются сломанные ребра, а он, плача, выплевывает изо рта кусочек серебра.

— Можно вас спросить?

— Спрашивай.

— У нас в деревне говорят, что всякий, кто поднимется на гору Огненного коня и увидит коня, обязательно погибнет.

— Это самураи выдумали такую сказку, чтобы люди не подходили близко к тайному руднику.

— Но я видел этого самого коня своими глазами.

Гэн вспомнил, как на закате по облаку, громыхая копытами, промчался Огненный конь с развевающейся гривой.

— Это отражается на облаках пламя печей, где выплавляют из руды серебро. Люди, которые верят в легенду об Огненном коне, увидев на небе что-то непонятное, думают, что это и есть тот самый страшный конь, который убивает людей.

— Но в нашей деревне один человек действительно погиб от копыт этого коня!

— А кто видел, что его топтал копытами конь?

— Все тело его было в синяках, и он кричал: «Я видел, я видел, но ничего не скажу!» Так и умер, говорят.

— Наверняка он, как и ты, обнаружил нас, изможденных рудокопов, и понял, что в горах находится тайный рудник. А синяки на теле у него не от копыт коня, а от побоев самураев. Видимо, он попался им в руки, но как-то сумел убежать. А от страха ничего не рассказал односельчанам.

Дэнкити объяснил все понятно, но Гэн никак не мог отказаться от мысли, что Огненного коня, которого он видел своими глазами, на самом деле не существует. Ему хотелось еще раз взглянуть на него и самому убедиться в этом.

— Еще хочешь о чем-нибудь спросить?

Спросить-то хотелось о многом, да Гэн не знал, как начать.

Тогда Дэнкити сказал:

— Расскажи мне подробно о своей деревне. Потом запомни хорошенько, что я тебе скажу, и точно передай своим. Ошибешься даже в малом — твоих односельчан отправят сюда. Так что будь внимателен.

Гэн сглотнул слюну и твердо взглянул в глаза Дэнкити.

VII

Дэнкити долго слушал рассказ Гэна о деревне. Подробно расспрашивал его обо всем, его интересовали даже самые незначительные детали. Гэн понимал, что все это было важно для Дэнкити.

Наконец Дэнкити сказал:

— Ну ладно. Теперь мне все ясно. В общем, как я и предполагал, есть почти нечего, налоги большие, наверняка потихоньку поговаривают о бунте.

— Ни о каком бунте никто не говорит.

— Говорят, но так, чтобы дети не слышали. В случае провала головы полетят с плеч.

— Ну уж!

— Да, да, полетят! — уверенно сказал Дэнкити. — Кому попало об этом деле не скажешь. От этого зависит жизнь всех нас.

«Наверно, он прав», — подумал Гэн.

— Дойдет до людей князя, рудокопам несдобровать. Можно и не доносить, достаточно лишь сказать людям ненадежным, и провалишь дело. Тогда и нам и вашим деревенским худо придется.

— Понимаю.

— Скажи деду Курóскэ.

— Кому?

— Деду Курóскэ. Судя по всему, на него можно положиться. Видно, спокойный и твердый старик.

«Вот почему он так подробно расспрашивал о деде Курóскэ, — подумал Гэн. — И то правда, старик надежный».

— Но встанет ли дед Курóскэ во главе бунта? — Гэн никак не мог вообразить себе деда Курóскэ участником такого опасного дела.

— Думаю, встанет. Как раз такие люди, как дед Курóскэ, имышляют про себя о великих делах. Даже если он и не согласится сразу, его надо убедить. Когда ты расскажешь ему о рудокопах, о том, что они собираются восстать, рискуя жизнью, он обязательно возглавит бунт крестьян. Он пойдет от деревни к деревне, найдет верных людей и откроет им все.

— Но...

— Другого выхода нет. Если деревни у подножия горы не поднимутся на бунт, рудокопы восстанут одни и погибнут. Пусть даже им удастся бежать с рудника, многие будут убиты. Вся надежда на деда Курóскэ. Стало быть, все будет зависеть от того, как ты расскажешь о нас деду Курóскэ.

— Смогу ли я рассказать, как надо, и о руднике, и о серебре, и о вашем замысле?

— Сможешь! Обязательно сможешь. Я надеюсь на тебя.

Дэнкити схватил Гэна за плечи. Глаза его, сверкающие в тусклом свете рыбьего светильника, взглянули в глаза Гэна.

— Постараюсь,— сказал Гэн.

Дэнкити опять крепко сжал его плечи и опустил руки.

— Значит, решено. Теперь тебе надо вернуться в деревню. Ты пока поспи. Самураи давно уже улеглись. Все в порядке. Немного погода пойдешь в деревню.

— Нет, я сейчас пойду. Мать беспокоится.

— Как же ты спустишься ночью со скал у Большого водопада? Вздремни лучше немного, а выйдешь так, чтобы добраться к водопаду к рассвету. Тогда будет видно камни под ногами.

Дэнкити, конечно, был прав, но Гэну захотелось спуститься со скал Большого водопада ночью, в темноте. Такой уж он был упрямый парень. «Струи водопада блестят и ночью, и скалы, наверно, смутно виднеются»,— подумал он.

— Нет, я пойду.

— Ты и вправду спустишься в темноте?

— Спускаюсь.

Дэнкити решил положиться на Гэна. Они поднялись по зигзагообразной бревенчатой лестнице и вышли из рудника.

VIII

Гэн сидел весь в холодном поту на толстом стволе качавшегося под напором воды клена, верхушка которого торчала в струях водопада.

Оказалось, вода ночью не сверкает и ничего под ногами не видно. Пришлось спускаться ощупью по скользким камням. Так он добрался до середины водопада и сидел теперь на стволе клена, чувствуя спиной содрогание дерева.

Отдохнув немного, он опять пополз вниз, ощупывая ногой каждый камень.

Клен находился на середине водопада. Дальше спускаться было еще труднее из-за сильных брызг. К тому же надо было двигаться ощупью по мокрым камням и в полной темноте. На спуск ушло вдвое больше времени, чем на подъем.

Но Гэн не сдавался. Такой уж у него был характер. Чем больше было трудностей, тем смелее он шел вперед. Он умел терпеть и не падал духом, а наоборот, сопротивлялся всеми силами трудностям, и ему весело было сражаться с препятствиями.

Он спускался вниз, а в сердце его звучали слова народной песни:

Процветает ты
До поры, гора богача.
Но знай: не вечен твой пир.

Потом он запел эту песню и умолк на время, лишь когда сорвался и висел, держась обеими руками за уступ. Но он повторял ее снова и снова, и незаметно для себя оказался на твердой плоской скале. Гора осталась позади.

И тут грохот водопада снова оглушил его. Казалось, водопад вопит и стонет, сожалея, что упустил добычу.

В темноте Гэн разглядел доску с иероглифами и бросился к ней. Иероглифы были, как всегда, свежими, будто только что написаны.

ВОДОПАД КАДЗИКА.
ДАЛЬШЕ ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН.

Гэн помнил эти слова наизусть. Они всегда ярко чернели, потому что сюда долетали брызги от водопада. Но теперь ему почудилось за этим запретом злобное лицо начальника стражи. Даже больше. За доской с иероглифами стояли все самураи княжества, и казалось, сейчас высунется огромная рука и схватит его за горло.

Гэн бросился наутек. Он знал теперь тайну горы. В горе Огненного коня находился рудник князя.

Он бежал по берегу реки Кадзика.

Она долго петляла и заворачивала и наконец привела его к деревне. У околицы он остановился удивленный — вдали дрожали два огненных пятна. Одно из них отделилось и стало быстро приближаться к нему.

Поднеся свечу к его лицу так близко, что чуть не опалилась бровь, мать ударила его по щеке. Потом, уронив свечу, она прижала Гэна к себе. В темноте запахло воском от потухшей свечи.

Из глаз Гэна потекли слезы. Давно мать не шлепала его. И теперь, получив пощечину, он понял, как она тревожилась за него.

Приближалась еще одна свеча.

— Ну как, вернулся? — спросил дед Куроскэ. — Вся деревня со-

биралась искать тебя, да мы удержали их, вдвоем пошли встречать. Не такой ты парень, чтобы пропасть в горах.

Дед Куроскэ засмеялся щербатым ртом. Гэн улыбнулся. Мать стащила с его плеча удочку и пыталась сломать ее о колено прямо в чехле.

— Не надо, мать, — остановил ее дед Куроскэ. — Я понимаю, ты волновалась, но рыбная ловля — единственная утеха Гэна. Да и рыба нам большая поддержка сейчас.

— Да я лучше с голоду умру! Покойный муж не простит мне, если я погублю сына. — И мать заплакала.

IX

Мать плакала.

Гэн стоял столбом, не в силах двинуться, а мать плакала, сидя на корточках посреди дороги.

Гэну всегда было страшно, когда взрослые плакали, как дети. А тут его собственная мать так беспомощно плакала из-за него. В последнее время она была такой тихой, не била его, и в слезах он ее не видел.

— Ладно, мать, — тихо сказал дед Куроскэ.

Он зажег упавшую свечу о свою и передал ее Гэну. Потом жестом велел Гэну идти вперед и поднял мать под локоть. Она встала, шатаясь. Гэн пошел к деревне.

Зажженные свечи бросали под ноги два не очень ярких, но больших светлых пятна. Из травы под ногами выскакивали кузнечики и щеkotно стукались о грудь.

Шли молча. Гэн опасался, что его спросят, почему он так поздно вернулся с рыбалки, но ни мать, ни дед Куроскэ не спросили его об этом.

Мать, видно, была вне себя от радости, что он нашелся, а дед, наверно, догадывался обо всем, но помалкивал.

Но даже прозорливый дед Куроскэ не мог представить себе, что произошло с ним, с Гэном. Он не мог даже предположить, что Гэн взобрался на гору Огненного коня, увидел этого самого коня на небе, обнаружил тайный рудник, побывал в бараке каторжных рудокопов, прятался в забое, узнал о готовящемся восстании и что вожак рудокопов Дэнкити велел сообщить о нем деду Куроскэ.

— Гэн!

Ну все! Сейчас дед спросит его, подумал Гэн, но дед Куроскэ сказал совсем другое:

— Зайди в мой дом, отдохни немного.

Тут Гэн заметил, что они подошли уже к самой деревне. На краю ее стояло высокое и толстое железное дерево, под ним дом деда Куроскэ. Сквозь сёдзи¹ мерцал огонек.

— До вашего дома еще далеко, а мать твоя, похоже, устала. Выпейте хоть чаю.

— Мы не можем беспокоить вас так поздно. Спасибо и за то, что помогли мне искать Гэна,— сказала мать слабым голосом.

— О чем вы говорите! Я хоть и старый, но ноги пока держат. Не стесняйтесь, заходите. И Киёно еще не спит.

— Вот и малышку Киёно побеспокоим...

Гэн понял, что мать согласилась зайти в дом деда Куроскэ, что было удивительно, потому что мать не любила обременять людей.

Она с трудом передвигала странно ослабевшие ноги, и, шагая следом, Гэн всем своим существом понял, как она волновалась за него.

Они вошли во двор, и голоса насекомых сразу умолкли.

— Дедушка, это ты? — слышался чистый голосок девочки.

— Я.

— Нашли Гэна?

— Да, вот он.— Дед подтолкнул вперед Гэна.

Гэн от смущения почесал в затылке.

— Ах ты, ослушник! Ты знаешь, как ты свою мать напугал?

Гэн промолчал, хотя ему не пристало выслушивать замечания девочки, которая была моложе его на два года.

— Киёно! Приготовь чай. Мать Гэна утомилась.

— Сейчас! — Киёно прошла с веранды через комнату в кухню. Она была рослой белокожей девочкой. Из-под короткого светлого кимоно виднелись белые ноги. Красный пояс очень шел к ней. Маленькая головка, с волосами, туго стянутыми в небольшой пучок на макушке, выглядела опрятной.

— Киёно! Не надо никакого чаю. Я воды попью,— остановила ее мать.

---

¹ Сёдзи — раздвижная стена японского дома, главным образом между комнатой и верандой, представляет собой решетчатую раму, на которую наклеивается полупрозрачная бумага.

- Да я быстро вскипячу над очагом.
- Я тут присяду на веранде, попью воды и пойду домой.
- Вы и вправду воды хотите?
- Да.
- Ладно, мать, заходи. И ты, Гэн, тоже.— Дед Куроскэ прошел с веранды в дом. Снял кимоно, остался в одной набедренной повязке и принялся обмахиваться дырявым веером.

X

Гэн и его мать прошли в комнату и сели у потухшего очага. Киёно принесла холодной воды, поставив ладонь под дно ковша, чтобы не падали капли.

— Вот.

— Ты что, Киёно, не могла в чашке принести?

Жадно прильнув к ковшу и глотая воду, мать Гэна остановила деда жестом.

— Колодезную воду лучше всего из ковша пить,— сказала Киёно.— В нашем доме нечем гордиться, кроме воды. Правда, дедушка?

Колодец был у них вырыт прямо в сених. Киёно только что грела там бадьей, черпая воду.

— Ну, ожила! — Мать улыбнулась глазами и приподнялась на колени, чтобы отнести пустой ковш в сени, но Киёно тут же взяла у нее ковш. Потом сняла с крюка железный котелок для кипячения воды и принялась разжигать очаг.

Мать встала с колен, подошла к божнице и склонилась перед ней в молитве.

Гэн знал, о чем она молилась. Мать сообщала покойным родителям Киёно, что Гэн благополучно вернулся, и благодарила их за то, что они сберегли его от всех напастей.

Мать его была доброй подругой матери Киёно, вдобавок они были из одной деревни. Мать сосватала свою подругу за товарища мужа, и они стали дружить семьями, и дружба их была крепче родственных уз. Потому мать сильно горевала, когда подруга ее умерла, заразившись чахоткой от свекрови, за которой ухаживала.

Несколько лет спустя погибли отцы Гэна и Киёно. Они нанялись зимой на рубку леса в горах, и их придавило там деревом. Киёно осталась одна с дедом, и мать часто говорила, что вырастила Киёно

вместе с Гэном. Дед неразлучно жил с внучкой, и теперь она уже сама готовила еду.

В эту ночь мать, наверно, с ужасом думала, что Гэна забрал бог смерти, однако эти двое на божнице оберегали его, как и свою дочь.

Об этом и думала мать, молясь у божницы.

Гэн отхлебнул чай и с блаженством почувствовал, как горячая жидкость, обжигая горло, спустилась в желудок. Что может быть вкуснее горячего чая летней ночью!

— Попробуйте вот баклажаны. Сама мариновала. — Киёно придвинула горшок с баклажанами к матери Гэна.

— Ты и мариновать научилась?

— Да, к дедушке иногда за советом ходят, так что соленья у нас не переводятся.

— Красивый цвет.

— Дедушка научил гвоздь в горшок положить.

— Вкусно! — Гэн схватил кусок баклажана темно-синего цвета. В животе заныло. Он вспомнил, что не ужинал. Дэнкити обещал принести еду в забой, да забыл, наверно.

«Можно ли доверять забывчивому человеку судьбу восстания?» — вдруг заволновался Гэн. Не было бы рядом матери, сразу же посоветовался бы с дедом Куроскэ.

— Вот, ешь! Ведь не ужинал, поди. — Киёно принесла из кухни железный котел и повесила на крюк над очагом. Сняла крышку, из котла повалил пар. Зачерпнула ковшом похлебку и налила в чашку. Принимая из ее рук чашку, Гэн спросил:

— А как ты догадалась, что я не ел?

— А что, разве не так? — Киёно засмеялась, запрокинув маленькую головку. — Знаю я тебя: за одно дело примешься, другое забудешь. Сегодня где рыбу ловил? Поймал что-нибудь? Почему так поздно вернулся?

Вот оно! Мать не спросила, дед промолчал, так Киёно привязалась. Что отвечать?

— Киёно! Дай поесть человеку. Сначала еда, а потом уж расспросы.

— Дедушка верно говорит. Ешь, Гэн, похлебку. Я добавила к чумизе рубленой зелени и посолила. Вкусно получилось.

— Ай! — Гэн задумался над тем, как отвечать Киёно, и обжегся похлебкой. Теперь он сидел, вытаращив глаза.

Киёно опять засмеялась.

ХІ

— Ну рассказывай! — велела Киёно, когда Гэн положил хаси¹.

— Не спеши! Пусть похлебка в животе уляжется.

— А я хочу поскорее услышать твой рассказ.

— Хм...

— Как это ты целый день на реке просидел и ничего не поймал. Корзинка для рыбы пуста.

— Поймал. Вот такую рыбину! — Гэн растопырил руки, показывая, какая большая рыба ему попалась.

— Ну и где эта рыба?

— Ее медведь выхватил, — соврал Гэн.

— Медведь?! — Киёно вытаращила глаза от удивления.

— Ну да, медведь.

Гэн вспомнил зверское лицо самурая, который забрал его рыбу, и подумал, что рожа у него была похуже, чем у медведя.

«Сказал неправду, придется и дальше врать», — подумал он.

— Большой был медведище...

— Большой, говоришь? — переспросил дед Куроскэ. Он сказал это обычным тоном, но уши у Гэна тут же покраснели. Он почувствовал, что дед не поверил ему.

Однако Гэн не мог рассказать при матери о горе Огненного коня, о самураях и обо всем другом. Не хотел волновать ее.

— Большой! — повторил он.

До чего же противно врать! Как было бы хорошо, если бы можно было сказать правду, но это еще больше встревожило бы мать.

И Гэн решил врать напропалую.

— А где ты встретил медведя? — продолжала допытываться Киёно.

— У Большого водопада.

— Ты нес рыбу на плече?

— Нет, тащил ее за жабры, а она волочилась по земле.

Вообще-то так и было, подумал Гэн, вспомнив, как нес его рыбу начальник стражи. Она действительно волочилась по земле.

— Гэн! А куда девался медведь?

Гэн замешкался с ответом, так внезапно дед Куроскэ задал свой вопрос.

Мать бросила на Гэна быстрый взгляд и побледнела.

¹ Хаси — палочки для еды.

Ну вот! Хотел убересть мать от волнений, не рассказывая о горе Огненного коня, а она расстроилась, когда услышала, что он наткнулся в горах на медведя.

— А медведь схватил рыбу и убежал.

— Взобрался по скалам Большого водопада к горе Огненного коня?

Слова деда словно ужалили Гэна. Он оторопел. А дед Куроскэ невозмутимо отбросил в сторону веер и потянулся за кисетом.

— Уж поздно, Гэн. Пойдем домой. Пора и совесть знать,— засуетилась мать.

— Да, идите, пожалуй. И Гэн устал, и ты, мать, утомилась. Идите спать,— согласился дед Куроскэ.

— Дедушка, я хочу еще про медведя послушать,— заняла Киёно.

— Завтра наведаешься к Гэну домой и расспросишь его. А теперь они оба устали,— сказал дед Куроскэ, попыхивая трубкой.

Гэн почувствовал облегчение. Расслабил застывшие плечи.

Наконец-то можно было не врать.

Мать долго благодарила деда Куроскэ и Киёно за заботу. Киёно высекла огонь кремнем, зажгла свечу и посветила матери, спускавшейся с веранды.

Гэн немного задержался и тут услышал тихий шепот деда Куроскэ, который вышел их проводить.

— Гэн, не говори матери, что был на горе Огненного коня.

«Ну вот!» — подумал Гэн.

XII

Гэн не помнил, как он спустился с веранды, как надел сандалии.

Киёно что-то говорила ему, но он тут же забыл.

Наверно, она сказала, что придет завтра в гости послушать про то, как на него напал медведь.

Он боялся, что мать будет расспрашивать его по дороге, но, к счастью, обошлось без расспросов.

Из травы опять выскакивали кузнечики и щекотно стукались в грудь.

Наконец на фоне темного неба обозначились силуэты трех кэяки¹.

¹ Кэяки — дерево; дзельква пильчатая.

Это была примета их дома. Гэн разглядел деревья даже в кромешной тьме.

Их дом в деревне называли «У кэяки», а дом деда Куроскэ «У железного дерева».

Дверь стояла нараспашку, и мать прошла прямо в дом.

У Гэна заныло в груди, когда он увидел, что дверь была открыта настежь. У них в деревне все знали друг друга из поколения в поколение, и двери можно было не запирасть — никто не ограбил бы. Но мать была женщиной аккуратной и всегда затворяла дверь, когда уходила куда-нибудь. Значит, она так сильно волновалась, что забыла запереть дверь, когда побежала к деду Куроскэ.

Мать поставила свечу к божнице и склонилась в молитве. Гэн молчал. Он сел позади, справа от матери.

Если она поблагодарила покойных родителей Киёно в доме деда Куроскэ, то уж покойному отцу Гэна непременно должна была поклониться за то, что сберег Гэна от беды.

«Отец! Прости меня за беспокойство», — начал было говорить про себя Гэн, соединив перед собой ладони, но мать уже встала и принялась стелить постели.

Обычно Гэн сам стелил себе постель. Теперь же мать принесла его тощий матрац, и он промолчал. Только подумал: «По правде говоря, это я должен был бы позаботиться о матери».

Мать чинно села на постель в нижнем кимоно и набедренной повязке и, бледнея лицом, сказала:

— Я не верю тому, что ты там наплел про медведя. Завтра утром расскажешь мне правду.

— Но медведь на самом деле напал на меня. Как наскочит... — упорно стоял на своем Гэн. Он решил не тревожить больше мать, однако слова его звучали как-то неубедительно.

Мать, ничего не говоря, отвернулась к стене и укрылась с головой тонким стеганым кимоно.

Гэну не спалось.

Он никак не мог заснуть, хотя сильно устал. За закрытыми веками роились, как пчелы, события дня. Иногда они жалили мозг острыми жалами.

Огромный голец тяжело плюхался в воду. Большая рука самурая вдруг хватала его за горло. Слышались угрюмые голоса каторжников. Костлявые пальцы умершего на его глазах на горной тропе старика цеплялись за подол кимоно.

«Ах да! Завтра утром надо спрятать кусочек серебра, который лежит в коробочке для наживки, не то мать обнаружит его», — подумал Гэн.

Но больше всего его беспокоили слова деда Куроскэ, сказанные ему на прощание.

По-видимому, дед Куроскэ догадался о том, что Гэн побывал на горе Огненного коня.

Как же он узнал это? И все ли он знает?

Известно ли деду Куроскэ о тайном серебряном руднике на горе Огненного коня?

А его выдумке про медведя поверила только Киёно. Даже мать не поверила, велела завтра рассказать правду. Сегодня ночью надо что-то придумать, чтобы успокоить ее.

Гэн с нежностью вспомнил свежее, беленькое лицо Киёно, которая приняла его рассказ за чистую монету. Ее лицо с удивленно распахнутыми глазами медленно надвинулось на него, и он заснул глубоким сном.

I

а следующее утро Гэн проснулся весь в поту.

Комната была полна солнца. День собирался быть жарким. Через раздвинутые настежь сёдзи иногда залетал прохладный ветерок. Он был такой свежий, что хотелось вдыхать его бесконечно.

Гэн тихонько поглядел в ту сторону, где спала мать. Матери не было, постель давно была убрана. Приподняв голову, он взглянул вперед, поверх ног. Мать хлопотала на кухне.

Стараясь не шуметь, Гэн встал, быстро свернул постель, сунул ее в стенной шкаф, схватил полотенце и прыгнул с веранды во двор.

И тут его окликнула мать:

— Гэн! Ты куда?

— Умыться хочу.

Колодца на кухне, как в доме деда Куроскэ, у них не было. Он был вырыт в углу двора.

Правда, двора-то, собственно, тоже не существовало. Было лишь сильно утоптанное место, через которое ходили односельчане, сокращая себе путь с одной улицы на другую. Если идти через их двор, то можно не огибать дома Плаксы и Замарашки. Плаксу на самом деле звали Хэйтаро. Это Гэн его так прозвал за то, что Хэйтаро, чуть что, сразу начинал

ГЛАВА ТРЕТЬЯ СКАЛА ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ

хныкать, хотя был одного возраста с Гэном. А Замарашкино имя было Фудэ. Она вечно шмыгала носом, хотя девчонкам этого делать не полагалось.

Гэн подошел к колодцу и, поглядывая на дом, опустил бадью, привязанную к палке из зеленого бамбука, в колодец. Далеко внизу слышался всплеск воды. Из-за засухи воды в колодце поубавилось.

Вообще сухое лето благо для крестьянина, но когда дождей вовсе нет, он начинает беспокоиться об урожае. В этом году, похоже, ничего не уродится. Прошрое лето, наоборот, выдалось холодным, шли непрерывные дожди, и посевы либо сгнили на корню, либо их уничтожили вредители.

Для деревни все беда: и дожди, и засуха.

Два года неурожая тяжким бременем легли на крестьян. Несмотря на плохую погоду и недород, с них безжалостно взимали налоги. Они думали кое-как дотянуть до осени, до нового урожая, но и это лето, как на грех, выпало засушливым.

Гэну казалось, что он слышит, как просят воды потрескавшиеся поля. Он знал: не выпадет дождь — злаки погибнут, и снова будет беда.

В каждом доме съестные припасы были на исходе. Если осенью не соберут ничего, деревню ожидает голод.

Он вытащил бадью из колодца и поставил на край сруба. На дне бадьи сверкал в воде мелкий песок. Когда на дне колодца появляется такой песок, колодец пересыхает.

И мать, и Гэн берегли воду, старались не вычерпывать ее до дна, ждали, когда она снова накопится в колодце.

В прошлом году ходили за водой под дождем, накинув соломенный плащ. Вода в колодце стояла почти вровень с землей, а теперь вот высохла...

Гэн заглянул в колодец. Вода сиротливо сверкала далеко внизу, будто маленькое серебряное зеркальце.

— Живы ли вы там, караси? — Голос Гэна отозвался в колодце эхом. Он как-то выловил карасей в деревенской речке и выпустил их в колодец и теперь вот думал, как им там живется.

Гэн выпрямился, оперся двумя руками о бадью и, нагнувшись, напил из нее. Потом засунул палец в рот и стал чистить зубы. Обычно он чистил зубы солью. Сегодня же ему не хотелось заходить на кухню — там была мать.

Он набрал в рот воды, побулькал ею и выплюнул вверх, будто хотел попасть в солнце. Он так радовался солнцу в лесу у Большого водопада, а теперь оно раздражало его.

Гэн снова набрал полный рот воды и плюнул вверх.

— Вот теперь лучше получилось.

Из воды образовалась на солнце маленькая семицветная радуга. В первый раз она не удалась, а теперь вот засверкала разными цветами.

— Гэн! Не трать воду зря, — слышался голос матери.

Увидела, чем он тут занимался.

Гэн отошел от бадьи с полным ртом воды, подумал немного и проглотил тепловатую воду. Глотать было противно. Но не мог же он плюнуть в колодезную бадью или в лохань, откуда будет умываться.

— Тьфу ты! — Он ругал не мать, а самого себя: представил себе, как стоял с раздутыми щеками. И, стесняясь, что зря потратил воду, он плеснул на дно лохани немного воды, а остальную вылил из бадьи обратно в колодец.

II

Гэн нехотя прошел в дом со стороны веранды. Уже не было той прыти, с которой он умывался, разбрызгивая во все стороны, как конь, воду из лохани.

Он нарочно умывался так долго и шумно, чтобы оттянуть неприятный разговор с матерью.

Мать сидела спиной к божнице. Мягкая характером, она как бы обращалась за поддержкой к покойному отцу Гэна, урна с прахом которого стояла на божнице.

— Ну, рассказывай, что случилось, — велела она слабым голосом, видно, долго думала, как приступить к разговору.

Перед таким ее голосом Гэн всегда пасовал.

— Я твоя мать, родившая тебя в муках. Вчера мне было достаточно взглянуть на тебя, чтобы понять, что с тобой что-то стряслось. Говори, что случилось.

— Это...

— Почему ты явился так поздно? Давай все выкладывай.

— Я...

— Ты никогда не лгал мне. Почему же вчера вечером сочинил про какого-то медведя? Вероятно, произошло что-то ужасное. Если ты врешь, потому что боишься обеспокоить меня, то знай: мне от этого только хуже! Я волнуюсь еще больше. Говори сейчас же!

— Видишь ли...

И Гэн решил рассказать матери, как на него напал самурай, но тут раздался ясный, как утро, голосок:

— Гэн! Ты дома? Позавтракал? — По двору шла Киёно. — Вот пришла послушать твой рассказ про медведя, — сказала она, войдя в сени.

«Повезло! Как раз вовремя появилась. Мать обмерла бы от страха, скажи я ей, что побывал на скалах Большого водопада. А уж если бы узнала про встречу с самураем... Но больше я ничего бы не сказал. Ни за что!» — подумал Гэн.

— Ну, какого роста был медведь? — спросила Киёно.

— В два раза выше меня.

— В два раза?!

Гэн знал, из-за медведя мать волноваться не станет, — она уже догадалась, что он наврал ей, поэтому и говорил так храбро.

— Проходи в дом, Киёно, что стоять на пороге, — пригласила мать. — Гэн сегодня проспал. И еще не завтракал. Садись, если хочешь, поешь вместе с ним.

— Я уже ела. Меня к вам дедушка послал. Мы с дедушкой пойдем на гору Куросава искать съедобные травы. Пусть Гэн возьмет корзину и идет со мной к нам. Не беда, если он еще не завтракал. Мы берем с собой много еды. Я все утро помогала дедушке готовить. Как ты думаешь, Гэн, что мы приготовили? Ну ладно, потом увидишь. Гора Куросава невысокая, дедушка идет с нами, так что мама может не беспокоиться. Ну, идешь, Гэн?

— Иду! Иду! Надо же заpastись продовольствием.

Помощь подоспела вовремя. Наверно, дед Куроскэ, предугадав, что мать будет расспрашивать Гэна, поспешил выручить его — «послал лодку к переправе». Он знал, что мать не будет возражать, если Гэн пойдет за съедобными травами.

Гэн надел заплечный мешок и вместе с Киёно выбежал из дома.

Но прежде он вытащил из коробки для приманки кусочек серебра и засунул его за пояс. Нельзя, чтобы мать нашла серебро, да и деду Куроскэ показать надо.

— Вчера ел у деда Куроскэ, сегодня опять... — услышал он за спиной голос матери, но не обернулся. И когда они вышли на деревенскую улицу, вздохнул с облегчением. Киёно, шагавшая рядом, показала такой славной.

— Медведь этот весил шестьдесят кан¹. Нет, сто кан, наверно, — сказал Гэн.

Киёно засмеялась. И белые зубы ее сверкнули в лучах утреннего солнца.

III

Они шли молча. Замолчали потому, что умолкла Киёно. Гэн знал, что в таких случаях не следует приставать к Киёно с разговорами, не то она может вспылить. И он молчал.

Вскоре они увидели Плаксу и Замарашку, сидевших, свесив ноги, на мостике, переброшенном через запруду у дороги. В это время года запруда, от которой вода растекалась по рисовым полям, бывала обычно доверху заполнена водой. Теперь же ноги детей не достигали воды. На дне запруды едва пробивался в грязи тонкий ручеек.

Дети на мостике не разговаривали, однако было видно, что они беспечны и радостны. Эти двое тоже были друзьями.

Озабоченные друзья прошли мимо беспечных. Однако Гэн не удержался и поднял руку, когда проходил мимо Плаксы. Плакса Хэйтaro сморщился, готовый зареветь, и прикрылся локтем. А Гэн почесал пальцем поднятой руки свою макушку.

— Гэн! — одернула его строгим голосом, будто старшая сестра, Киёно.

Гэн виновато засмеялся. Когда он видел плаксу Хэйтaro, ему почему-то всегда хотелось подшутить над ним. Он не любил беспомощных и плаксивых мальчишек. Он знал, что нехорошо измываться над ними, но ничего не мог с собой поделать.

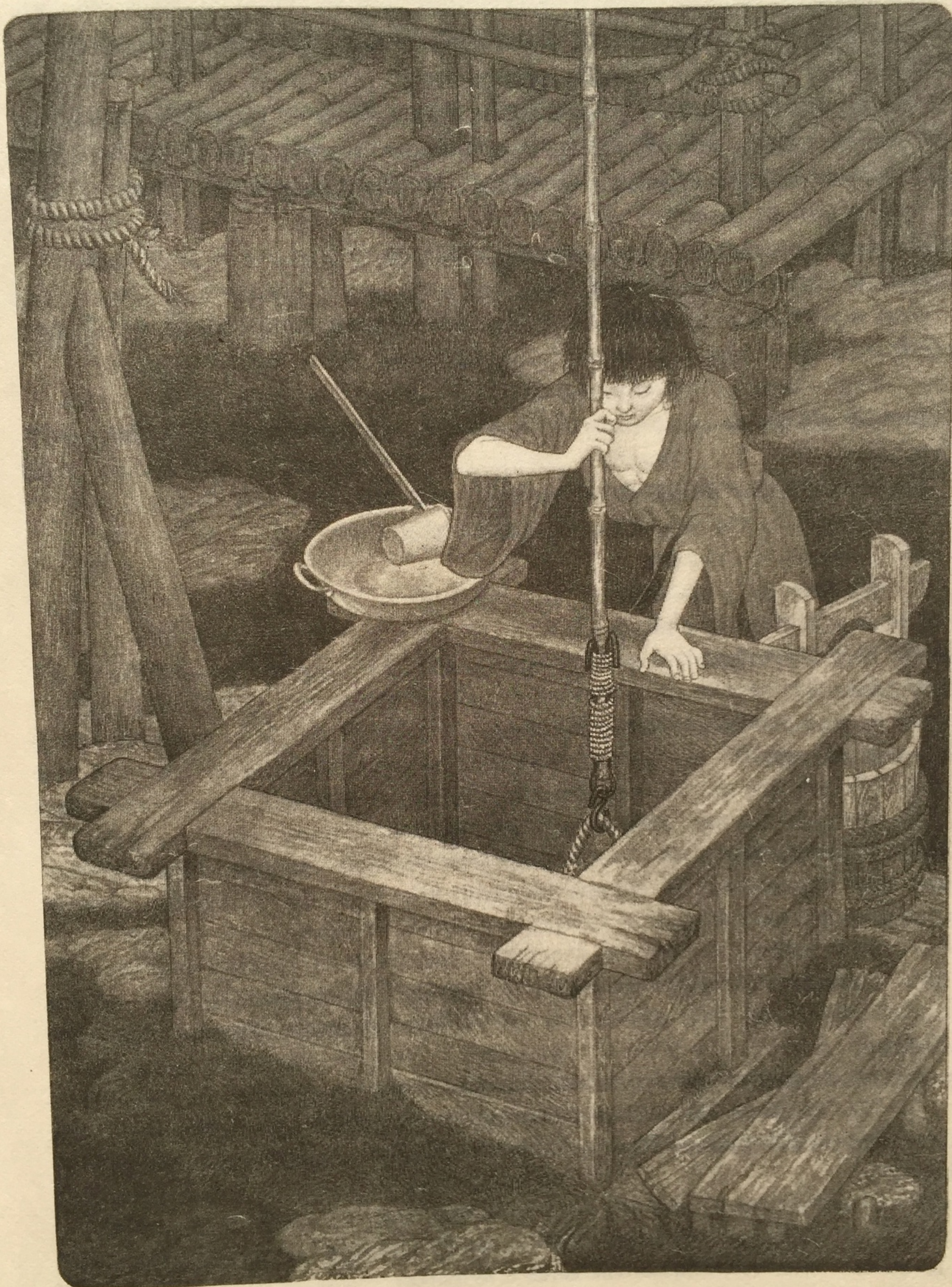
И когда Киёно укоризненно одергивала его, он смущенно хихикал, понимая, что поступает плохо.

Гэн не любил свой виноватый смех и не нравился себе в такие минуты.

«И почему этот паршивец не дает мне, такому озорнику, сдачи...» — нелогично подумал Гэн, проходя мимо плаксы Хэйтaro.

¹ Кан — мера веса; один кан равен 3,75 кг.

Замарашка сидела рядом с Плаксой на мостике и, разинув рот, равнодушно глядела на Гэна. Лицо ее совершенно ничего не выражало. Она, как всегда, шмыгала носом.

Гэн украдкой взглянул на чистенькое, белое лицо Киёно, шагавшей рядом. Если бы он попал в такое положение, как плакса Хэйтaro, Киёно тут же осыпала бы обидчика градом резких слов, не дала бы ему и рта раскрыть.

Киёно продолжала идти молча.

Что-то случилось. Плохо дело.

Они подошли к перекрестку у шести божков Дзидзо¹. И тут Киёно остановилась и сказала:

— Гэн! Сядь-ка на камень.

Вот оно. Гэн покорно сел на пьедестал, где стояли в ряд изваяния божков.

Киёно сердито глядела на него.

— Садись и ты, отдохни, — предложил Гэн.

— Ничего, я постою.

— Ну что ты... вообще...

Губы у Киёно дрожали.

— Гэн! Ты обманул меня.

— Когда?

— Когда рассказывал о медведе.

— О медведе?

— Ну да. Не видел ты никакого медведя.

— Почему ты так думаешь?

— Ты сказал, что он весит шестьдесят или сто кан. Мне показалось это странным. Я поразмыслила хорошенько и поняла, что и остальное ты сочинил.

— Что же?

— Да все. И дедушке наврал, и матери. Да и кимоно твое совсем по-другому было бы запачкано, если бы ты упал, наткнувшись на медведя.

Гэн стал поспешно стряхивать грязь с кимоно.

— Не суетись. Посмотри, эта грязь оттого, что ты полз в какой-то тесной пещере. Мне приходится стирать вещи, так что я разбираюсь.

— Видишь ли...

¹ Дзидзo — божество, покровитель детей и путников.

— Разве ты не говорил мне: «Не ври. Врут только трусы».

— Прости меня. Я не хотел волновать мать, поэтому и...

— И что? Ты уберег ее от волнений?

— Да нет. Кажется, она сразу догадалась, что я вру. Да и дедушка все понял. Только ты поверила, когда я сочинял про медведя.

Киёно сердито топнула ногой. «Красивая, когда сердится», — подумал Гэн.

— По правде говоря, я должен рассказать кое-что дедушке. Ты не болтливая, научилась у дедушки молчать, так что и ты можешь послушать, в какое ужасное приключение попал я вчера.

— Приключение? — Глаза Киёно заблестели.

— Тсс! Услышит кто-нибудь — нам несдобровать.

Киёно молча схватила Гэна за руку и потащила за собой. Ей очень хотелось поскорее узнать, что случилось с Гэном.

Вот и железное дерево у дома дедушки Куроскэ.

IV

— Поешь не спеша, — сказал дедушка Куроскэ, взглянув на Гэна.

Дедушка всем предлагал сначала поесть, а потом уж говорить, зачем пришел. Тот, кто уже поел дома, говорил: «Спасибо, я сыт», а тот, кто не ел, мог без всяких церемоний поесть. Таков уж обычай был у дедушки Куроскэ.

Однако у Гэна дело было поважнее, чем еда.

— Дедушка! Мне обязательно надо с тобой поговорить, — выпалил он.

— Это о вчерашнем? Зачем спешить. Знаешь ведь пословицу: «Суетливый нищий мало кусков соберет». Киёно! Принеси-ка ему лепешку. Сегодня у нас на завтрак и обед лепешки из конского каштана. Вкусные! Пальчики оближешь.

Конские каштаны у них в деревне толкли в ступках, замешивали тесто и пекли на парú лепешки. Каштаны собирали заранее, делали из них муку и бережно хранили на случай голода.

Раз дедушка Куроскэ берет такие лепешки на гору Куросава, значит, в доме его кончились все припасы.

Так думал Гэн, глотая слюнки при мысли о вкусных лепешках. Он поспешно достал из-за пояса кусочек серебра и протянул деду.

Глаза деда Куроскэ широко раскрылись. Он молча взял серебро и стал рассматривать издали, отстранив руку, как это делают дальнорзоркие люди.

— Где ты нашел это серебро?

— На горе Огненного коня.

— Значит, ты все-таки поднимался на ту гору?

— А как вы вчера догадались, дедушка?

— Ты сказал, что поймал гольца под Большим водопадом. Он был такой огромный, что хвост его волочился по земле. А такие гольцы там не водятся. Стало быть, ты был выше водопада, куда ходить запрещается. А потом я ведь знаю тебя: ты не уйдешь с реки, пока не поймаешь рыбу. Ловил, ловил и незаметно для себя оказался на горе Огненного коня. Это я и понял, когда слушал твой рассказ.

— Да, дедушка, так и было.

— Ты забрался на гору Огненного коня?! — воскликнула в ужасе Киёно. Даже она знала, что всякого, кто видел Огненного коня, ожидает смерть.

— Никакого коня там нет. Просто пламя печей, выплавляющих серебро, отражается на вечерних облаках.

— Стой, Гэн! Больше ничего не говори. В наш дом часто ходят люди. Могут услышать. Остальное расскажешь на горе Куросава. Там никого не будет, кроме нас.

— Дедушка! Как же так, Гэн видел Огненного коня и не умер?

— Это было только отражение огня на облаке, а от этого не умирают, — сказал Гэн.

— Как знать, Гэн, может, жизнь твоя в опасности именно потому, что ты видел тот огонь. Как же тебя защитить? Ну ладно, решим на горе Куросава, когда ты расскажешь обо всем подробнее.

Дед Куроскэ задумался, скрестив на груди руки. Словно уже сейчас понимал, какие трудности их ожидают.

V

На горе Куросава куковала кукушка.

Гора эта находилась в противоположной стороне от горы Огненного коня. Она была не такая крутая и могучая, как гора Огненного коня, удобные тропы вели наверх, и там, довольно высоко от подошвы, попадались небольшие рисовые поля. Дед Куроскэ то и дело спу-

скался с тропы к межам посмотреть, каков урожай, — должно быть, думал о тех, кто распахал на горе эти клочки земли, чтобы собрать еще хоть немного риса.

Гэн и Киёно, ожидая его на темных лесистых тропинках или на горных тропах, так же как и дед, глядели на крошечные, как кошкин лоб, рисовые поля и видели, что им не хватает воды. Безжизненно склонялись покрытые ржавчиной колосья, попадалось много черных зерен. Явно больные поля молчали.

На полях не было видно людей. Наверно, владельцы забросили их, отчаявшись получить урожай.

У Гэна больно заныло сердце.

А под ослепительно сверкающим небом не умолкая куковала кукушка: «какко, куку, какко, куку...»

«Как-то странно она кукует, — подумал Гэн. — Эха здесь быть не может — горы не высокие, ущелий нет».

— Это пара, — сказала Киёно. Она, видно, тоже прислушивалась к кукушкам.

— Да, две кукушки перекликаются с горы на гору, — уточнил дед Куроскэ. — Та, что вторит, как эхо, вон с той горы.

Дед остановился и показал пальцем на гору впереди.

«Самец поет «какко», а самка «куку», — подумал Гэн и, взглянув на Киёно, тихонько хихикнул — Киёно, наверно, стала бы выкрикивать «куку», ведь она девочка.

— Что-нибудь прилипло? — Киёно поспешно провела рукой по щеке.

Гэн у стало еще смешнее, и он громко расхохотался.

— Глупый смех. Правда, дедушка? — Киёно сердито терла щеку, думая, что к коже прилипла грязь.

— Ну вот и дошли, — сказал дедушка.

Они стояли на вершине горы Куросава. Она была ровной и плоской. С краю блестело озеро, рядом с ним виднелись рисовые поля, а за ними дубовая роща.

Тощие дубы стояли стройными рядами, видно, кто-то посадил их, чтобы потом выжигать угли. Дубы росли плохо, в отличие от густых лесов на горе Огненного коня, — наверно, тоже страдали от засухи. Тем не менее роща была полна мягких, светлых теней, и при взгляде на нее отдыхала душа.

Дед Куроскэ сел на берегу озера лицом к лесу. По краям озера зеленела мягкая трава.

Гэн ходил сюда ловить карасей, и всегда приходилось выкашивать траву серпом, чтобы забросить удочку. Теперь это не понадобилось бы. Озеро было все видно, как на ладони.

«Эх, жаль, удочки нет! — подумал Гэн. — Озеро сильно обмелело, и караси, наверно, просто кишат в заветных местах!»

В теплой озерной воде сновали вверх и вниз караси, сверкая золотистыми брюшками и чешуей. Издали было видно, какие они большие.

Но и мерзкие тритоны там же шныряют... Гэн с отвращением вгляделся в воду.

Так и есть. У берега между бурых водорослей шумно двигались тритоны с черно-красными брюшками и короткими хвостами.

Жадные тритоны обычно хватают приманку раньше карасей. И их приходится поминутно снимать с крючка. Вытащишь удочку, снимешь тритона с крючка, шваркнешь о землю, а из него течет грязная, черная кровь...

Не можешь отважиться на такое — лучше не берись удить карасей.

Гэн давно уже не был на озере.

Так какую же съедобную траву собирался искать здесь, на горе, дед Куроскэ?

Гэн поглядел на деда — что-то долго он молчит.

— Ну вот. Здесь нас никто не услышит. Рассказывай все про гору Огненного коня, — сказал дед Куроскэ.

VI

Гэн кое-как поведал деду Куроскэ о своих приключениях. Он то и дело спотыкался и откашливался. Когда Гэн замолкал, дед Куроскэ задавал ему вопросы, а в конце попросил:

— А теперь расскажи подробнее об этом Дэнкити.

«Точно так же расспрашивал о дедушке Дэнкити на горе Огненного коня», — подумал Гэн. И он постарался припомнить все, что мог.

Наконец Гэн остановился.

Дед Куроскэ оставил его в покое, а сам принялся думать.

Киёно слушала Гэна, затаив дыхание. Ни слова не проронила. Это было так непохоже на нее. Видно, происшествие сильно потрясло де-

вочку. Сквозь полуоткрытые губы белели ровные зубы. «Красивые зубы», — подумал Гэн.

Дед Куроскэ положил руки на колени и сказал:

— Когда прошел слух, что возчик Дзимбати поднялся на гору Огненного коня и был затоптан конскими копытами, я не поверил. Я сразу понял, что он был убит бревном. И не только я. Некоторые люди в нашей деревне тоже так подумали. Они догадываются, что на горе Огненного коня находится тайный рудник князя, но помалкивают.

— Дедушка, на теле Дзимбати были следы копыт! — воскликнула Киёно.

Гэн же был так ошеломлен, что не мог сказать ни слова.

— Когда веришь в сказку про Огненного коня, так и подумаешь. Однако это были не следы копыт, а синяки от ударов бревном с ободранной корой. Им били сверху, будто пестиком. Если бить то правой рукой, то левой, остаются кровоподтеки в виде полумесяца, которые выглядят, как следы копыт. А если еще и с умыслом бить, то будет совсем похоже. Люди так и видят, потому что заранее верят, что это следы копыт. Так родился слух об Огненном коне, который затоптал копытами человека. Слух передают из уст в уста, и никто уже не сомневается в этом, а те, кто сомневается, помалкивают, боятся сказать правду.

— А почему ты, дедушка, не поверил?

— Я видел тело Дзимбати и понял, что его бил злой человек. Он наслаждался пыткой. Бил по груди, по бокам и бедрам. Я видел синяки своими глазами. С давних пор я верю только своим глазам. И привык глядеть внимательно. Я не верю ни в оборотней, ни в Огненного коня. И вот я подумал: зачем это понадобилось ставить запретный знак у Большого водопада? Почему распускают слухи об Огненном коне? Наверно, кому-то надо, чтобы люди не заходили слишком далеко в горы. В наших краях есть несколько серебряных рудников, о которых известно в Эдо. Почему бы не быть и другим, о которых не известно. Во время бунтов хватают крестьян, и они о которых не известно. Во время бунтов хватают крестьян, и они почему-то не возвращаются домой, хотя их вряд ли убивают или сажают в тюрьму. Да и в тюрьме не продержишь всю жизнь, а на рудниках нужны люди, которых не отпускают домой, потому что они могут выболтать тайну.

Гэн с изумлением глядел на деда Куроскэ, который так убедительно все разъяснил, и подумал: «Дедушка и другие в деревне знали

обо всем и молчали долгие годы. Вот они, крестьяне! Так они и живут испокон веков. В этом их слабость, а может быть, и сила. Через несколько лет я стану взрослым и войду в их круг...»

«Куку, куку», — раздалось совсем рядом.

На опушке дубовой рощи на другом берегу озера на одиноком дубе сидела птица, величиной с голубя, и, озираясь по сторонам, куковала.

— Кукушка! Первый раз вижу ее так близко! — закричала Киёно. Птица вспорхнула и улетела — будто кто-то бросил раскрытый веер. Вскоре из леса на горе донеслось: «куку, куку, куку...»

Куковали две кукушки.

«Вот как! И самочка, и самец кукуют одинаково. На таком расстоянии это отчетливо слышно. — Гэн засмеялся, вспомнив, как сравнивал себя и Киёно с кукушками. — Сейчас Киёно рассердится и скажет: «Опять смеешься, как дурак», — подумал Гэн, но Киёно только молча глядела на него.

VII

Гэн все хохотал и никак не мог остановиться. Прошлый раз его разобрал смех на горе. Но подниматься было тяжело, и он постепенно затих. Теперь же он сидел в вольготной позе на траве и смеялся. Конечно, Киёно вспылила:

— Гэн! Опять смеешься, как дурак. Совсем размяк сегодня.

— Нет, Киёно, душа Гэна как раз напряжена, — сказал дед Куроскэ.

— Ты же всегда говоришь мне, дедушка: «Не смейся громко, душа размякнет».

— Ты — другое дело.

— А что, Гэн особенный, что ли?

— Да, сегодня душа у Гэна разрывается.

— Разве можно хохотать, когда душа разрывается?

— Да, можно. Со мной было такое.

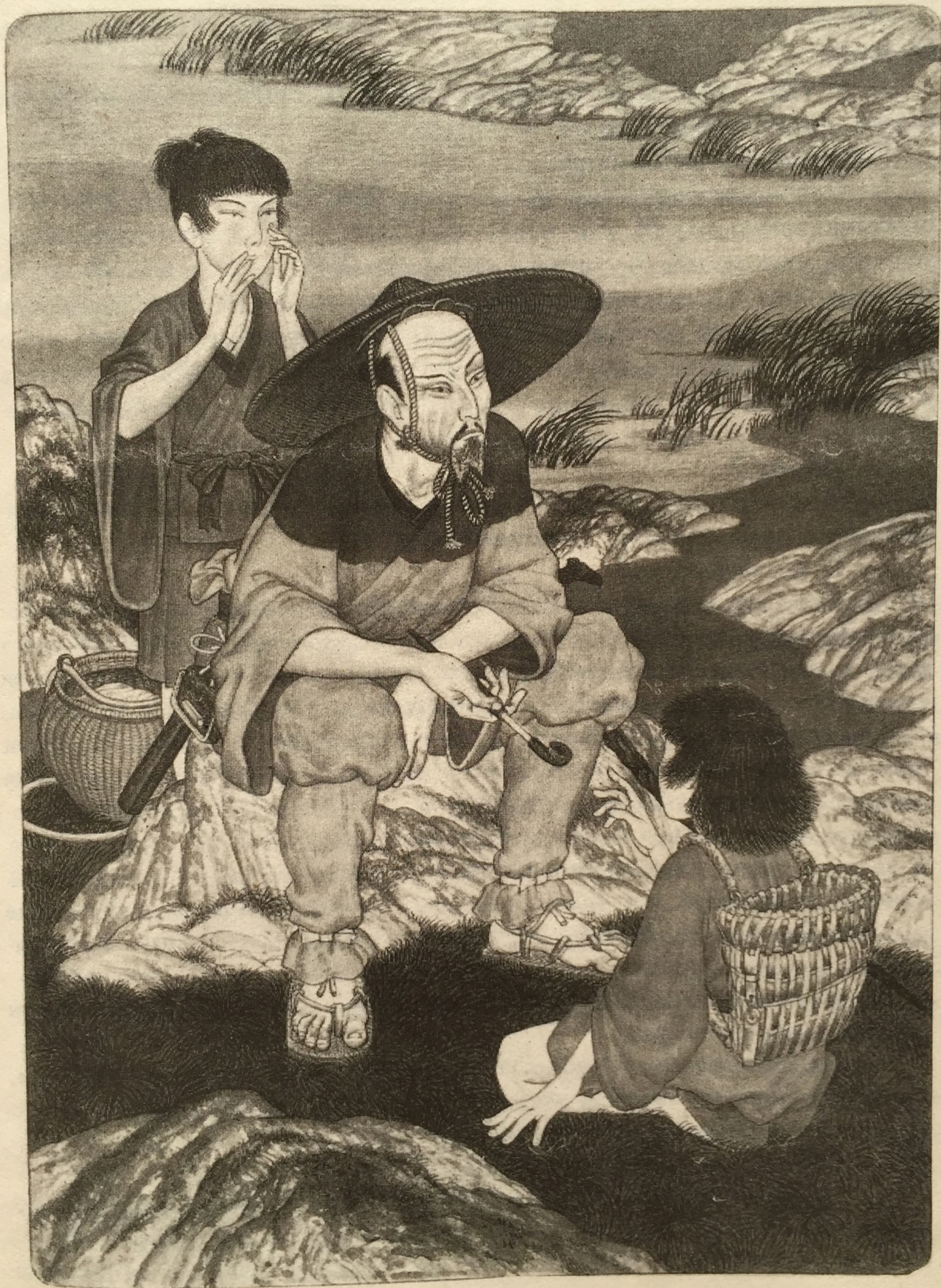
— С тобой, дедушка?!

— Мне было тогда двадцать лет. Умер мой отец. Все собрались на похороны, а меня разобрал смех.

— На похоронах отца?

— Представь себе.

— Отчего же? — озадаченно спросила Киёно.

Гэн, позабыв о своем глупом смехе, удивленно уставился на деда Куроскэ.

— Я был главным распорядителем на похоронах и, как водится, чинно сидел впереди всех.

Киёно понимающе кивнула.

— Однако заупокойная молитва монаха из храма Тёмэйдзи была необыкновенно долгой и нудной. Этот монах был другом детства моего отца, они частенько выпивали вместе. И он решил воздать должное покойному — искренне и душевно помолиться за него. Я же сильно устал — много бессонных ночей провел у постели больного и вдобавок должен был чопорно сидеть на похоронах. Молитва кончилась, и монах сказал: «А теперь воскурим свечи. Начнем с родственников». Я хотел встать, уперся руками о пол, а встать не могу.

— Почему?

— Ноги онемели. И тут чувствую: откуда-то снизу живота поднимается к горлу какой-то дурацкий смех.

— И ты засмеялся?

— Нет, вслух не засмеялся. Попробуй я расхохотаться, сочли бы за сумасшедшего. Смеется, мол, на похоронах родного отца. Я сжал зубы и сдержался. Все тело трясется, спина ходуном ходит, плечи дергаются. За моей спиной громко зарыдали женщины. Сзади им казалось, что я беззвучно плачу, и они разревелись от жалости. Я на четвереньках подполз к покойному и поставил свечу. Потом таким же манером вернулся на место. Голова у меня была опущена, и все подумали, что я не мог поднять лица из-за слез. А меня душил смех. Я закрыл глаза, сжал зубы, схватился обеими руками за кимоно на коленях и изо всех сил сдерживал смех. Женщины разрыдались еще громче. Прежде не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так убивался.

— Неужели, дедушка, ты смеялся на похоронах? — Киёно никак не могла поверить деду.

— Представь себе. Сначала я стыдился, когда вспоминал об этом, а потом понял, что все это не так просто: на похоронах больше всего горевал я, и нервы мои были на пределе...

— Оттого тебе и хотелось смеяться?

— А ты попробуй коснись иголкой туго натянутой нити. Она тут же лопнет. Так и с человеком бывает. Ни я, ни Гэн не из тех, кто смеется ни с того ни с сего. Гэн сильно устал, нервы его напряжены

со вчерашнего дня. Случись что, даже самое малое, и ниточка разорвется.

— Гэн смеется оттого, что у него нервы натянуты, а я оттого, что душа размякла. Как же так, дедушка?

— Верно, я говорил тебе иногда, что ты хохочешь, потому, что душа твоя расслабилась. Но бывает, ты заливаешься смехом просто от радости. Оттого, что живешь на свете. Наверно, люди чаще всего смеются именно от этого.

— Значит, громко смеются и оттого, что душа размякла, и оттого, что нервы натянуты, и от радости. А все-таки отчего?

— На один вопрос можно найти много ответов. Истина лежит посередине. Найти нужный для случая ответ из всех ответов и значит жить. Как ты считаешь, Гэн?

И дед Куроскэ внимательно посмотрел на Гэна.

VIII

— Гэн, ты передал мне весть Дэнкити с горы Огненного коня. Теперь я должен дать ответ, смогут ли крестьяне выступить вместе с рудокопами и будет ли от этого польза. Но прежде всего надо подумать, как уберечь тебя от самураев. Если начнется бунт, ты станешь связным. Пойдешь в горы. Тебя бы надо спрятать, а мы посылаем тебя прямо в логово самураев.

— Дедушка! Я не оплошаю. Все сделаю, как надо. Ведь рудокопам так худо. И я ненавижу начальника стражи и не успокоюсь, пока не отлуплю его палкой. Будет знать, как драться!

— Как ты думаешь, Гэн, почему начальник стражи такой наглый? А потому он такой, что за его спиной стоят все самураи княжества и сам князь. Изобьешь начальника стражи — придется иметь дело с самим князем. Хватит ли у тебя смелости поднять руку на князя?

— Что ты, дедушка! Да я его и в глаза не видел.

— Но ведь это он назначает рисовую подать и обрекает нас на голод. А если мы взбунтуемся и не отдадим рис, самураи изобьют нас и сгноят в серебряном руднике. И все это по велению князя. Начальник стражи просто ничтожная букашка по сравнению с ним.

Они засмеялись. Может быть, оттого, что нервы были натянуты, как объяснял дедушка?

— Помнишь, Гэн...

— Да?

— Когда я рассказывал о кончине Дзимбати, намекнул, что не только я, но и другие в деревне поняли, что Дзимбати попал не под копыта коня, а в руки тех, кто заметил, что он обнаружил тайный рудник...

— Ну?

— Так лицо у тебя было такое недовольное: почему, мол, мы стерпели это.

— Гм...

— Да, мы ничего не стали делать. Промолчали. Будто черви под сапогом. Мы не решились выступить против князя. Крестьяне такой народ: они привязаны к земле, стоят на ней обеими ногами, живут, как кроты в норах. Да и как идти против князя впятером или даже вдесятером? Взбунтуйся мы, всех в деревне изобьют и остановят бунт, потому что гнев князя падет на всю деревню.

— Да, дедушка.

— Нужно ждать своего часа, когда мы сможем все до единого подняться против князя.

— Наверно, ты прав.

— Но...

— Что ты хочешь сказать, дедушка?

— Но и до того не следует только помалкивать.

— О чем это ты, дедушка? Говори-ка скорее, — оживилась Киёно.

— погоди, сейчас расскажу. Вы помните, как самурай свалился в пропасть вместе с конем?

— Помним.

— Каждый год из замка в деревню являлся чиновник-самурай поглядеть, каковы всходы риса. Если он решал, что рис уродился хороший, подать увеличивали, а осенью, после жатвы, рис забирали и увозили в замок князю. Это знал каждый в деревне. Так вот, однажды на горной дороге конь самурая вдруг ни с того ни с сего вздыбился и прыгнул в пропасть вместе с ним. Конь ведь такое животное: вырви у него волосок на хвосте, он и понесет. А самурай был заносчив, да и взятки брал...

— Дедушка! Кто же это вырвал волос из хвоста самурайского коня?

— Вот уж не знаю. Я только говорю: конь понес. Но я беспокоюсь,

не случится ли что-нибудь подобное и в этом году с княжеским посланцем? Ведь как бы ни был ловок самурай и как бы ни был хорош конь, он же может встать на дыбы и свалиться в пропасть.

IX

Значит, кто-то из деревенских сделал так, что самурай рухнул в пропасть вместе с конем и погиб. Дедушка не сказал об этом прямо, но Гэну-то все было ясно. Ему представилось, как самурай на коне подъезжает к повороту над пропастью, а сбоку тихо проскальзывает человек в простом кимоно и приближается сзади к коню.

И в тот миг, когда он опять сливается с серой толпой крестьян, конь встает на дыбы и летит в пропасть. Слышится шумный всплеск воды. Там сильная круговерть. Река захватит, закружит и утянет на дно. И немного погодя в нижнем течении вынесет на берег покойника. Потому что, нахлебавшись воды, живым не останешься.

И такое происшествие может случиться совсем скоро!

— Дедушка! — задумчиво сказал Гэн. — А я ведь очень ловко выдергиваю волосы из лошадиных хвостов.

— Ловко-то ловко, но надо так, чтобы лошадь не взбрыкнула.

— Да гораздо легче дернуть так, чтобы взбрыкнула! Намотать на палец несколько волос и...

— Постой! — остановил его дед. — Это я ведь к примеру сказал. Будет уж слишком подозрительно, если опять над пропастью понесет лошадь и погибнет самурай.

— Дедушка! Я твоя внучка. Скажи мне, каким способом расправятся в этом году с самураем?

— Этого я не знаю. Да и знал бы, не сказал. А на твоём месте — не спрашивал бы. Самое лучшее не знать того, что тебя не касается. А то захочешь сказать кому-нибудь. Человек — существо слабое. Под пытками может невольно выдать то, что не следовало бы говорить. Тогда пострадает вся деревня, а может быть, и несколько деревень. Многие будут убиты, а иных сошлют в рудник. Так что не спрашивай, Киёно, о том, чего тебе не нужно знать.

— Зачем же ты рассказал нам о самурае, который свалился в пропасть?

— Я рассказал про него потому, что тебе, Гэн, пришло время узнать об этом. Ты принес мне вести от Дэнкити. Значит, должен

знать правду о деревне у подножия горы, чтобы сообщить ее Дэнкити. До сих пор я не говорил, а теперь надо, потому что охранники с рудника, возможно, уже рыщут по деревне.

— Да ну? — Киёно с испугу вскочила на ноги.

А Гэн остался совершенно спокоен. Или просто не мог подняться?

— Думаю, если они не найдут того, кого ищут, доложат в замок, и тогда явятся самураи из замка.

— А откуда они узнают, что это Гэн, а не кто-нибудь другой побывал на горе? Деревень здесь много, детей в каждой деревне полно. — Киёно с беспокойством глядела на деда Куроскэ.

— Крепкий мальчишка лет двенадцати, который любит ловить рыбу и может поймать большого гольца, мальчишка, который без труда забирается по скалам Большого водопада на гору Огненного коня... Много ли таких?

Киёно так и села на траву.

Да, они сразу поймут, что это был Гэн.

— Хорошо, если самураи подумают, что Гэн просто заблудился в горах. Но и в этом случае они его не оставят в живых, ведь он видел их тайный рудник. Если же они решат, что Гэн специально был послан из деревни разузнать про рудник, то всей деревне несдобровать. Сейчас они считают, что Гэн уже разболтал все в деревне. Он живой свидетель, и его надо убрать.

— Как это убрать? — спросила Киёно.

— Убить, — спокойно ответил Гэн, хотя в душе его полнился гнев: мерзавцы!

Х

— Вчера ночью я обошел кругом ваш дом и не заметил ничего подозрительного, — продолжал дед Куроскэ. — Но на всякий случай сегодня утром поскорее увел тебя. Велел сказать, что пойдем за съедобными травами, чтобы мать не волновалась.

Гэн взглянул на деда Куроскэ. «Значит, он всю ночь ходил вокруг их дома, прислушивался к шагам: не гонятся ли за ним охранники с рудника, не появились ли самураи из замка. А я в это время спокойно спал».

— Я знаю, Гэн, ты паренек храбрый, не испугаешься, и все равно одному как-то сиротливо. Поэтому я и рассказал тебе кое о чем, чтобы

ты понял, что не один на свете, что все в деревне заодно и отважились даже убить самурая.

— Понял, дедушка.

— Еще надо бы тебе кое-что рассказать, да я должен теперь сбегать к деду Тóсаку в деревню Куротанí, а также навестить Сэнъэмóна в деревне Асáхи. Вернусь, и поговорим не спеша. Во всяком случае, самураи из замка и сам князь боятся, что о тайном руднике на горе Огненного коня донесут сёгуну в Эдо. Тогда сёгун живо лишит их высокого содержания — мол, такие-сякие наглецы — и сошлет куда-нибудь подальше, а то и еще похуже: обвинит в том, что они потихоньку копят средства для заговора, и велит всем сделать харакири¹.

— А какая нам польза оттого, что князь убьет себя? — спросила Киёно.

— Может, новый добрее будет, — предположил Гэн.

— Как сказать! Новый подумает: надо этих людей держать строже, раз они донесли сёгуну на князя, и увеличит подать с деревни, чтобы возместить ту часть доходов, которую потеряет из-за того, что о существовании рудника стало известно в Эдо. — Дед Куроскэ хитро поглядел на Киёно и Гэна и добавил: — Нужно поторговаться с князем из-за тайного рудника.

— Как это?

— Надо пригрозить ему: не сбавите, мол, подать, донесем о тайном руднике сёгуну.

— Правильно, дедушка, князю ведь тоже не хочется делать харакири.

— Но главное сейчас Гэн. Он в опасности. Гэн видел рудник, он живой свидетель. И нам надо что-то быстро решать. Теперь мы знаем о том, что в горе скрывают рудник и что узники готовят восстание. Мы могли бы помочь им, но одной или двумя деревнями тут не справиться. Надо поднять более десятка деревень. Я пойду за советом к Тосаку и Сэнъэмону. Эти два старика смогут уговорить и не одну деревню.

— Дедушка! Я знаю, ты дружишь с дедом Тосаку. Это понятно — он не такой уж богач, а вот почему ты знаешься с таким важным господином, как Сэнъэмон?

— Ха-ха-ха! Бывает, что люди ладят друг с другом просто так. Ведь есть еще кое-что, кроме денег.

¹ Х а р а к и р и — самоубийство путем вспарывания живота мечом.

«Кроме денег, есть еще ум», — подумал Гэн, но не сказал деду Куроскэ. Староста Сэнъэмон славился своим умом в окрестных деревнях. Он был добр к бедным людям и не боялся самураев князя. За это его уважали все окрест.

Дед Куроскэ встал.

— Теперь я спущусь с другой стороны горы в деревню Куротани. А вы останетесь здесь, посидите в пещере скалы Летучих мышей. К заходу солнца я обязательно вернусь.

«Дед Куроскэ думает, что в пещере нам будет безопасней, чем на вершине». Гэну сразу же представилось, как капают холодные капли за воротник его кимоно с темного влажного потолка пещеры. Там висят вниз головой, как колокольцы, черные летучие мыши, похожие на обыкновенных мышей с крыльями. Они тихо попискивают противными голосами, и их глаза сверкают в темноте.

XI

Дед Куроскэ простился с Гэном и Киёно у тропы и стал спускаться с горы. Он шел быстро, хотя был стар годами.

Проводив его взглядом, Гэн и Киёно направились к скале Летучих мышей.

Тропинка к скале сильно заросла. Туда никто не ходил. Гэн шел впереди и то и дело отстранял и ломал ветки деревьев, свисавшие над тропинкой, но потом опомнился и перестал ломать: свежесломанные ветви могли указать путь преследователям.

«Как бы не заметили самураи, если станут искать, — подумал он. — Да нет, сюда-то, к скале Летучих мышей, они вряд ли доберутся. А может быть, как раз и придут? Зря мы решили спрятаться в пещере».

В голове Гэна все время вертелись слова деда Куроскэ: «Наверняка рыщут по деревне», «Нужно убрать как живого свидетеля, который видел тайный рудник».

Гэн придерживал ветви деревьев, и Киёно весело ныряла под них или проскальзывала боком.

Наконец они подошли к скале Летучих мышей.

На обратной стороне горы Куросава часто попадались голые скалы. Скала Летучих мышей была самой большой. Внешне она казалась одним монолитом, однако внутри нее была просторная пещера. Она

тянулась в глубь скалы, то сужаясь, то расширяясь, и потолок ее становился выше и нависал над головой.

Гэну еще не приходилось забираться в глубь пещеры.

Он молча пролез в узкий вход. Глаза ничего не различали со света, и он постоял немного, чтобы привыкнуть к темноте.

— Боишься? — спросил он у Киёно.

Киёно тут же отпустила его рукав, за который ухватилась со страху.

— Вот еще!

Гэн уже мог разглядеть ее.

— Здесь сразу увидят. Пройдем дальше, — сказала Киёно тихо, оглянувшись на вход.

— Пойдем. Тут за углом есть пещера поменьше. Там нас не будет видно, но с потолка свисают летучие мыши. Не испугаешься?

Киёно покачала головой, но сердце ее екнуло.

Гэн взял Киёно за руку и пошел вперед, ощупывая другой рукой стену. На дне пещеры били ключи, стояли озерца воды и лужи. По краю стены в глубь пещеры проворно бежал ручеек — видно, пол пещеры постепенно снижался. Стены были влажные — вода стекала с потолка в ручей.

Они завернули за угол, стало темно. Лицо Киёно смутно белело рядом.

Гэн показал подбородком на потолок.

— Гляди!

Киёно схватила Гэна за руку. Она взглянула на потолок, и по спине ее побежали мурашки.

С потолка пещеры свешивались бесчисленные черные мешки. Это были летучие мыши. Они висели вниз головой, уцепившись когтями за свод и прикрыв тела крыльями.

Свод пещеры был высокий и темный, но все равно ей было видно, какие мягкие и пушистые у них крылья, как на маленьких ушастых мордочках сверкают золотистые глаза и открываются красные рты.

И было слышно, как они попискивают мышинными голосами.

— Киёно! Не говори громко, а то они расшумятся.

— Ладно.

— Они вылетают из пещеры только в сумерках или на рассвете ловить комаров. А днем висят вот так мешками. Я как-то разозлился и бросил в них камень...

— И что было?

— Поднялся ужасный шум, они закружились, будто веера высыпались из ящика.

Гэн засмеялся, но тут же оборвал смех.

XII

В тот день в сумерках Гэн еще раз оказался среди «кружившихся вееров». А пока он разговаривал с Киёно, чтобы развлечь себя и ее, и жевал лепешки из каштана. Он ел их медленно, откусывая по кусочку, чтобы растянуть удовольствие. С утра у него ничего не было во рту, и лепешки показались ему очень вкусными. Он похвалил Киёно за лепешки.

Однако разговор не особенно клеился. Гэн был не очень-то разговорчив, он обычно молчал. Да и о чем можно было говорить с Киёно в темной пещере в скале Летучих мышей?

«Когда же вернется дед Куроскэ? — думали они. — Обещал в пещеру прийти, и уж сумерки наступили, а деда все нет».

И тут одна летучая мышь вдруг свалилась с потолка, будто ее дернули за нитку. Не долетев до пола, она расправила крылья и принялась носиться по пещере.

Это был сигнал для всех мышей.

Туча летучих мышей закружилась по пещере. Они почти касались щек Гэна и Киёно, обдавая их теплым ветром, чуть не задевая крыльями их глаз.

Гэн и Киёно сжались в комочки.

Но существа, похожие на черные веера, так искусно сворачивали всякий раз, что ни разу не натолкнулись на Киёно и Гэна. Потом они темным потоком завернули за угол и вылетели из узкой щели наружу.

А из-за угла, за которым только что исчезли летучие мыши, появился дед Куроскэ.

— Дедушка!

— Как ты поздно, дедушка! Мы с Гэном заждались. Правда, Гэн? Но дед Куроскэ почему-то молчал, и вид у него был необычный. Он подошел к Гэну и положил руки ему на плечи.

— Гэн! Мужайся! Твоя мать умерла.

Гэн рванулся вперед, но дед Куроскэ удержал его.

— Как? Отчего, дедушка? — пронзительно крикнула Киёно.

— Пришел самурай. Спросил, где Гэн. Мать не сказала. Самурай

рассвирепел и пнул ногой сидящую на полу мать в грудь. Она захлебнулась кровью.

— Дедушка, а зачем ты ходил в дом Гэна?

— Когда я сидел у Тосаку в деревне Куротани, все еще было спокойно. А разговаривая с Сэнъэмоном в деревне Асахи, вдруг услышал крик: «Самураи пришли! Допрашивают!» К тому же слышу, о мальчишке говорят. Тогда я бросился со всех ног в деревню. Да опоздал самую малость. Там самураи уже побывали. Оплошал я, надо было и мать спрятать...

— Мама! — дико закричал Гэн.

Оставшиеся летучие мыши сорвались с потолка, покружились вокруг людей и черной волной вылетели из пещеры. Гэн бросился за ними.

— Куда ты, Гэн?

— Домой, к матери!

— Стой! У дома тебя ждут самураи. Тут же схватят и убьют.

— Пусть! Мать умерла, что мне одному жить.

— Но я с тобой, — сказала Киёно.

— И я, и вся наша деревня. Да и соседние деревни. У них житье не лучше нашего, а может, и похуже. Я видел это своими глазами. Гэн! Киёно ведь тоже круглая сирота. А смотри, не унывает.

— Да, не унываю, — печально сказала Киёно, жалея осиротевшего Гэна.

I

эн бежал в темноте по берегу реки Кадзика. Он нес весть от деда Куроскэ рудокопу Дэнкити в барак на горе Огненного коня.

Ночь была безлунной, и казалось, дороге не было конца. Он определял расстояние, которое пробежал, лишь по смутному блеску реки да по менявшемуся шуму воды.

Он бежал и думал о погибшей матери, и думы его становились то яростными и дыбились белой пеной, как река на быстрине, то наполнялись нежностью там, где река растворялась в темноте, образуя тихую заводь, и он бежал, как во сне.

В темноте перед ним отчетливо представал во всех подробностях простой, но бесконечно дорогой облик матери.

В детстве, когда бы он ни проснулся, мать обязательно поднимала голову с подушки и глядела на него. Сбегав в уголок сада, он залезал обратно под одеяло, а мать уже спала, тихонько посапывая, и, глядя на нее, он тут же засыпал глубоким сном.

Всякий раз, когда он лежал в жару, мать сидела рядом, у его изголовья. Когда он открывал глаза, она меняла ему мокрое полотенце на лбу, он успокаивался от его влажной прохлады и засыпал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АДСКИЙ РУДНИК

Иногда мать убирала полотенце с его лба и касалась его ладонью, чтобы узнать, есть ли жар. Она была худенькой и нежной, но руки у нее были жесткие и грубые от работы. Прикосновение ее шершавых ладоней убаюкивало его, и он снова впадал в жаркий сон.

На рассвете мать, нагнувшись над очагом, раздувала огонь, чтобы приготовить еду... Она ловко и быстро сажала рисовую рассаду, которую он бросал ей пучками с межи. А когда жали рис, мать всегда двигалась впереди, хотя незаметно было, что она спешила. Она была молчаливой, но, бывало, и разговаривала с ним. Обычно это случалось, когда они были заняты делом, и поэтому чаще всего она либо бранила его, либо поучала.

Он успокаивался и ободрялся, слушая ее, потому что понимал, что мать относилась к нему не как к ребенку, а как к равному себе человеку, на котором, как и на ней, держался дом после смерти отца.

Мать одна вырастила его и сохранила дом. Если бы ее не было, Гэн вряд ли дожил бы до своих лет.

И вот теперь мать убита самураем.

— Это им даром не пройдет. Мы им покажем! Только не надо спешить, чтобы не промахнуться, — сказал дед Куроскэ. — У нас только один шанс. И если потерпим неудачу, все будет кончено.

Он, Гэн, должен рассказать Дэнкити о положении в деревне, о том, что думают старики. Надо, чтобы рудокопы приняли правильное решение. Гэн передаст Дэнкити слова деда Куроскэ: «Подождите немного, пока не вспыхнет пламя» — и подкрепит их описанием деревень.

Вчера дед Куроскэ не советовал ему идти в горы.

— Мать умерла, да и самураи настороже, того и гляди, попадешь в ловушку, — сказал он. — Побудь немного в пещере, а еду Киёно принесет.

Но Гэн не послушался деда, душа его горела, да и не хотелось сидеть ночью с крылатыми мышами, похожими на оборотней.

Он сказал об этом деду Куроскэ.

— Ну что ж, иди, — согласился старик. — Да и охрана потом будет строже... Но сможешь ли ты... ночью...

— Смогу! — Гэн выскочил из пещеры.

Дед Куроскэ предупредил, что пойдет снова в деревню Асахи посоветоваться с Сэнъэмоном, и спросил Киёно, сможет ли она одна вернуться в деревню. Киёно кивнула, глядя вслед убежавшему Гэну. Она смотре-

ла широко распахнутыми глазами и молчала, но глаза говорили за нее. И Гэн почувствовал этот взгляд даже в темноте и прошептал: — Не волнуйся! Я все сделаю, как надо.

II

Гэн стоял у Большого водопада на реке Кадзика.

Водопад с шумом низвергался вниз, брызги летели во все стороны, словно белые цветы. И все же Гэну казалось, что поток воды оскудел, может быть, потому, что он слышал от деда Куроскэ о том, как потрескались рисовые поля от недостатка воды и засохли на корню побеги риса в деревнях Куросава и Асахи.

Он с ненавистью поглядел на водопад и стал взбираться по скалам. Ревущий в ночи водопад невольно вызывал страх.

К тому же сегодня ночью наверху его мог ждать самурай.

Наплевать! Гэн продолжал карабкаться вверх. Другой дороги к горе Огненного коня не было.

Как всегда, он присел отдохнуть на толстый ствол сотрясавшегося под напором воды клена — хотел загнать страх подальше внутрь и набраться сил для встречи с самураем.

Однако наверху, у Большого водопада, самурая не оказалось.

Тогда Гэн направился прямо к Малому водопаду, пристально вглядываясь в темноту и осторожно прислушиваясь. Обошлось без приключений, и он бесшумно побежал по тропе к горе Огненного коня.

В темноте он не заметил, лежал ли еще там труп старого узника Хэйхати, который вручил ему перед смертью кусочек серебра. Он прошел лесной тропинкой — с обеих сторон ее белели, как надгробия, пеншки срубленных деревьев — и оказался на краю ущелья, на дне которого находился тайный рудник.

Гэн высунул шею, как черепаха из панциря, и заглянул вниз.

В самурайском доме светил неяркий огонек, но Гэну, привыкшему к темноте, резануло глаза, и он невольно попятился назад. В доме слышались пьяные выкрики самураев.

Барак узников справа от дома самураев был погружен во мрак: ни огонька, ни звука.

Как бы туда пробраться?

Придется, видно, опять ползти по тайному ходу, по которому его вывел Дэнкити в прошлый раз. Значит, надо искать в темноте в лесу

ловко запрятанный вход. И притом все делать бесшумно. Заметит стражник — все пропало. Тот самый самурай, что схватил его за горло и ударил палкой, а потом приказал убить, сидел сейчас в освещенном доме.

Но сколько ни искал Гэн тайный вход, найти не смог.

Он спустился в ущелье и, сделав большой крюк, вошел в лес недалеко от пещеры, ведущей в рудник, и стал шарить руками в траве, где он предполагал найти вход, но не обнаружил его.

И когда он сел в отчаянии, опустив плечи, под его рукой послышался тихий шорох, потом скрип дерева, и небольшой кусок земли квадратной формы приподнялся над травой.

Как раз там, где он только что провел рукой!

Гэн нащупал там только траву и мох. Наверно, они росли на крышке, прикрывавшей вход, или были прилеплены к ней.

Гэн шевельнулся, и голова человека, высунувшегося из отверстия, застыла.

— Да это я! — сказал Гэн и тут же был втащен в подземный ход.

— Фу-ты! Весь вспотел. — Человек отдышался и тыльной стороной ладони вытер пот. Это был Грабитель амбаров.

Они проползли немного под землей, и мужчина постучал два раза кулаком в потолок.

Было слышно, как завернули циновку и подняли доску.

— Все-таки сегодня пришел, — раздался знакомый голос Дэнкити.

— Как ты сказал, так и вышло. Только я хотел вылезть из дыры, а он и окликнул меня. Хэ-хэ-хэ! — голос Грабителя амбаров слился с тихим шумом барака.

— Ну как там в деревне? Что сказал дед Куроскэ? — спросил Дэнкити.

— Самурай убил мою мать. Ногою.

Горячие слезы хлынули из глаз Гэна, он зарыдал, но Дэнкити быстро прижал его к своей могучей груди, заглушив рыдания.

Руки Дэнкити, державшие Гэна за плечи, налились гневной силой.

III

— Плачь! Но только про себя. Услышат самураи, тебе не жить, — тихо, как комар пролетел, прошептал Дэнкити на ухо Гэну.

Гэн почему-то не заплакал, когда узнал от деда Куроскэ о смерти матери. Он не плакал и по дороге, когда бежал и думал о ней. В голове

его лишь мелькали воспоминания, словно картинки в волшебном фанаре.

И только теперь слезы вдруг полились из глаз, и он зарыдал. Вцепившись зубами в воротник Дэнкити, Гэн пытался сдержать рыдания.

— Знаешь, Гэн, а у меня вообще не было матери, — продолжал Дэнкити. — Я жил вдвоем со старым отцом. Когда меня поймали во время бунта, самураи повесили отца. Он лежал, разбитый параличом, а они схватили его и повесили на потолочной балке... Вся деревня заботилась об отце, когда он был жив, еду ему носили, хотя сами с голоду умирали, раз дело дошло до бунта...

«А Дэнкити добр к старикам, — подумал Гэн. — Вчера прикрыл своим телом старого узника и принял удары палкой на свою спину».

— Дед Куроскэ не велел спешить, — сказал Гэн. — Просил передать, чтоб не рисковали, потому что другого случая не представится. Пусть, говорит, подождут еще немного, пока не разгорится пламя. Он ходил в деревни Куротани и Асахи советоваться со стариками.

Гэн уже не плакал. Он пришел сюда, чтобы передать весть от деда Куроскэ. Долго бежал в ночной темноте, карабкался по скалам к Большому водопаду, полз подземным ходом к бараку, где были заперты эти люди в цепях. Для слез времени не было.

— Они убили мою мать, но это им даром не пройдет. Так сказал дед Куроскэ, — тихо, но твердо добавил он.

Он хотел рассказать о том, как обстоят дела в деревнях Куротани и Асахи, но густой бас оборвал его из темноты:

— Нет уж! Не стоит с ними связываться, с деревенскими. На них надежда плохая. Мы и сами справимся.

Громко звякнули цепи. Видно, говоривший изменил позу.

— Это ты, Монах? — спросил Дэнкити.

«Наверно, нищий монах, сосланный в рудник за какую-нибудь провинность», — подумал Гэн.

— Да, это я. И я тоже повидал кое-что на своем веку. И трусливее деревенских людей не видал. Чуть что — в кусты.

— Тише! Ты слишком громко говоришь, — остановил его Дэнкити и сказал спокойно: — Я тоже крестьянин. Можно и так сказать, Монах: «Нет ничего надежнее крестьянина в минуту опасности».

— Когда это будет! Нет, не товарищи они нам.

В темноте зашумели. Это переговаривались сторонники Монаха и те, кто хотел выслушать Дэнкити.

— Замолчите! — остановил всех Дэнкити. — Давайте лучше послушаем этого мальчика. Пусть расскажет о деревне. Одни-то выступить мы всегда сможем...

Гэн заговорил тихим голосом, руки Дэнкити все еще лежали на его плечах.

Гэн рассказал о своей деревне, о том, что рис сохнет на полях от засухи, не забыл сказать о дедушке Куроскэ и о самурае, который свалился в пропасть вместе с конем, и что подстроили это крестьяне.

Он вспомнил, как погибла его мать, которую пнул ногой в грудь один из самураев.

Гэн знал, что не очень-то красноречив, и старался говорить просто, как дед Куроскэ.

Монах слушал не перебивая.

«Наверно, ищет, что бы возразить», — подумал Гэн и сам пояснил все, что могло бы вызвать возражения Монаха.

Потом Гэн говорил о деревнях Куросава и Асахи — все, что велел передать дед Куроскэ. И когда он описал засохшие рисовые поля, в темноте кто-то застонал. Гэн не подумал, что в бараке могут быть крестьяне из тех деревень. Они, видно, не могли спокойно слушать о бедствии, постигшем их деревни.

Гэн рассказал и о Тосаку и Сэнъэмоне — уважаемых стариках, которые могут поднять на бунт не только свои, но и соседние деревни.

Он сильно устал. Оказывается, говорить тихо куда утомительнее, чем кричать громким голосом.

Люди в темноте молчали, но Гэн заметил, что они сидели теперь значительно ближе к нему, чем вначале.

— Значит, так: продовольствие в деревнях на исходе. На осень надежды нет, урожая не будет, а княжеские чиновники, по всему виду, собираются назначить высокую подать. Князь гневается пуще прежнего. Открыта тайна рудника. Гэна чуть не убили, мать его погибла. Старики обходят деревни, налаживают связь. Так не послушаться ли нам деда Куроскэ, не подождать ли немного с восстанием? — предложил Дэнкити.

— И когда же это «пламя возгорится», Дэнкити? — подал голос Грабитель амбаров.

— А староста Сэнъэмон, видно, головастый. Но не пойдет ли он на попятную, когда в обмен не доносить о тайном руднике князь снизит подать?

— Пусть те, кто побогаче, и не поддержат нас, бедняки не подведут. Еды нет, женщин и детей убивают. На руднике восстание. Когда они узнают об этом, их уже не удержать.

Так они переговаривались. И вдруг тихий, но быстрый шепот пока- тился от входа:

— Кто-то идет!

Тут же Гэна повалили на пол, завернули циновку, подняли доску и толкнули в подземный ход.

Послышался лязг открываемого запора, и в барак вошел самурай со свечой.

Он фыркнул носом и, ничего не сказав, вышел. Снова раздалось громкое лязганье запора.

Гэн под землей почувствовал, как по бокам его течет холодный пот.

IV

В бараке над головой стояла тишина. Гэн не смел даже кашлянуть в подземном ходе.

Немного погодя в бараке снова заговорили. Гэн отчетливо слышал голоса над головою. Они доносились так ясно потому, что узники ле- жали, чтобы не попасться на глаза охраннику, если бы ему вздумалось снова заглянуть в барак.

— Нет, никогда я не люблю крестьян. Понадеемся на них и по- гибнем. Дэнкити! Решайся! Давай одни выступим. Дождемся выплавки серебра, перебьем самураев и перейдем границу княжества.

«Это Монах», — подумал Гэн.

— Когда серебро везут в замок, охрана больно строгая. Да и саму- раи из замка заявятся, — сказал кто-то.

— Ничего! Всех свалим в одну кучу, затолкаем в барак и перевя- жем нашими цепями.

«А это, наверно, Грабитель амбаров сказал». Душа Гэна ликовала: изобьют палками самураев, свяжут цепями и вместе с начальником стражи затолкают в барак, а сами схватят сверкающее серебро и распро- щаются с горой Огненного коня, с самурайским княжеством!..

— Постойте! — послышался голос Дэнкити. — Даже если мы и одни поднимемся на восстание, надо еще договориться с узниками с другого входа, обдумать, кто когда выступит...

— Завтра мы будем работать в одном мокром и глубоком забое. И кажется, вместе с ними. Тогда и договоримся,— предложил кто-то.

— Но прежде пусть они послушают, что рассказал сегодня ночью Гэн о положении в деревнях, и подумают. Прوماхнемся — дела не поправить. — Дэнкити осторожно, но уверенно вел узников к правильному решению. — А как там Гэн? Эй вы, у стены, взгляните, что там снаружи.

Наступила тишина.

«Все в порядке», — пришел ответ.

По-видимому, стражника поблизости не было. В тот раз он пришел, наверно, потому, что Монах говорил слишком громко, и самурай услышал шум в бараке. Правда, теперь, когда старик Хэйхати сбежал, стражники и без того то и дело заглядывали в барак со свечой в руке.

Над головой Гэна послышался шорох свертываемой циновки, сдвинулась доска, и в подземный ход влез Дэнкити.

— Ну что, страшно одному? — сочувственно спросил он.

— Еще чего! — громко возмутился Гэн — не такой уж он трус, но Дэнкити схватил его за плечо.

— Тсс! Не кричи так громко. Чем громче кричишь, тем меньше верят. Ничего позорного нет, если тебе одиноко и боязно. Главное, чтобы сделать то, что надо, несмотря на страх. А я думаю, ты такой парень, что сделаешь.

И Дэнкити похлопал Гэна по плечу.

V

— У меня есть к тебе просьба.

— Какая?

— Побудь сегодня ночью в забое. Завтра мы пошлем к тебе людей с другой стороны рудника. Расскажешь им о своей деревне. Завтра мы работаем...

— Знаю. В самом глубоком и мокром забое.

— Тебе слышно было? Да, в том забое ключевая вода доходит до пояса. Мы черпаем воду бадьей, сливаем в бочки, а потом поднимаем их на поверхность. Стражники там не бывают, так что опасаться нечего. Туда придут рудокопы с другой стороны рудника. Ты и расскажешь им, что знаешь. А я все устрою. Чтобы не промокнуть, не станем спускаться на самое дно, встретимся повыше, в «барсучьей норе».

— В барсучьей норе?

— Ну да, в заброшенном забое, в таком, примерно, как мы с тобой были в прошлый раз. Там легко спрятаться. Можно назвать его «лисей норой». Мы обманем стражников, как барсуки или лисы. — Дэнкити тихонько, но весело засмеялся, в темноте сверкнули белые зубы. — Дедушка, наверно, волнуется за тебя. А ты выйдешь из рудника только завтра ночью, когда кончится работа.

— Дедушка не станет беспокоиться. Он ожидал, что так и получится, — сказал Гэн, а сам подумал, что Киёно будет волноваться. Ему даже представилось, как Киёно потихоньку проберется в пещеру проверить, не вернулся ли он, и вскрикнет с испугу, когда с потолка упадут капли на ее белый воротник. А может, она испугается летучих мышей, висящих на потолке?

— Я провожу мальчишку в забой, — сказал Дэнкити ближайшему узнику, приподняв доску. — Ну, пошли.

Гэн поспешно выбросил мысли о Киёно из головы и проворно пополз по подземному ходу.

Они вышли в лес и побежали к входу в рудник. Он был в стороне от первого входа — та часть рудника была значительно старее. Гэн убедился в этом по мере того, как они спускались по бревнам зигзагообразной лестницы вниз.

Рудник здесь был сильно запущен, почерневшие бревна давно не меняли.

Гэн спускался вслед за Дэнкити по бесконечным ступеням. Кое-где стояли большие деревянные бочки для воды. Это и были те самые бочки, о которых говорил Дэнкити. В них сливали воду, зачерпнутую в глубине рудника, и затем поднимали наверх.

— Дальше идти некуда, — сказал Дэнкити и с последней ступеньки осветил дно рудника.

Там стояла тяжелая вода, и было видно, что она прибывала. Наверно, ключи продолжали бить.

Дэнкити молча глядел на воду. И теперь он освещал ее не только для того, чтобы показать Гэну. Он глядел на нее, как на ненавистного врага, который даже ночью, когда никого не было, продолжал наполнять рудник.

— Опять полно воды, — коротко бросил он. — Адская работа — вычерпывать воду. А не вычерпаешь, нельзя добывать руду. От этой работы кости скрипят и под конец дня кажется, что разваливаешься на части. А отдохнуть не смей.

— Самурай надзирает?

— Ага. И с палкой. Не будешь вкалывать, палкой заставит. Мы, молодые, кое-как держимся, а на стариков и больных смотреть страшно... Гэн, погляди хорошенько на этот ад и расскажи своим односельчанам о том, как мы работаем. Не поддержат нас вовремя, мы все здесь сдохнем от болезней, от непосильной работы, от жестоких побоев и расправ.

В словах Дэнкити звучали горячая ненависть и гнев, но он опомнился и сказал тихо:

— Давай сюда.

Дэнкити повел Гэна в боковой ход, видимо вырытый на пробу и теперь заброшенный.

— Самурай в этот забой не ходят. Спрячься здесь. Будь осторожен, когда начнется работа. Мало ли что может быть. Завтра я приведу к тебе рудокопов с другой стороны рудника. Ну, я пошел. Огонь немного погода погаси. Да не забудь. Заметит самурай — пропадешь.

Дэнкити ушел.

Было слышно, как он поднимается по бревенчатой лестнице, затем все стихло, и Гэн остался один глубоко под землей.

«И правда, барсучья нора... — грустно подумал Гэн. — Посидишь тут, пожалуй, и хвост вырастет».

VI

Гэн кашлянул.

Звук кашля, вырвавшийся из его горла, оттолкнулся от потолка и, пробежав по всем закоулкам и поворотам, отозвался эхом где-то далеко в горе, как живое существо.

Стало еще более одиноко.

— Я один. Да, я совсем один, — сказал Гэн вслух, словно обращаясь к кому-то сидевшему напротив. — Гашу огонь. Ложусь спать. Сегодня я устал.

Гэн дунул на огонь. Язычок пламени в плоске мигнул раза два и погас.

Наступила непроглядная темнота.

Тяжелая, влажная темнота глубокого подземелья охватила Гэна.

— Сплю, — еще раз отчетливо сказал Гэн в пустоту и лег на каменный пол.

Разговаривая, он потихоньку привык к темноте и теперь чувствовал, что страх убавился.

Он положил руки под голову и лег на бок. Ноги были тяжелыми. Сегодня ему пришлось сбегать до скалы Летучих мышей, потом взбираться на гору Огненного коня.

Перед глазами вставали убитая самураем мать, обеспокоенные лица деда Куроскэ и Киёно, и Гэн старался не думать о них. Он знал: сколько ни думай, горю не поможешь, а задумываться без толку глупо.

«Спать! Спать!» — приказывал он себе, но не так-то просто и легко было заснуть. Заботы и горькие мысли находили себе дорогу и, будто острым шилом, кололи сердце Гэна.

Озабоченное лицо матери, сверкавшие в улыбке белые зубы Киёно неотвязно преследовали его, и чем больше он ворочался, тем дальше уходил сон.

Тогда Гэн решил не спать до утра. Это было в его характере. Он никогда не убегал от неприятного и страшного, наоборот, решительно шел им навстречу и преодолевал их.

Он стал думать о Киёно, о деревне, о руднике и не заметил, как заснул.

Разбудил его лязг тяжелых цепей и окрики самураев, и хотя он находился далеко, в заброшенном забое, звуки эти мгновенно вывели его из зыбкого сна.

По лязгу цепей он понял, что узники спускаются по бревенчатой лестнице вниз, и цепи на руках у них, по-видимому, сняты. Они медленно двигались по зарубкам, где и без цепей-то было трудно удержаться, и ноги их деревенели от одной только мысли о тяжелом труде, который ожидал их внизу.

— Эй, пошевеливайтесь!

— Быстрее! — доносились окрики стражников и удары палок по бревнам.

VII

Сначала Гэн тихо сидел в темноте заброшенного забоя, опасаясь, что самураи могут заметить его и убить.

Но когда рудник заполнился разными звуками, он не мог усидеть на месте.

Бац! — бадья ударила о воду.

— Энса! Энса! Энса!¹ — надрывно выкрикивали узники, крутя ворот.

Скрип-скрип-скрип... — противно скрипел ворот.

К этому шуму примешивались резкие удары железа о железо — откалывали куски руды.

Гэн осторожно подполз к тому месту, откуда было видно, что делается в руднике.

Перед ним предстала картина ада.

Кое-где на стенах неровным светом мерцали площадки с рыбьим жиром, оставляя темные углы, отчего все выглядело еще мрачнее.

Плеск воды означал, что узники вычерпывали воду из рудника.

Большую бадью, окованную железными обручами, опускали в бревенчатый сруб, наполняли ее водой и воротом поднимали наверх. По краям ворота стояло по двое узников, которые с натугой крутили ворот, наматывая веревку.

Бадья медленно ползла вверх, там ее опорожняли в бочку, а бадью снова бросали вниз.

Так постепенно воду вычерпывали и выливали наружу.

В забое рудокопы орудовали молотками и зубилами, вырубая куски руды, и, когда железо ударяло о железо, сыпались короткие искры. Руду с вкраплением серебра и пустую породу ссыпали в соломенные мешки и, взвалив на спину, тащили по бревенчатой лестнице наверх.

Узники молча влачили в рудной пыли, будто синие черти в преисподней, а неподвижно стоявшие охранники подгоняли их свирепыми окриками.

— Эй ты, крути живее! — Палка самурая обрушивалась на спину узника, изо всех сил вертевшего ворот.

— А ну, поворачивайся! — Самурай пинал ногой немощного старика, с трудом волочившего мешок с рудой.

Охранники не спускали глаз с рудокопов: не освободились ли они от цепей, не хотят ли воспользоваться ими, как оружием.

Гэн ошалело глядел на эту картину и думал: «Пока я ловил рыбу, эти люди так тяжело работали здесь под землей...»

Тут кто-то схватил его за плечо и потянул за пояс назад.

Гэн даже подпрыгнул от неожиданности, но, слава богу, не вскрикнул. Он был так ошеломлен, что не успел и голос подать.

¹ Энса! — подбадривающий возглас.

— Вот безрассудный парень! — Дэнкити тихо засмеялся. — Разве ты не знаешь, что тебя оттуда тоже видно. Это Мосаку. — Дэнкити кивнул на мужчину рядом.

Гэн взглянул на вожака узников с другой стороны рудника. Лицо его было страшным. Левая половина лба была обезображена старым шрамом от удара мечом, края шрама уродливо бугрились. На правой руке не хватало двух пальцев: мизинца и безымянного. Гэн поспешно отвел глаза.

— Как-то во время праздника пьяный самурай зарубил трех односельчан Мосаку. Тогда Мосаку выхватил голыми руками меч у самурая и убил его. Тогда-то он и был ранен. Если крестьянин убивает самурая, считается, что самурай опозорен, и дом его уничтожают. Поэтому дело огласке не предали, а Мосаку сослали на рудник до конца дней. Мосаку храбрый и сильный. Рудокопы с той стороны делают все, как он решит. Ты Расскажи ему, что велел передать дед Куроскэ.

После слов Дэнкити лицо Мосаку не показалось Гэну таким уж страшным. Более того, ясный взгляд и сила этого человека внушали доверие.

— Так ты говоришь, что в деревне деда Тосаку варят лебеду? — сурово сказал Мосаку, выслушав Гэна.

— Да, в их деревне меньше воды на полях, чем в нашей... — И Гэн долго еще рассказывал Мосаку о жизни в деревнях.

— Ну, как там у вас? — спросил Дэнкити у Мосаку.

— Да так же, как и у вас. С трудом сдерживаю людей. Многие считают, что лучше умереть, чем так жить, и хотят восстать и перебить самураев.

— Да... — Дэнкити молчал, скрестив на груди руки.

— Дэнкити! А что, если я незаметно выберусь отсюда, пойду в деревню, встречусь с дедом Куроскэ, дедом Тосаку и другими крестьянскими вожаками и сам расскажу им о нашем положении? Может, тогда они быстрее решатся на бунт, — сказал Мосаку тихо.

VIII

— Я тебя понимаю. Очень хорошо понимаю, но думаю, не следует этого делать, — спокойно, но решительно возразил Дэнкити.

— Почему?

— Они убили мать Гэна, двенадцатилетнего мальчишки, только потому, что он нечаянно наткнулся на рудник. Представляешь, что будет, если один из узников, да еще главарь рудокопов, сбежит из рудника?

— Они меня не поймают, я им в руки не дамся...

— Ты-то, может, и ускользнешь. Да я даже и не сомневаюсь в этом. Но что будет с рудокопами? Не устроят ли они какого побоища после твоего ухода?

— Их теперь все равно не удержишь, буду ли я с ними или нет. А тут я скажу им, что пойду в деревню поговорить с вожаками крестьян, чтобы они поспешили с решением и выступили бы вместе с нами. Попрошу рудокопов подождать...

— Но когда ты уйдешь, охрана рудника станет еще строже. Мучения и издевательства усилятся, слабые духом или старые люди не выдержат и могут стать соглядателями самураев. Вот о чем надо подумать. Если уж восставать, то всем разом, и расправиться с самураями надо, пока не сломлены люди.

Гэн взглянул на Дэнкити — предусмотрел даже предательство. На вид обыкновенный человек, а выглядит суровее, чем Мосаку. И сдерживает своих товарищей, в то время как Мосаку, видно, уже не может остановить узников. Должно быть, там более строгие охранники. Или узники слабее духом?

Так думал Гэн, глядя на Дэнкити, и вдруг Дэнкити спросил:

— Ты, наверно, считаешь, что Мосаку незачем отправляться в такое опасное путешествие? Думаешь, не лучше ли, мол, ему понадеяться на стариков.

— Да нет... — замялся Гэн.

— Но это видно по твоему лицу. Ты думаешь: «Мосаку не доверяет мне, поэтому сам хочет пойти в деревню, хотя я тоже понимаю, как трудно рудокопам, и могу рассказать в деревне, что они вот-вот восстанут. Доверяли бы мне побольше, лучше бы было».

— Да нет... я... — промямлил Гэн, но он знал, что Дэнкити был прав.

— Я доверяю этому мальчишке. Крепкий паренек. Но все же лучше, если бы к крестьянам пошел человек с рудника... — Мосаку не успел договорить.

— Опять прохлаждаешься! — раздался громкий окрик охранника. — Что? Сердце болит, дышать нечем? Все вы тут чем-нибудь больны. Мешок снесешь, и уже отдыхать!

Послышался удар палки по соломенному мешку.

— Кто это сказал: «Сам попробуй, потаскай!»? Меня не проведешь, я даже шепот тут слышу. А ну, выходи!

— Ой, Мосаку! Это голос Черта Накамúры. Достоин, скотина, своего имени. Я пойду туда. Гэн, вот тебе еда. Голодный, наверно, прости, что поздно.

Дэнкити сунул Гэну за пазуху сверток и тут же растворился в темноте.

— Гади́на! — коротко, будто куснул, бросил Мосаку и последовал за ним.

Оставшись один, Гэн подполз к тому месту, где остановил его Дэнкити, и, стараясь не высовываться, стал глядеть вниз.

IX

Как раз на полпути между бревенчатой лестницей и забоем распластался, будто лягушка, человек с мешком, — видно, упал, когда самурай ударил палкой по мешку. Издалека не разобрать было, стар он или молод, жив еще или уже умер.

Рядом стоял самурай с толстой кабаньей шеей и ногой, обутой в соломенную сандалию, давил на спину узника.

— Вставай и работай! — орал он.

Вдруг из забоя появился Дэнкити с мешком на спине. Видимо, забой и «барсучья нора» соединялись каким-нибудь заброшенным ходом.

Дэнкити упал на колени перед Чертом Накамурой.

— Господин Накамура! Простите его. У Сакубэя больное сердце. Взгляните, как отекли ноги. Без отдыха он не может...

И Дэнкити показал на икры Сакубэя.

Накамура ударил палкой по плечу Дэнкити.

— Опять Дэнкити! Стоит только сказать что-то, как ты уж тут и покрываешь приятелей. Нечего лезть в чужие дела. Делай свое дело. И не болтай зря.

Но Дэнкити, видно что-то заметив, поспешно снял мешок со спины Сакубэя и, наклонившись, приложил ухо к его груди.

— Ну и паршивец! Ему говорят, работай, а он...

Дэнкити схватил палку, занесенную над Сакубэем, и сказал тихо:

— Господин Накамура! Он мертв.

— Что?!

— Взгляните сами, если не верите. — Голос Дэнкити был тих, но суров.

Было видно, что Накамура растерялся.

Смерть узника ничего хорошего не сулила ему: работников станет на одного меньше, добыча серебра убавится, да и перед начальником стражи как-то оправдаться надо.

Но, заметив, что узники перестали работать, он заорал громким голосом:

— Эй, вы! Чего встали? Работать! Саваи! Синдо! Чего смотрите? Заставьте их работать.

Но ни Саваи, ни Синдо не осмелились, как обычно, бить узников, потому что, бряцая цепями, узники грозно приближались к Накамура и круг их все более и более сужался.

Накамура выхватил меч. Он мрачно сверкнул в тусклом свете масляной лампы.

— Саваи! Синдо! Гоните их к выходу и наденьте цепи на руки! — закричал он и, прорвав круг в одном месте, бросился бежать к лестнице.

Но тут сбоку к нему метнулся человек.

Это был Мосаку. Он обхватил Накамуру, размахивавшего мечом над головой, под мышками, сжал его руки так, что он не мог опустить их, и побежал вместе с ним к срубам, на дне которых темнела вода. Шатаясь, он приблизился к колодцу и боком толкнул самурая вниз.

Раздался долгий вопль и затем всплеск воды где-то внизу.

— Эй, вы! Чего встали? Работайте! — закричал Мосаку, подскочил к вороту и стал крутить его в обратную сторону.

Окованная железом большая бадья стремительно понеслась вниз, раздался глухой удар и за ним звериный вопль. Это был последний крик Черта Накамуры — бадья разможила ему голову.

Все произошло так быстро, что Саваи не успел выхватить меч. Он стоял и смотрел ошалело на Мосаку. Тогда Мосаку подошел к нему вплотную и сказал:

— Вот так упадешь головой вниз, и конец. Слишком усердно работал. А, Саваи-сама¹?

— Гм...

¹ Са́ма — форма почтительного обращения.

— Накамура-сама, говорю, так усердно работал, что не заметил, как оступился и упал в колодец. Не правда ли, Саваи-сама? Так ведь, Синдо-сама?

Мосаку приблизил к Саваи свое изуродованное шрамом лицо и оглянулся на стоявшего поодаль Синдо.

Гэна, увидевшего вблизи смерть двух людей, пронзила острая боль.

— Мама! — тихонько воскликнул он и, представив страдания матери, убитой самураем, не мог отвести глаз от неподвижного труп Сакубэя.

Х

Ни Саваи, ни Синдо не могли уже ничего поделать.

Они не успели опомниться, как Черт Накамура был сброшен в колодец и убит. Мосаку же сказал, что Накамура поскользнулся и потому погиб. И лицо у него такое, что не дай бог вымолвить что-то другое — тут же нападет.

Если бы Мосаку был один, самураю с мечом ничего не стоило бы расправиться с ним. Но вокруг стояли рудокопы и с ненавистью глядели на них, вот-вот набросятся и разорвут на части.

Можно было бы позвать на помощь верхних стражников, но у лестницы сгрудились мрачные фигуры, а по лестнице как ни в чем не бывало поднимались с мешками старики. Слабые и старые узники ползли по лестнице, чтобы верхние стражники ничего не заметили.

Самураев, окруженных тусклыми мрачными лицами, видно, раздражала собственная беспомощность. Саваи ухватился за рукоятку меча. Тут же к нему приблизился Дэнкити. Рукоятка меча уперлась ему в грудь, и самурай не смог выдернуть меч. Мощный торс Дэнкити заслонил от всех самурая, и многие не поняли, что там происходило.

— Не надо, — тихо сказал Дэнкити.

— Прочь! — крикнул Саваи, но голос его прозвучал не так громко.

— Не надо!

Саваи отступил на шаг, чтобы выдернуть меч, но Дэнкити тоже сделал шаг вперед.

— Послушай, ты! — сказал он. — Многие из нас считают, что лучше умереть, чем так жить. Все равно отсюда не выбраться до конца дней. Так что чем скорее умрем, тем быстрее кончатся наши мучения. Поэтому если ты обнажишь меч, поднимется большой шум. Может,

ты и убьешь несколько человек, но и сам не останешься жив. Не лучше ли поберечь себя. Мосаку сказал, что Накамура погиб из-за чрезмерного усердия. Оступился и упал. Так и считай. И наверху скажи. Иначе кто-нибудь из наших буянов расправится с тобой так же, как с Накамурой.

— Ты что, угрожаешь мне?

— Да нет. Правду говорю. Советую подумать. Если вы оба промолчите, никто ничего не узнает.

— Дэнкити! Что ты там уговариваешь его. Хочет вынуть меч, пусть вынимает. Сбросим и этих двоих, как Накамуру. Какая разница, один упал или трое! — раздраженно крикнул стоявший рядом Мосаку.

— Вот видишь! Так что давай считать, что Накамура сам упал. Поскользнулся и упал в колодец. Так и верхним передай.

Саваи молчал.

Дэнкити перекинулся взглядом с узниками, застывшими у лестницы, и закричал:

— Передайте наверх: Накамура-сама поскользнулся и упал в колодец!

— Слышу! — бодро откликнулся Грабитель амбаров и весело закричал: — Беда! Накамура-сама упал нечаянно в колодец и погиб!

XI

Гэн и Мосаку глухой ночью спускались по скалам Большого водопада.

Гэн шел впереди. Он знал дорогу. Поглядывая иногда наверх, он холодел от ужаса, потому что Мосаку то и дело соскальзывал с мокрых камней. Если Мосаку упадет ему на голову, Гэн тут же сорвется со скалы. Они оба, как две лепешки, находились как раз над чашей водопада, и спастись было бы невозможно.

Вода с грохотом падала вниз в белых брызгах, освещенных красным светом луны.

Наконец они добрались до толстого клена в середине спуска и сели на него отдохнуть. Мосаку был мокр с головы до пят — не привык карабкаться по скалам, как Гэн. Одежда его была влажной не только от водяных брызг, но, наверно, и от пота.

— Пойдем, Гэн!

— Не спешите. Переведите дух, а то трудно спускаться будет.

— Что?! Мне?

— И все же глупо свалиться и умереть из-за того, что пожалел немного отдохнуть.

Гэн рассуждал, как взрослый. И Мосаку замолчал. Видно, Гэн убедил его.

Они сидели на стволе клена, и мрачный гул водопада передавался им — верхушка клена торчала в водопаде и сильно качалась под мощным напором воды. От нее во все стороны летели брызги.

Гэн поглядел на светлые даже ночью брызги, оглянулся на красную луну, освещавшую их, и внимательно осмотрел скалу, с которой падал водопад.

— Никто не гонится.

— Гм...

Мосаку был не в духе. Наверно, вспомнил, как ему попало от Дэнкити.

После того, как сообщили о смерти Черта Накамуры, события сильно осложнились. Труп подняли со дна колодца, и самураи переменились в лице, увидев его разmozженный череп.

Но Саваи и Синдо ничего не сказали начальнику стражи.

Работа кончилась, а Гэн все еще сидел один в темной «барсучьей норе» — в заброшенном забое — и начал было уже волноваться, как за ним пришел Грабитель амбаров.

Когда они пробрались в лес, там ожидали их, лежа, Дэнкити и Мосаку.

— Гэн! Сведи Мосаку к деду Куроскэ.

— Ладно.

— Я думаю, ни Саваи, ни Синдо не проболтаются. Что им, жить надоело, что ли? — продолжал Мосаку прерванный разговор.

— Ошибаешься. Они обязательно скажут. Ну не сегодня, так в ближайшие дни. Зря все же ты убил Накамуру. Если уж бунтовать, то всем сразу. Теперь тебе ничего не остается, как бежать. Ты исчезнешь с рудника, и внимание охранников сосредоточится на тебе. Если же тебя оставить на руднике и сделать вид, что ничего не произошло, начнут мучить всех, и некоторые не выдержат и скажут правду. Ну что ж, ничего не поделаешь, пусть будет так, как ты предлагал с самого начала. Но теперь уж смотри не подведи. Иначе все погубишь. И почему ты ненавидишь крестьян, ведь ты же сам родом из деревни?

Дэнкити очень тихо и долго разговаривал с Мосаку. Возможно, это был их последний разговор. И была в голосе его сдерживающая сила, так что Мосаку не смог вставить и словечка.

Гэн заметил, что руки и ноги Мосаку были свободны от цепей, — значит, и по другую сторону рудника есть умельцы, которые, как Грабитель амбаров, одним гвоздем могут снять цепи. И у них в бараке есть подкоп, раз Мосаку теперь здесь, в лесу... Вот ведь как: когда людям трудно, они, не сговариваясь, делают одно и то же...

Так думал рассеянно Гэн, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил Дэнкити, и принимая все к сердцу.

А Дэнкити — парень не промах. Поладил с Саваи и Синдо, но не очень-то понадеялся на них. Все обдумал наперед. И когда Мосаку заварил кашу, тут же нашел выход: изменил план восстания. Хорошо бы стать таким, как он!

Мосаку был раздражен и обеспокоен, хотя дело складывалось так, как он хотел.

— Ну, пошли! Слишком долго рассиживаться тоже нехорошо — ослабнешь. — Гэн поднялся со ствола клена и почувствовал, что краснеет, потому что невольно подражал Дэнкити.

«Так как же доставить этого вспыльчивого и могучего человека, презирающего крестьян, хотя и родом из деревни, к деду Куроскэ? — подумал Гэн и решил: — И все же я должен сделать это».

Вскоре он уже бежал, прячась за камнями, впереди Мосаку к скале Летучих мышей на гору Куросава. Дорога в деревню осталась в стороне.

I

эн и Мосаку сидели в темной пещере в скале Летучих мышей. Они ждали рассвета.

Наступит утро — придет Киёно.

Гэн понял это, когда обшарил камень, похожий на стол. На камне лежали свеча и кремень. Конечно, их принесла Киёно, когда Гэна здесь не было.

И вот теперь эта свеча неровным пламенем освещала пещеру. Рядом со свечой лежали лепешки из конского каштана, завернутые в листья магнолии. По тому как аккуратно они были положены, сразу было видно, что принесла их заботливая Киёно.

Гэн и Мосаку молча жевали лепешки. Свеча иногда начинала дымить, и язычок пламени удлинялся.

Гэн думал, что в доме Киёно совсем плохо с едой, — такие лепешки пекут только в голодное время. Киёно всегда ест бесшумно, но белые зубы ее быстро управляют с едой. Дед Куроскэ, хоть и старый, тоже не отстает от нее, зубы у него еще крепкие.

В последнее время они готовят что попало, но как весело на них глядеть, когда они уплетают какое-нибудь варево!

«Хорошо бы, Киёно была сейчас

ГЛАВА ПЯТАЯ ТЮРЬМА НА ХОЛМЕ ТЭТАТА

здесь», — подумал Гэн. Он взглянул на сидевшего рядом Мосаку. Тот жадно глотал большие куски лепешки, толстые вены на висках его вздувались.

— Ты что? — спросил Мосаку, заметив, что Гэн смотрит на него.

— Я? Я ничего. — Гэн поспешно отвел глаза на потолок. Там, как всегда, висели бесчисленные черные мешки — летучие мыши.

В сумерках слетали за кормом, теперь будут отдыхать до рассвета. Кое-где в неясном свете сверкали их золотистые глаза. Мыши тихо попискивали, разевая маленькие красные рты.

— Не сожрать ли их? — сказал Мосаку, глядя на потолок.

— Летучих мышей?! — испугался Гэн.

— Ну да.

Гэн оторопел. Ему никогда не приходило в голову, что можно есть таких отвратительных тварей.

— Жареные они, наверно, вкусные.

— Но... у них же уши и крылья?..

— Подумаешь! Оторвать можно. Без крыльев они, как мыши, а мышей едят.

— И вам приходилось есть мышей?

— Приходилось.

«Ну и ну! — подумал Гэн. — Этот вспыльчивый здоровенный мужчина, видно, мочится по ночам в постель».

Плакса Хэйтаро из соседнего дома долгое время мочился в постель. Так мать однажды накормила его потихоньку мышинными тэмпура¹. Гэн слышал, как она рассказывала его матери, будто ей сказали, что мышинные тэмпура — хорошее средство от недержания мочи.

Она спросила у плаксы Хэйтаро, вкусны ли тэмпура, и тот ответил, мол, что вкусные. Может, оно и так, но Гэна чуть не стошнило, когда он узнал об этом.

— Вы ели мышинные тэмпура? — подделываясь под разговор, спросил Гэн.

— Да нет, прямо так, сырыми ел, — просто сказал Мосаку.

— Сырыми?!

— Ну да.

— И когда же это было?

— Три года назад. Убил самурая, и, прежде чем меня поймали и сослали на рудник, я прятался в горах.

¹ Тэмпура — кусочки мяса или рыбы, зажаренные в тесте.

— А, вот как! — Гэн даже вспотел. Значит, этот бесшабашный и сильный человек вовсе не мочится в постель по ночам. Он ел мышей, чтобы утолить голод, когда блуждал один по горам.

Гэн снова взглянул на обезображенное лицо Мосаку с багровым вздувшимся шрамом на лбу, и тут Мосаку цыкнул тихо, но резко:

— Тсс... Кто-то идет!

II

— Это Киёно.

— Нет, это не она. Прячься. Это мужские шаги.

Мосаку задул свечу и толкнул Гэна за камень.

В темноте пещеры слышались шаги человека.

Человек завернул за угол и остановился, войдя в пещеру.

— Есть здесь кто-нибудь? Пахнет воском, — раздался тихий голос.

— А, это дедушка! — Гэн быстро выбил искру кремнем и зажег свечу.

— Я так и думал, что ты здесь, но на всякий случай спросил. Вдруг самурай окажется.

— Я думал, Киёно пришла.

— Она завтра утром придет. Увидят девчонку — сразу заподозрят неладное. А это кто?

— Я — Мосаку. Убил самурая и бежал с рудника. Рудокопы больше не могут ждать. Если крестьяне не выступят, мы одни восстанем.

— А справитесь одни-то?

— Даже если не справимся, восстанем.

— Гэн! А что Дэнкити велел передать?

Стараясь не раздражать Мосаку и не дать ему сказать лишнее, Гэн рассказал деду Куроскэ о происшествии на руднике, о том, что задумал Дэнкити, и как все обернулось после того, как Мосаку убил Черта Накамуру.

— Ты, Мосаку, в точности, как я в молодости, — сказал дед Куроскэ, взглянув на Мосаку затуманившимися глазами.

«Вот уж неправда! — подумал Гэн. — Дед Куроскэ был совсем не похож на безрассудного Мосаку. А может быть, в молодости он тоже был таким, а теперь от старости поумнел? Да нет, дедушка нарочно так говорит, чтобы ободрить Мосаку».

Мосаку не стал задумываться над словами старика. Только спросил, кашлянув:

— Ну, как дела в деревне?

— Бедняки озлоблены. Как еда кончилась, глаза у всех злые стали, хоть сейчас готовы взяться за серпы и мотыги.

— Это хорошо!

— Однако же кто позажиточнее, вряд ли станут бунтовать.

— Ничего, как заварится каша, и они примкнут к нам. Не смогут удержаться.

— Кто их знает! Начнется бунт, из замка сразу же самураи нагрянут, тогда в лучшем случае тюрьма, а то и пытки, и распятие на кресте. Так что на это надо решиться.

— Те, кто решится и начнет, втянут остальных. Пусть даже не вся деревня поднимется, а только часть, и то хорошо.

— Вряд ли так будет. Однако у нас есть еще одно средство. Мы можем пугать самураев тем, что донесем о тайном руднике в Эдо, если они захотят расправиться с нами. Уже многие говорят: пусть только попробуют наказать нас, сразу донесем. Некоторые согласились обещать деревни и созвать людей. Ты как раз вовремя появился. Тут в одной деревне собираются на тайный совет, и твой рассказ о руднике будет кстати.

— Я куда угодно пойду.

— Одно только помни: ты бежал с рудника, и если поймают, тебе смерть. Так что слушай меня.

— Душа моя горит. И жизни мне не жалко.

— Тебе-то, может, и не жалко, но ты погубишь тех, кто придет слушать тебя. Так что не очень-то ершишься и не делай глупостей. Ну ладно. Пойдем сначала в деревню Асахи. Там сегодня ночью и собирается тайный совет. Нужно сейчас идти, пока не рассвело.

— Конечно.

— Гэн! Останешься здесь, как я сказал. На рассвете придет Киёно. Днем ты посиди здесь. Вечером я вернусь, и тебе придется бежать по делу.

«Хорошо, что я заглянул в пещеру, прежде чем идти домой», — прошептал себе под нос дед Куроскэ и вышел вместе с Мосаку из пещеры.

Гэн снова остался один.

«Ничего, наступит утро и придет Киёно», — подумал он.

III

Когда они вошли в ворота деревенского храма, раздался крик совы. И тут же деда Куроскэ и Мосаку схватили крепкие руки. Мосаку стал вырываться, а дед Куроскэ сказал тихо:

— Это я, Куроскэ. А этот человек со мной.

— А, это ты, дедушка! Что же ты не ответил на сигнал. Мы подумали, не самураи ли или их шпионы... Эй! Отпустите! Это дедушка Куроскэ из деревни Такигáва, — сказала неподвижная тень. Мосаку был все еще рассержен и, когда молодой мужчина разжал руки, он отбросил его одним ударом.

— Дедушка! Вы зачем вернулись? Что-нибудь случилось? — спросила черная тень.

— Привел человека на ваш ночной совет. Вот он.

— А... Дайхáти, проводи-ка.

Мужчина по имени Дайхати коротко кивнул и, повернувшись спиной, повел их в глубь двора. Двое других тут же растворились в темноте — стали на страже.

Дайхати прошел до конца двора, поднялся по лестнице ступеньки в три и постучал четыре раза по решетке.

Дверь отворилась. Несмотря на лето, окна и дверь были занавешены. Наверно, чтоб не просачивался свет и не было слышно голосов.

— А! Дедушка! Проходи сюда, — позвал крепко сложенный, статный мужчина, сидевший в центре. Своим видом он выделялся среди худых, изможденных людей, сидевших вокруг. Дед Куроскэ встал на колени.

— Сэнъэмон-сама! Это человек с горы Огненного коня. Я вернулся, а Гэн как раз привел его. Ну я и подумал, что очень кстати.

— Хорошо, что привел.

Сидевшие настороженно зашевелились.

Мосаку, посаженный вместе с дедом Куроскэ рядом со старостой Сэнъэмоном, чувствовал себя неловко, но все же расправил плечи и обвел всех угрюмым взглядом.

Сэнъэмон — словно только и ждал их прихода — оглядел всех и заговорил:

— Мы собрались сегодня ночью здесь, чтобы решить, что нам делать дальше. Вы уже обговорили все у себя в домах, теперь подумаем, как быть всей деревне. Вы видите знакомого вам дедушку Куроскэ. С ним пришел этот молодой мужчина с горы Огненного коня. Прежде

чем приступить к разговору, попросим дедушку Куроскэ рассказать нам о нем.

Но дед Куроскэ не успел и рта открыть. Заговорил Мосаку:

— Я сам расскажу о себе. Я — Мосаку из деревни Фудзисирó. Кто знает про меня, те пусть знают. Моя деревня далеко отсюда, может, некоторые и не слышали обо мне. Но это неважно. Э-э... Да что это я так долго о себе говорю...

Мосаку раздраженно хлопнул рукой по колену.

— Ничего. Если надо, говори, — спокойно сказал дед Куроскэ.

Мосаку схватился за колено и, тяжело дыша, осмотрелся. Решил успокоиться и тогда говорить.

Одетые в заплатанную рабочую одежду, крестьяне деревни Асахи, сидя на дощатом полу храмовой каморы, молча ожидали, когда снова заговорит этот вспыльчивый человек.

Одни, прищурясь, глядели на страшное лицо Мосаку, обезображенное вздувшимся шрамом, другие поглядывали на его каторжную робу, пытаясь угадать, что он за человек и что скажет им.

IV

Наконец Мосаку заговорил. Видно, решил: будь что будет. Может, подумал, что все обойдется, пока он говорит, или его ободрили слова деда Куроскэ...

— Я зарубил самурая и был сослан на рудник. Сегодня опять убил стражника и бежал с рудника, — начал он. — Терпение у рудокопов лопнуло. Скоро бунт. Гэн сказал нам, что в деревнях голод — два года подряд неурожай. Я вижу — все правда. Я бежал сюда в темноте по тро-
подряд неурожай. Я вижу — все правда. Я бежал сюда в темноте по тро-
пинке среди полей, но и по запаху понял — урожай погиб. Как-никак
я крестьянин. Говорят, на голодные деревни в этом году все равно на-
валят высокую подать. Пора поднимать соломенные флаги¹! Если рудо-
копы и крестьяне восстанут вместе, самураям некуда будет деваться.
Они уступят. Мы заставим их уступить. Однако если вы и не поможете
нам, мы и одни разгромим самураев. Больше терпеть нет сил.

Мосаку кончил говорить и оглядел всех злобным взглядом, словно перед ним сидели стражники с рудника, которых мало и убить.

¹ Соломенные флаги — флаги из соломенных циновок; служили знаменами крестьянских восстаний.

Крестьяне молчали, никто даже не кашлянул. С самого начала, слушая горячую речь Мосаку, они разделились на три группы. Одни испугались еще больше и решили идти на попятную. Другие задумались, выгодно ли бунтовать вместе с рудокопами. А те, что дошли до последней черты, — им было все равно. Они готовы были тут же выхватить ножи и присоединиться к рудокопам.

Это были в основном самые нищие молодые крестьяне по прозванию «водохлебы». Они были выбраны из разных концов деревни или сами пришли на совет. Их жизнь была до такой степени тяжела, что им ничего не оставалось, как взбунтоваться.

Однако тяжелее всего было узникам рудника. Ощетинившись, будто затравленный собаками волк, Мосаку продолжал:

— Жизнь на руднике страшная. С раннего утра до поздней ночи в глубокой шахте, как в аду, работают узники под надзором стражников-зверей, пока не протянут ноги. Те, кто не умрет от побоев, наглотавшись рудной пыли, делаются бледными, как коконы, слабеют и могут ходить только с палкой. Нападает на них какая-то немощь. А самураи не выпускают их на волю — боятся, что тайна серебряного рудника выплывет на свет божий.

Они распустили слух об Огненном коне, будто тот, кто увидит такого коня, умрет. Нельзя даже приблизиться к горе Огненного коня, говорят они. Так они стараются скрыть, что добывают в горах серебро. И правда, все, кто поднимался на гору, погибали. Их просто убивали. Они же видели плавильные печи! И это была не божья кара, а обыкновенное убийство. Людей убивали убийцы. Они расправлялись и с теми, кто добывал руду, плавил серебро, отвозил его. Но больше мы не позволим им убивать нас. Мы сами перебьем всех самураев. А вы разве лучше нас живете? Разве вас не убивает непомерная подать? Разве вас не давят, как червей, самураи? Ведь убили же мать Гэна. Назначая высокую подать с голодающих деревень, они обрекают на голодную смерть не одного или двух людей, а целые деревни, десятки деревень. А те, кто все же выживают, молят бога о смерти, потому что при такой жизни лучше умереть, чем жить.

Мосаку перевел дух и продолжал:

— И рудокопы, и крестьяне дошли до предела. Конечно, на руднике есть и грабители, и убийцы. Однако почему они стали грабить и убивать? Все они крестьяне, которых жизнь заставила пойти на это. Есть и такие, которых сослали на рудник за то, что они собирались бунтовать. На них тайно донесли трусливые люди, предали их самураям.

Если на этот раз появятся предатели, знайте: им несдобровать. Давайте выступим вместе, рудокопы и крестьяне. И мы обязательно победим. Самураи больше всего боятся, что в Эдо узнают про их тайный рудник. Мы на этом и сыграем. Объединимся же смело! Нам ли бояться смерти! Прошу вас, люди!

Мосаку умолк, сложил руки на груди, и из глаз его полились слезы. Крестьяне подавленно молчали.

V

— Да, он верно сказал, — подхватил слова Мосаку дед Куроскэ. — Давайте решим, что будем делать.

Тягостное молчание хотел было нарушить молодой парень, но другой дернул его за пояс кимоно — наверно, подумал, что нехорошо лезть вперед старших.

— Зачем же останавливать! Пусть говорит, кто хочет. Ну так что, вы нас поддержите? — Мосаку впился глазами в крестьян.

Сэнъэмон расцепил большие руки и, упершись ими в колени, сказал парню с последнего места:

— Не робей, Ёкити! А ты, Кумэдзи, не одергивай его. Здесь нет ни молодых, ни старых, ни арендаторов, ни хозяев. Как сказал этот человек с рудника, мы должны теперь откровенно обсудить все и решить, что делать. Говори, Ёкити.

— Смотри у меня! — Ёкити гневно взглянул на Кумэдзи и крикнул: — Я согласен с Мосаку, с каждым его словом. Мы должны восстать. Другого пути нет.

— Правильно! — рявкнул Мосаку, резко склонив голову. И из глаз его опять чуть не брызнули слезы, но это были слезы радости.

— Однако... — начал было мужчина средних лет, сидевший в середине, но Ёкити, не обращая на него внимания, продолжал:

— А что тут думать! Все запасы кончились. Если бы Сэнъэмон-сама не открыл свои амбары и не дал бы нам риса, мы давно бы сдохли с голоду. Теперь все знают, что амбары Сэнъэмона пусты. Разве князь не должен выдать нам рис в случае бедствия? Но когда мы обратились к нему, вы знаете, что он ответил?

— А что он ответил? — спросил Мосаку.

— А вот что: «Из-за длительной засухи рис в амбарах князя на исходе. Запасы самураев княжеского дома тоже невелики. Так что дерев-

ня сама должна найти возможность помочь себе». Хорошо было бы, если бы все зажиточные люди были такие щедрые, как Сэнъэмон-сама, а то в соседних деревнях, наоборот, они покрепче заперли амбары да подальше спрятали рис, пшеницу, просо и бобы и взвинтили цены.

— Да в амбарах князя и у городских торговцев полно риса! — воскликнул Мосаку.

— Конечно! — поддержал его Ёкити.

Тогда и Кумэдзи заговорил громким голосом:

— Богатеи знают: случись бунт — прежде всего разгромят их амбары и выволокут мешки. Так они снюхались с замком и сдерживают крестьян.

— Какой там бунт, если деревня раскололась! Пришлют из замка самураев, разве мы с ними справимся? — угрюмо буркнул мужчина средних лет, которого перебил Ёкити.

— А мы сначала разделаемся с теми, кто раскалывает деревню. Тогда все будут заодно. А если деревня будет заодно, никакие паршивые самураи нам не страшны! — взъярился Мосаку.

— Ты тут храбро говоришь о «паршивых самураях», а разве не они схватили тебя и до сих пор держали на каторге?

— Что-о?! — Забыв о наставлениях Дэнкити, Мосаку с ненавистью уставился на бледного мужчину средних лет, позволившего себе лениво болтать при нем такое.

VI

— Не надо повышать голос, — спокойно перебил их Сэнъэмон. — Можете откровенно высказывать, что хотите. Ведь речь идет о судьбе каждой семьи, всей деревни, даже больше — о судьбе жителей десятков деревень.

Он обвел взглядом сидевших и остановился на говорившем до этого мужчине. Ободренный его взглядом, мужчина продолжал:

— Не следует ли еще раз обратиться в замок с прошением о помощи?

— Мы же обращались и получили ответ: кормитесь как можете в своей деревне, — сказал кто-то.

— А нужно разъяснить князю, что деревня Асахи уже использовала все возможности, что амбары старосты Сэнъэмона пусты. Потом надо

намекнуть про рудник на горе Огненного коня и поторговаться: не дадите, мол, риса, сообщим в Эдо о тайном руднике.

— Ерунда! Не поможет это, — рявкнул Екити. — Пока мы не восстанем вместе с рудокопами и не разгромим самураев, они и разговаривать с нами не будут. «Намекнуть»! Ха-ха-ха! Да разве с ними так справишься?

— И ты говоришь это со спокойной душой, зная, что твои товарищи умоются кровью, умрут или подвергнутся пыткам?

— Рано или поздно это случится. Так что же ходить окольными путями? Еще больше людей зря погубишь.

— Как это зря?

— А как же иначе! Если мы не откроем рисовые амбары деревенских богатеев и князя, люди умрут с голоду, ведь продовольствия нет. В деревне деда Куроскэ с водой еще ничего, у них река Такигава протекает, что берет начало от Большого водопада, а на наши поля взгляни — все потрескались и заскорузли, как панцирь черепахи. А те крохи, которые мы соберем на полях, политых водой из бочек, привезенной издалека, отберут самураи. И ты считаешь, что люди останутся живы?

Мужчина пробормотал что-то себе под нос, видно не соглашаясь с Екити, но под яростным напором Екити умолк.

Казалось, что горячие и сильные люди победили в споре на совете, но по всему было видно, что не все в душе согласны с ними, а раз так, то бунт вряд ли окажется удачным.

И дед Куроскэ, зная это по опыту своей долгой жизни, вмешался в разговор:

— Слушай, Екити! Давай-ка сначала подадим прошение князю.

— Как! И вы, дедушка, за прошение?

— Не горячись! Пошлем с прошением крепких людей...

— Вы, значит, за дядюшкой повторяете. Намекнем, мол, что донесем о тайном руднике, поторгуюемся с ними... Тьфу! Ерунда все это.

— Не совсем так, Екити. Для начала поступим, как сказал дядюшка, а потом сделаем по твоему.

— Как же? Разгромим рисовые амбары? Устроим бунт?

— Да, но немного по-другому. Ты предлагаешь сразу же разделаться с самураями и поднять соломенные флаги. А мы иначе поступим. Подадим прошение князю, чтобы помог нам рисом, а тем временем приготовимся к сражению. И поспешим с этим. А чтобы самураи нас не

одолели, разделимся на группы, выберем вожаков, их помощников и руководителя восстания. Я смотрю, вы одни, только своей деревней воевать собираетесь. Так дело не пойдет. Нужно поднять более двух десятков деревень и выступать вместе с ними и с рудокопами. Иначе нас разобьют поодиночке.

— А вдруг в деревнях не все согласятся на бунт? — спросил кто-то. Это был один из тех, кто с самого начала колебался, — страшился самураев.

— Если арендаторы и половина крестьян примкнут к нам, и то слава богу. Рудокопы больше не могут ждать. А те, кто не решается выступить с нами сейчас, присоединятся потом, когда мы поднимем соломенные флаги.

— Понятно.

Ёкити заулыбался.

— А как ты думаешь закончить восстание? — спросил дед Куроскэ.

— Как закончить? Мда...

— Ну да, где и когда ты хочешь остановиться. Нельзя же начинать битву с замком, не обдумав наперед, что будет, если мы победим самураев, или наоборот, если они порубят нас своими мечами, — решительно сказал дед Куроскэ.

VII

«Сколько же дней я торчу здесь? — думал Гэн, лежа на спине в пещере. — Четыре дня, пять дней...»

Если бы ему сказали, что он сидит в пещере уже долгие годы и сделался глубоким старцем, он поверил бы.

Гэн всем сердцем почувствовал, как дорого человеку каждое, пусть самое привычное и неказистое местечко его родной деревни.

Всем своим существом он понял, как важны для его жизни самые обыкновенные разговоры с самыми обыкновенными людьми.

Взять хотя бы плаксу Хэйтaro, над которым он всегда потешался. Как хотел бы он теперь увидеть его плаксивую рожицу.

Гэн не пожалел бы и ста рё¹, чтобы этот Хэйтaro стоял теперь перед ним, и Гэн ткнул бы ему пальцем в грудь, а тот захныкал бы. Здесь столько темных уголков, поворотов, вмятин, где интересно прятаться.

¹ Рё — старинная японская монета.

Да, он ни за что не стал бы доводить беднягу до слез...

— Где же Киёно?

Дед Куроскэ ушел тогда ночью в деревню Асахи с Мосаку, бежавшим с рудника, утром пришла Киёно с лепешками, и с тех пор он ее больше не видел.

Гэн сам не велел ей приходить.

— Знаешь, Гэн,— сказала она тогда,— по деревне шныряют какие-то странные люди.

Деревенских она всех знала, а эти были одеты, как крестьяне, но не из их деревни, да и по всему видно, что не крестьяне.

— Уж не шпионы ли самураев? — высказала догадку Киёно.

Она всегда удивляла Гэна своей наблюдательностью. И теперь, возможно, она была права. Это могли быть шпионы.

— Когда я с узелком выходила из дома, какой-то человек спрятался за амбар.

— Вот видишь! И ты все же пошла сюда? — закричал Гэн, глядя на спокойное лицо Киёно.

— Да.

— А если бы он спросил, что несешь?

— Я бы сказала: «Лепешки».

— Вот глупая! Он бы сразу понял, что ты несешь мне еду, и убил бы тебя.

— А я бы сказала, что несу их в дом Сандзирó. У них полно маленьких детей, и они давно уже просят принести лепешек. Проверили бы, все бы совпало.

— А если бы тот шпион пошел за тобой и остановил тебя на горной дороге, далеко от дома Сандзиро и деревни?

Киёно засмеялась, закинув голову.

— Какой ты беспокойный, хоть и мужчина! Как только тот человек спрятался за амбар, я прямехонько туда и направилась.

— Да что ты!

— Хотела крикнуть: «Держите вора!»

— Ну?

— Но он завертелся, как вьюн, и бросился бежать в другую сторону.

— Так... А когда ты сюда шла, он не крался следом?

— Нет, я подождала, когда он исчез из виду. Да и дорога к скале Летучих мышей совсем в противоположной стороне. Потом я нарочно сделала крюк и все время оглядывалась. Никто за мной не шел.

И Киёно опять засмеялась белозубым ртом.

VIII

Гэн сказал Киёно, что теперь ей лучше не приходить в пещеру. Вернется дед Куроскэ из деревни Асахи, даст ему задание и решит, сам ли он будет навещать его или Киёно. А до того Гэн строго наказал Киёно сидеть дома.

С тех пор Киёно и не появлялась в пещере.

Прошло уже четыре дня. Вот рассветет, и пойдет пятый день, как он не видел Киёно.

Лепешки кончились еще вчера. Целый день он пил только воду. В ручье, протекавшем вдоль стены, она была кислой и такой холодной, что сводило руки. Наверно, в ней был вкус камня, так как в ручей падали капли с потолка. Ощущая во рту терпкий вкус воды, Гэн с отвращением думал о летучих мышах, свисавших вниз головой с потолка.

Голодать он привык. И грязную воду пил. Ему приходилось пить воду из канавы на рисовом поле во время посадки рисовой рассады. Так что это его не волновало.

Беспокоило то, что не появлялись ни дед Куроскэ, ни Киёно.

Вернувшись из деревни Асахи, дед Куроскэ должен был послать его в другие деревни. Он обязательно зашел бы к нему, что бы ни случилось.

Уж не схватили ли его на месте встречи? Ведь с ним был Мосаку, бежавший с рудника, чтобы договориться о восстании.

А может, они с Мосаку обходят одну деревню за другой и дед уже четыре дня не был дома? Ну конечно! Поэтому и Киёно не появляется. Она не может прийти без наставлений деда Куроскэ. Да и он, Гэн, так велел ей.

А вдруг Киёно схватил шпион и допытывается у нее, где прячется Гэн, куда и для чего ушел дед Куроскэ?

Так оно и есть! Видно, тогда был не один соглядатай, а два. Один убежал, а второй последовал за Киёно.

Но в таком случае его, Гэна, давно бы схватили. А раз не схватили, то... притаились и ждут, не придет ли кто-нибудь на связь с ним.

Мрачные черные мешки на потолке почему-то зашевелились, зашуршали, стали попискивать.

До рассвета еще далеко. Что бы это значило? Гэн вскочил на ноги, и тут в пещеру влетел, как черный снаряд, какой-то человек. Он завернул за угол и на полной скорости столкнулся с Гэном. Наступив ногой

ему на грудь, он достал из-за пазухи веревку и, схватив один ее конец в рот, стал шумно распутывать ее обеими руками.

Вмиг левая рука Гэна была закручена за спину, в шею впилась веревочная петля.

— Значит, ты все же был здесь. Глаза мои меня не обманули. Ветви недавно обломаны, трава примята. Ты что?!

Гэн изо всех сил вцепился зубами в палец мужчины и, толкнув мужчину в живот, бросился бежать к выходу, волоча за собой веревку.

Летучие мыши разом сорвались с потолка и стали беспорядочно кружиться по пещере.

Гэн был сбит с ног у выхода из пещеры. Там стоял еще один согляда-тай.

Гэна связали. Он громко ругался, а в горячей голове мелькали мысли: «Хорошо, что Киёно не оказалась в пещере! Хорошо, что дед Куроскэ не пришел! Хорошо, что Мосаку не было!»

А немного погодя он вспомнил зловещие слова: «Всякий, кто увидит гору Огненного коня, погибнет». Зубы его застучали от страха, потому что человек, который понял, что никакого Огненного коня нет, что это только отражение пламени печей, выплавляющих серебро, на облаках, погибал именно за то, что понял это.

Связанный веревкой, он спускался с горы Куросава, проклиная свою беспомощность. Сзади его погоняли пинками два самурая.

IX

Гэна посадили в тюрьму на горе Тэгата.

Это был скорее холм, чем гора, и находился он у подножия замка Акита. На верхушке холма располагалось место казни.

Внизу, у холма, стояла тюрьма, куда помещали опасных преступников. Когда приходил срок, их вели, связанных, на вершину холма, ставили на колени перед глубокой ямой и отрубали голову. Или распинали на столбе, пригвоздив человека копьями.

Труп оставляли висеть или, сняв со столба, отрубали голову и выставляли ее напоказ.

Жители предместья приходили смотреть только на казнь особо опасных преступников, так что часто отрубленная голова на помосте привлекала внимание лишь стаи ворон.

Поговаривали, что в дождливые ночи на холме Тэгата голубоватым

светом мерцали души покойных, но никто не знал, так ли это, потому что люди боялись приближаться к месту казни в дождливую ночь.

Однако тем, кто отваживался все же отправиться на холм в такую ночь, действительно казалось, что отрубленная голова со свесившимися с помоста волосами, прищурившись, пристально глядит на них пустой глазницей выклеванного воронами глаза и мрачно светится голубоватым пламенем.

Тюрьма у подножия холма тоже производила мрачное впечатление. Внутри было сыро, между дощатыми стенами и полом скопилась плесень и могли бы расти грибы.

Коридор, по которому ходил надзиратель, отделялся от камер толстыми, крепкими решетками.

Внизу было отверстие, через которое подавали еду. Оно запиралось на огромный замок. Из этой дыры можно было выползти лишь на четвереньках.

Гэна посадили в одиночную камеру величиной в три татами¹. Прежде чем запереть здесь, его провели по коридору, несколько раз заворачивая за углы, но людей он не увидел. Так была устроена эта тюрьма.

Однако за земляными стенами коридора чувствовалось присутствие множества людей. Он понял, что тюрьма для опасных преступников битком набита узниками. И, судя по тяжелому мужицкому духу и вялому гулу голосов, это были не городские жители, а крестьяне.

Значит, в какой-то деревне княжества готовился бунт или уже взбунтовались селяне, их схватили и посадили сюда.

«Всюду бунтуют!» — подумал Гэн, молча шагая по коридору.

Охранник схватил его за шею, сунул в дыру и пинком ноги проводил в камеру.

«Я здесь не один», — снова понял Гэн, и эта мысль придала ему силы.

На другой день, когда его водили на допрос, по дороге из камеры и обратно он снова почувствовал дыхание невидимых друзей за земляными стенами коридора, и это опять ободрило его.

Поэтому во время допроса он упрямо твердил:

— Ничего не знаю. Ходил ловить рыбу.

Тогда тюремщик воскликнул в гневе:

— Ладно! Сейчас ты у нас заговоришь по-другому!

¹ Татами — толстая соломенная циновка, немного более 1,5 м²; служит для покрытия полов.

Он приказал бить Гэна по голой спине расщепленным бамбуком, но это только навело Гэна на мысль:

«Вот оно! Они думают, что меня послали из деревни на рудник для связи. Они хотят узнать от меня что-нибудь о деревне и рудокопах. Значит, меня не убьют как человека, случайно увидевшего Огненного коня, чтобы заткнуть мне рот».

И тут Гэн потерял сознание.

Х

Ему повезло. Тюремный сторож оказался добрым человеком.

Дня через два, когда Гэн пришел в себя, он почувствовал, что на лбу у него лежит мокрое полотенце. Чья-то морщинистая рука заботливо охлаждала его лоб. Вода в лохани была грязного мышиного цвета, но прикосновение рук ласковым.

Гэн широко открыл глаза от изумления — тюремный сторож ухаживает за ним! Бросились в глаза седые волосы старика. Это был сухонький старичок, которого могло сбить с ног даже легкое дуновение ветра. Лицо его было бесстрастным.

И тут случилось непредвиденное. Появился охранник.

— Кароку! Ты что делаешь? — заорал он свирепо. Старик поспешно встал, неловко задев лохань. Вода полилась на пол.

— Помогаешь опасным преступникам?! Смотри, как бы тебе не попало!

— Извините! У этого мальчика жар. Горит весь, как в огне... Если опасный преступник умрет, меня ведь накажут.

— Идиот! Разве этот щенок умрет оттого, что его избили палкой? Ты же знаешь, что после допросов всегда бывает жар, и они дня два-три дрыхнут. Сколько лет служишь сторожем в тюрьме и не знаешь этого? А ну-ка, пошел отсюда. Быстро! Замечу еще подобное, не спущу.

Охранник громко ударил длинной палкой по решетке. Кароку рас-терянно выполз из камеры.

Однако в ту ночь, когда Гэн снова очнулся в жару, он опять почувствовал, что морщинистая рука выжимает на его раны сок травы. А утром он увидел, что раны его залеплены размятыми листьями травы.

Гэн постепенно поправился. Стал есть похлебку, которую приносил ему сторож.

— Надо есть, — тихо говорил Кароку, подавая миску. — Закрой глаза и ешь. Если противно, просто глотай, и все.

Кароку говорил так тихо и бесстрастно, что если бы Гэн не видел в свете фонаря, висевшего на поясе сторожа, как шевелятся его губы, он не понял бы, кто говорит.

Но этот добрый старик не мог ответить ему, схватили ли самураи кого-нибудь из деревни Такигава или Асахи. Нет ли в тюрьме людей с рудника? Не поймали ли деда, по имени Куроскэ, и мужчину, по имени Мосаку, со шрамом на лбу?

— Не знаю, — твердил Кароку. — А если бы и знал, не смог бы сказать. Ты лучше ешь, поправляйся и делай вид, что еще слаб. А увидишь охранника, притворись, что лежишь без сознания.

«Не то вправду не знает, — раздраженно думал Гэн, — не то сказать не хочет».

Однако Гэн сам вскоре догадался обо всем.

Когда тюремщики обнаружили, что Гэн стал есть, его снова повели на допрос и принялись расспрашивать, знает ли он, где находятся Куроскэ и Мосаку.

«Ага! Значит, и дед Куроскэ, и Мосаку еще на свободе», — успокоился Гэн и снова потерял сознание под градом ударов бамбуковой палкой.

Раны Гэна снова раскрылись, багрово вздулись, из них текла кровь. Но теперь Гэну понадобилось только полдня, чтобы прийти в себя. Молодой, растущий организм не так-то легко сломить.

К тому же Кароку и теперь тайно выхаживал его.

— Дедушка! Не думай обо мне. Довольно. Заметит охранник, и тебя жестоко накажут, — тяжело дыша, прерывавшимся голосом твердил Гэн, весь красный от жара.

— Не бойся, в это время охранники не ходят, — успокаивал его Кароку.

Прошло несколько дней. Гэн и сам уже не знал, сколько их миновало с тех пор, как его бросили в тюрьму на холме Тэгата.

Однажды ночью, взглянув на грязный поднос, который принес Кароку, Гэн сильно удивился.

В щербатой чашке лежала горстка белого риса.

До сих пор его кормили чем-то непонятным. То кашей из дикого проса, то похлебкой, похожей на жижу из сточной канавы. Теперь же на подносе сверкал, как слоновый клык, белый рис.

— Дедушка! Меня завтра казнят? — спросил Гэн.

Кароку промолчал, но как-то странно отвел глаза. Гэн понял, что завтра утром его убьют. Но эта мысль не испугала его. Охранники так ничего и не смогли вывести у него и решили, видимо, убить. Ну что же...

Кароку, помявшись, сказал тихо:

— Сегодня привели Куроскэ, Мосаку и Киёно. Завтра утром они поднимутся на холм вместе с тобой.

XI

В ту ночь Гэн не сомкнул глаз.

Ему не страшно было умирать — он давно уже был готов к смерти.

Но когда он думал о том, что самураи схватили Киёно и завтра утром казнят ее, грудь его охватывала такая боль, будто его пронзили копьем.

Они поймали и дедушку Куроскэ, и Мосаку с рудника и завтра казнят их. Значит, восстание провалилось? Или кто-то предал их?

Как там чувствует себя Киёно в эту ночь перед казнью? Ее, конечно, поместили не с дедушкой Куроскэ, а отдельно. Одна в тесной камере она ждет восхода солнца.

И Гэн представил себе такую картину: Киёно чинно сидит, повернувшись к стене. Лица ее не видно. Он хотел бы видеть ее лицо, но она не оборачивается.

Гэн забыл ее лицо и дивился сам себе. Он помнил только черные, как уголь, глаза на белом лице.

— Гэн! Гэн! — слышался приглушенный голос.

Гэн испуганно оглянулся. И тут только заметил, что сам чинно сидит лицом к дощатой стене, как сидела Киёно в его воображении.

Его окликнул добрый сторож Кароку. Он просунул руку сквозь решетку, в руке были зажаты два батата¹.

Гэн подскочил к решетке.

— Дедушка Кароку! Как там Киёно? Она боится? Плачет?

— Кароку поник головой. Он никогда не отвечал на вопросы Гэна, а тут ответил. Наверно, потому, что завтра Гэна ожидала смерть. Или подумал: какой мужественный мальчишка, заботится о маленькой девочке, хотя сам должен умереть.

¹ Батат — сладкий картофель.

— Киёно не плачет.
— Что же она делает?
— Все время спрашивает о тебе.
— Обо мне?
— Я сказал, ты здоров. А она спросила, что ты делаешь, как выглядишь?

«Киёно не боится, не плачет и беспокоится не о себе, а обо мне!» — подумал Гэн.

— Ешь батат. Только что испек. Со съестным теперь туго, ничего другого нет. Прими от чистого сердца. Бери скорее, а то как бы охранник не пришел.

— Спасибо, дедушка! Не забуду я твоей доброты. Но мне не до батата. Отнеси его Киёно.

Кароку хрипло засмеялся.

— То же самое сказала мне Киёно и добавила: «Гэн, наверно, хочет есть. Он такой сластена».

И Гэн услышал, как Кароку прошептал про себя:

— Страшное дело творит наш господин! Таких славных, маленьких детей...

Потом Кароку прищурился и взглянул на Гэна.

— Я сказал ей: «Съешьте вдвоем четыре батата. По два каждый. Я так и Гэну велю». Тогда Киёно взяла бататы. И ты бери.

Услышав это, Гэн протянул руку. Батат был теплым, как и участие деда Кароку.

— Дедушка! А восстание как? Подавлено?

— Нет, восстания не произошло. Куроскэ и Мосаку были схвачены до его начала.

— Где?

— Говорят, в деревне Хакасáва.

— Так далеко? И Киёно забрали, как внучку деда Куроскэ?

— Нет, ее взяли в деревне Оисáто.

— Как?!

— Она ходила туда по поручению деда Куроскэ.

— Стало быть, Киёно была связной?

— Я слышал только обрывки допроса, когда заходил по делу. Подробности не знаю.

Вот как! Значит, Киёно была связной вместо него, Гэна! Их маленькая Киёно!

Теперь она стала еще дороже Гэну.

Завтра они оба умрут вместе с дедом Куроскэ и Мосаку. Если вместе, то не страшно...

«Станешь ли трястись от страха или смеяться, все равно умрешь. Так лучше умереть смеясь,— подумал Гэн. Если он будет бояться, Киёно тоже устрашится. Жалко ее.— Буду держаться храбро, ради Киёно».

И все же откуда-то снизу живота поднялась противная дрожь. Копьем проткнут или голову отрубят? Он даже услышал чудовищный стук топора по шее, который и стуком-то нельзя назвать.

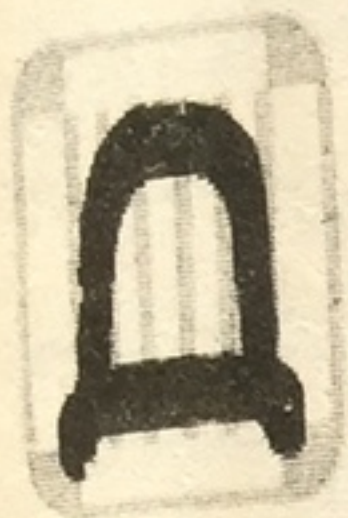
Гэн не стал сдерживать дрожь тела. Как всегда, он пошел навстречу страху. Некоторое время сидел, не двигаясь. Обычно в душе тогда что-то потихоньку созревало. И вскоре он заметил, что страх исчез.

Тюремный сторож Кароку поглядел на Гэна, неподвижно сидевшего лицом к стене, и, смахнув кулаком слезу со щеки, отошел от решетки.

В тесной камере Гэна теперь было слышно, как шуршат монотонно жуки-скарабеи — будто шуршит в ушах...

I

День выдался погожий. Гэн прошел по тюремному коридору, поднялся по лестнице и вышел наружу. От ослепительного света он зажмурился и покачнулся. Охранник, державший конец веревки, которой был связан Гэн, безжалостно ткнул его палкой в плечо.

Поднялся ропот. Возмущались люди, стоявшие по обеим сторонам дороги.

Глаза Гэна уже привыкли к яркому свету, и он разглядел огромное количество зевак. Крестьян из окрестных деревень здесь было больше, чем жителей замкового города. Толпа крестьян в грязных, будто заляпанных соевым соусом платках, коротких куртках для работы в поле и соломенных сандалиях, колыхалась, как мутная река. В толпе почему-то мелькали бродячие торговцы с коромыслами на плечах. Они продавали мандариновый сок, черпая его ковшом из котлов, втиснутых в длинные ящики.

Охранник резко дернул Гэна за веревку. Гэн чуть не упал. «Велел бы остановиться, а то дергает!» — подумал Гэн, оборачиваясь. Охранник вне себя от ярости злобно разглядывал толпу, которая гневно уставилась на него осуждающими

ГЛАВА ШЕСТАЯ ОГНЕННЫЙ КОНЬ

глазами: «Собака! Даже малого ребенка ведет на смертный холм!»

Гэн ждал под палящим солнцем, сильно пекло макушку, вдруг толпа охнула.

На тюремной лестнице показалась Киёно. Она стояла со связанными руками, вытянувшись во весь рост, в светло-розовом летнем кимоно. Заметив издали Гэна, Киёно улыбнулась ему и пошла вперед, а следом по лестнице поднялся дед Куроскэ, сверкая седыми волосами на солнце. За ним ясно виднелось мужественное лицо Мосаку со шрамом на лбу.

II

Самурай, ведущий на веревке Гэна, поджидал, когда к ним приблизятся Киёно, Куроскэ и Мосаку.

Они подошли связанные веревками, концы которых держали сзади самураи. Огромная толпа людей окружила узников.

Оставалась свободной лишь дорога, ведущая на вершину холма Тэгата. По обеим сторонам ее, сдерживая толпу, стояли самураи с длинными палками наперевес.

Гэн не спускал глаз с приближавшихся к нему трех людей. Для него в этом мире не было никого дороже их. Вместе с ними он проведет последние часы жизни, вместе с ними умрет.

Смертельная бледность покрывала лицо Киёно. Душа ее, видно, трепетала от ужаса. Наверно, Киёно изо всех сил боролась со страхом, мужественно стараясь сдержаться и не заплакать.

Дед Куроскэ печально глядел на Гэна, и Гэн почувствовал, как теплая волна нежности прихлынула к его сердцу.

Широко раскрытые глаза Мосаку сверкали гневом. Нет, он не сердился на Гэна. Просто все его существо пылало от бессильной ярости — его схватили и убьют до начала восстания!

Все трое подошли к Гэну.

— Гэн! — сказал дед Куроскэ. И в этом возгласе было все — и мольба о прощении, и поддержка.

Гэн покачал головой, словно отмахиваясь от всего: «Не нужно ни жалости, ни поддержки. Я давно готов к смерти. Поддержите лучше Киёно. Она изо всех сил крепится, а сама чуть жива — на лице бледность и спокойствие, как у человека, наполовину расставшегося с жизнью».

— Не бойся, Киёно! — крикнул Гэн. — Мы умрем все вместе.

Киёно тихо кивнула и улыбнулась ему. Гэн обрадовался ее обычной манере относиться к нему снисходительно, как к младшему брату.

Гэн опять резко отпрянул назад — самурай грубо дернул веревку. Туго натянутая веревка даже зазвенела, как струна.

— Не болтай лишнего! — заорал самурай, выпучив глаза.

— Это ты не позволяй себе лишнего! — крикнул кто-то из толпы.

Самурай пытался отыскать глазами крикнувшего, но толпа расступилась и поглотила смельчака.

— Пошел! — Самурай ткнул Гэна в плечо, и Гэн зашагал под палящим солнцем по дороге, ведущей на холм, на вершине которого находилось место казни. Там, на холме, виднелись издали четыре белых столба для распятия.

III

На правой стороне дороги раздались громкие голоса.

— Драка! Драка!

— Давай! Бей его! — Несколько мужчин вывалились на дорогу. Начались толкотня и давка.

— Тихо! Прекратить! — Самурай с левой стороны дороги бросился умирять подравшихся, но их тут же подхватил людской водоворот, за ними хлынула толпа слева, все перемешалось и закрутилось.

Стоявшие рядом с Гэном самурай, сунув палки под мышки, ринулись в толпу.

Гэн стоял, как свая моста, омываемая водой. Толпа справа и слева сдавила его и подняла вверх.

Оказавшись на гребне волны с ногами, болтавшимися в воздухе, Гэн вдруг почувствовал, что кто-то тянет его вниз.

За спиной послышался звук разрезаемой веревки, и руки Гэна освободились. Рядом стоял крестьянин в платке, держа в руке серп.

— Окружайте Гэна и бегите к назначенному месту! Не ошибитесь! — строго приказал мужчина крестьянам. У всех в руках были серпы и дубинки.

А поодаль с коромыслом в руках вместо оружия торговец мандариновым соком или еще каким-то сиропом вытаскивал из длинного ящика серпы и дубинки и раздавал их крестьянам.

«Ага! Все было заранее предусмотрено! И драку тоже нарочно за-
теяли», — сообразил Гэн.

— Можешь бежать? Тогда беги! — сказал мужчина с серпом и указал подбородком на дорогу. — Мы их задержим немного и потом догоним вас.

Там, куда он показал, быстро спускались с холма несколько самураев с мечами в руках.

Гэн бежал, окруженный крестьянами, а сам судорожно оглядывался кругом — где же Киёно, дедушка и Мосаку?

Он видел, как Мосаку в суматохе сбил с ног дубинкой самурая, поплясал на его груди и снова хотел пнуть его, но крестьянин силой заставил его бежать. Он что-то кричал им злобно со страшным лицом, но голос его потонул в общем гуле толпы.

И все же Мосаку был цел и невредим.

А Киёно и деда Куроскэ не было видно.

Гэн несколько раз пытался остановиться, но ему не позволили.

— Киёно нет. Дедушки нет. Я вернусь и поищу их! — кричал он.

— Они впереди.

— Давно уже скрылись, — говорили ему.

— А вы видели? — допытывался Гэн.

— Не видели, но знаем, что с ними все в порядке. Мы разделили обязанности. Тех, кто отвечает за них, не видно, значит, они впереди.

— Но...

— Беги! — Рассердившись на Гэна, который то останавливался, то порывался вернуться назад, крестьянин схватил Гэна за руку и потащил за собой.

Они все больше удалялись от замка и уже бежали через деревню.

В деревне Тоёсатё их встретил большой погром.

Под утренним солнцем, поднявшимся уже довольно высоко, клубились тучи пыли, слышались крики и тяжелые удары. Крестьяне, как черные муравьи, облепившие труп белой бабочки, сгрудились у белого амбара. Огромным бревном, напоминавшим камнедробилку, они долбили стену амбара.

Изголодавшиеся люди вытаскивали из амбара, битком набитого рисом, соломенные мешки, разрывали их и сыпали рис себе на голову.

Видно, это был амбар жадного богача, не поделившегося рисом с голодными крестьянами.

На широком дворе горел костер, над ним висел большой котел, над которым уже клубился белый пар.

Это закипал рис.

В огонь летели долговые расписки, вытащенные из другого амбара. Колеблющееся пламя костра, как обычно бывает при ярком солнце, не казалось таким уж мощным, однако оно уже нагнало к краям котла пену и, пригорев немного, она испускала душистый аромат.

— Сколько мучений мы приняли из-за этих долговых расписок! Они обросли высокими процентами, и теперь, когда мы сожгли их, кажется, будто после долгой ночи наступил рассвет. Можно до отвала поесть рису,— сказал кто-то, и сидевшие во дворе люди радостно рассмеялись.

Крестьяне сидели в платках, обвязанных жгутом вокруг головы или завязанных под подбородком, никто не выпускал из рук бамбуковых пик.

Восстание началось.

Гэна отвели в большой дом, в стороне от амбара. В просторной комнате собрались деревенские вожаки, а с краю виднелось бледно-розовое кимоно и знакомые седины деда Куроскэ.

IV

Киёно! Живая... Сразу успокоившись, Гэн устало опустился на пол.

В это время с почетного места раздался голос. Это заговорил Сэнъэмон из деревни Асахи. Гэн не прислушивался к тому, что он говорил.

— Это Гэн из деревни Такигава. Спасибо, Гэн! — сказал Сэнъэмон, прервав разговор.

Все оживились. «Такой маленький!», «Говорят, его пытали в тюрьме!» — заговорили кругом, и только тут Гэн очнулся, глаза его наполнились влагой, теплое чувство охватило его.

«Я среди друзей. Наконец-то я с ними. Я еще мал, но если мне придется умереть, я умру вместе с этими людьми», — горячо подумал он.

Киёно оглянулась, взглянула на него с улыбкой. На лице ее уже не было той бледности, которая покрывала его, когда она шла к месту казни, оно опять было розовым.

Дед Куроскэ освободил ему место рядом с собой и Киёно.

Тут в комнату вбежали Мосаку и несколько крестьян.

— Спасибо! — закричал Мосаку, бросившись на колени. — Спасибо! Я видел несколько деревень, когда бежал сюда. В некоторых начались бунты. Другие пусты. Люди ушли в леса и горы, ожидают сигнала к выступлению. Как же обрадуются рудокопы!

— Как раз о рудокопах мы и говорим, — сказал один из вожakov деревни, сидевших на почетном месте. — Мы советуемся, от каких деревень и сколько людей послать на помощь рудокопам.

Тут по коридору промчался мужчина и с порога крикнул:

— Триста самураев и торитэ¹ из замка ворвались в деревню Тайхэй!

Так! Значит, они пошли в наступление. Им некогда уже заботиться о том, что о них скажут в Эдо и покарают ли за «нерадивость». Они хотят силой раздавить восстание, пока оно не разрослось.

— Медлить больше нельзя, — хриплым, но решительным голосом сказал дед Куроскэ. — Полсотни человек из нашей деревни Такигава и полсотни из деревни Танэко с другой стороны горы пойдут на помощь рудокопам и разделят с ними их судьбу. Поэтому пойдут только те, кто решил бросить дом и поле и перейти границу княжества, а также одинокие люди, третьи сыновья в семье и арендаторы.

— Возражений нет? Тогда решено, к рудокопам идут люди из деревни Такигава, Танэко и сидящие здесь. Сейчас же бегите и сообщите всем. Остальные деревни действуют, как договорились. — Голос Сэнъэмона был тих, но глубоко проник каждому в душу.

Все встали, заговорили, слышались голоса: «Разделимся на группы», «Поднимем соломенные флаги», «Мы пришлем вам связного, а вы пошлите связного в соседнюю деревню», — люди перекликались не для того, чтобы еще раз напомнить кому-то, что надо делать, а чтобы укрепить свою решимость перед важным делом, которое они начинали.

V

— Рис сварился! — Люди, вывалившиеся во двор из дома, увидели гору рисовых колобков.

Дед Куроскэ, Мосаку, Гэн и Киёно на бегу схватили по колобку и, обжигаясь, стали есть их.

¹ Торитэ — полицейский.

Колобки были до слез вкусны, не каша, не похлебка, не просо, а рис! Что может быть на белом свете вкуснее риса!

— Я возвращаюсь в рудник! — крикнул Мосаку, откусывая на ходу горячий колобок и отдуваясь.

— Нет, сначала забежим в нашу деревню. Какой смысл идти одному? Возьмешь людей и пойдешь, — сказал дед Мосаку.

— Там уже, наверно, восстание началось. Надо сообщить о том, что тут решили.

— Тем более надо зайти в деревню взять людей. Тогда можно напасть на самураев сзади. Они вот-вот уже направятся к руднику. Поспеем раньше — поможем с ними сразиться, опоздаем — заждем в клещи.

— Нет, я все же пойду.

— Я пойду, — сказал Гэн. — Сообщить о решении крестьян и я могу. В деревне мне делать нечего. А вы с дедушкой быстро соберете людей и поспешите следом.

«С Киёно я еще увижусь, — думал Гэн, прислушиваясь к дыханию девочки, бежавшей рядом. — Она потом вместе с дедушкой прибежит, тогда и увидимся. А теперь я должен расстаться с ней».

— Ладно. Иди, — согласился Мосаку.

— Смотри, не подведи! — сказал дед Куроскэ.

Они бежали, поедая на ходу колобки. Мосаку, как всегда, глотал большими кусками, а дед Куроскэ не спеша откусывал по маленькому кусочку.

Гэн оглянулся. Киёно бежала позади всех, держа колобок на вытянутых руках, как большой белый шар. Она не притронулась к нему.

Киёно увидела, что Гэн смотрит на нее, и опустила глаза. Гэн заметил в ее глазах слезы.

«Плачет!» — сердце Гэна сжалось. Мужественная Киёно, которая не уронила ни слезы, когда шла на смерть, теперь плачет.

Никто не может сказать, увидятся ли они вновь. Утром, решив умереть вместе с Гэном, она сумела сдержать слезы. Но теперь, когда они спаслись и могли бы быть вместе, опять приходится расставаться, и Киёно, расстроенная, заплакала.

Деревни, по которым они пробегали, готовились к грозным событиям. В одних крестьяне сидели группами на земле, прижимая к груди бамбуковые пики, в других слушали указания вожаков, в третьих уже выходили с оружием в руках на врага. Кое-где крестьяне разгромили дома прислужников ненавистного князя.

Когда их окликали, дед Куроскэ или Мосаку громко кричали на ходу:

— Куроскэ из деревни Такигава!

— Мосаку с горы Огненного коня! Начинайте! Мы тоже выступаем.

Так они добежали до развилки дорог.

— До встречи! — сказал Гэн, сворачивая направо.

— Будь осторожен! — напутствовал его дед Куроскэ.

— Скажи там, что я скоро буду! — крикнул Мосаку.

Киёно промолчала. Не могла вымолвить ни слова. Но Гэну и так все было понятно. Сначала Гэн не оглянулся, а потом, когда он все же посмотрел вслед удалявшимся друзьям, он увидел лишь маленькую фигурку в бледно-розовом кимоно. Киёно не глядела в его сторону, но Гэн чувствовал всем сердцем, что она много раз оборачивалась ему вслед.

Вскоре Гэн услышал далекий грохот Большого водопада на реке Кадзика — будто били в барабаны.

Тогда Гэн припустил еще быстрее. Теперь он уже не думал о Киёно.

Надо поскорее сообщить рудокопам и Дэнкити, что творится в деревнях, и остаться с ними на жизнь или на смерть. Потом к ним присоединятся пятьдесят жителей деревень вместе с дедом Куроскэ и Киёно.

И Гэн с нежностью подумал о вожаке рудокопов Дэнкити, с которым он скоро увидится.

Грохот водопада раздавался совсем близко.

VI

Со скалы у Большого водопада свисало несколько веревочных лестниц.

— Черт возьми! — вырвалось у Гэна. Других слов, чтобы выразить досаду, у него в этот миг не нашлось.

Опоздал! Отряд самураев взобрался по лестницам на гору Огненного коня и, очевидно, напал на узников в бараках. Окруженные плотным кольцом, узники не могут сделать и шага. А может, они взбунтовались и теперь их убивают одного за другим? Скорее всего так и есть, потому что они не из тех, чтобы покориться злой участи.

Самураи безжалостно расправляются с узниками. Они не останутся в накладе, даже если все рудокопы будут убиты. Нахватают после бунта крестьян в деревнях и пошлют в рудник.

Больше всего самураи боятся объединения рудокопов и крестьян. Вероятно, крестьяне намекнули или открыто пригрозили донести на князя в сёгунат¹ в Эдо о тайном серебряном руднике и потребовали снизить подать, а рудокопы — живые свидетели существования рудника. Если сёгунат решит, что князь тайно добывал серебро на военные нужды для мятежа против него, то всех самураев княжества уничтожат, а князя, в лучшем случае, сошлют в маленькую отдаленную провинцию.

Самураи решили разделаться с этой опасностью одним ударом. Возможно, они перебьют всех узников и засыпят рудник, уничтожив все следы его существования.

Поэтому-то самураи и примчались так быстро на гору Огненного коня, не задерживаясь в восставших деревнях. Но раз они уже здесь, значит, и в деревни хлынули их отряды.

Мысли Гэна сновали в голове, как уток на ткацком станке.

Как там Дэнкити? Грабитель амбаров? Монах? Живы ли?

Взбираясь по веревочной лестнице, Гэн несколько раз чуть не сорвался вниз. И не только потому, что мокрая от брызг лестница была скользкой, а потому, что душа его была беспокойной. Если бы он как всегда карабкался по скалам, то обязательно упал бы в чашу водопада.

Почему же самураи бросили веревочные лестницы без присмотра, не выставили охрану? Ими же могут воспользоваться крестьяне.

А может, самураи так спешили расправиться с узниками, что им было некогда убрать лестницы? Или они оставили их для другого отряда самураев?

Однако Гэн недолго раздумывал. Все сомнения разрешатся, когда он доберется до барака. Не надо суетиться. Не подняли лестницу, не выставили охрану, не поставили дозор на Малом водопаде, на дороге, — значит, сильно торопились, спешили разделаться с узниками.

А вдруг эти веревочные лестницы повесили узники? Восстали, расправились с охраной и по этим лестницам спустились с горы? Но тогда бы они встретились с Гэном. Они бежали бы вдоль хребта. Но мо-

¹ Сёгунат — военная ставка сёгуна.

жет быть, они спустились у Большого водопада до того, как Гэн появился здесь, направились в деревню Такигава и влились в ряды бунтовщиков?

Гэн опять запутался в мыслях и приказал себе не волноваться. Скоро сам, своими глазами он увидит, что случилось на руднике.

Внимательно оглядываясь по сторонам, он осторожно пробирался к обрыву, с которого он мог бы видеть барак рудокопов.

VII

Перед ним предстала странная картина.

Он оказался на правом краю обрыва и видел барак и караульное помещение сбоку. Перед баракom, будто сушеная треска, валялось несколько охранников, связанных веревками, а позади них стояли узники с долотами и молотками в руках.

На обрыве, в центре, там, откуда Гэн в первый раз увидел рудник, взволнованно топталась куча самураев. И по-видимому, они уже давно находились там.

Прижавшись к земле, чтобы не заметили, Гэн судорожно размышлял, что случилось там, внизу.

Самураи на обрыве раздраженно загалдели. Тогда снизу раздался голос:

— Эй! Не шумите! А то прикончим этих.

И кричавший пнул ногой связанного стражника.

Это был Монах. Голос его отчетливо прозвучал в ущелье. И был отчаянно веселым.

— Только суньтесь! Тут же пристукнем начальника и тех, кто у нас в бараке валяется.

Восстали! Душа Гэна ликовала. Он чуть было не вскочил на ноги. Значит, рудокопы связали охранников и сделали их заложниками. Выставили напоказ несколько охранников и, угрожая убить, если самураи полезут на них, сдерживают нападение.

И начальник стражи, который схватил тогда Гэна за горло и ударил палкой, крепко связан и брошен в барак. Этот негодяй, которого Гэн поклялся отделать палкой, валяется теперь в бараке, а молодой вожак рудокопов сидит, наверно, как всегда, спокойно рядом.

Он и руководит узниками. А иначе как бы мог Монах орать так весело и уверенно самураям на обрыве?

И Гэн, и узники, и самураи — все понимали положение, но ничего не могли поделать.

Гэн единым духом спустился с обрыва. Вернее, свалился в ущелье, пробежал мимо Монаха, открыл дверь и прыгнул в барак.

И узники, и самураи подумали было, что на них напали, но успокоились, увидев, что это был всего лишь мальчишка, который мгновенно исчез в бараке. А узники даже обрадовались.

— Это Гэн! Тот самый малец! — крикнул Грабитель амбаров, когда Гэн, как заяц, прыгнул в барак.

Раз мальчишка вернулся, значит, связь с деревней установлена. Теперь рудокопы будут сражаться не одни. Их прикроют крестьяне.

За дверями барака под носом у врага раздался радостный вопль, а в бараке все разом зашумели:

— Гэн?

— Это Гэн!

— Пришел!

— Как там в деревне?

— Восстание началось. Скоро придут к вам на помощь, — сказал Гэн, изо всех сил вглядываясь в темноту ослепшими со света глазами.

Каждый хотел что-то узнать, но, сообщив главное, Гэн не отвечал. Он ждал, когда глаза привыкнут к темноте, чтобы свершить свою месть.

Да, ненавистный ему начальник стражи валялся туго связанный посередине барака.

Гэн решительно подошел к нему.

Пнуть ногой, что ли? Или усесться на него верхом и ударить по лицу кулаком? А может, и то и другое?

Однако Гэн только сжал кулаки и скрипнул зубами. Он не смог ничего сделать. И тогда он заплакал беззвучно, досадуя на себя.

— Спасибо тебе, Гэн! — тихо сказал Дэнкити.

Как и думал Гэн, Дэнкити сидел спокойно рядом с начальником стражи, скрестив на груди руки.

VIII

Гэн обрадовался тихому голосу Дэнкити.

Этот мужчина никогда не волнуется! Даже в такой напряженной обстановке он, как всегда, спокойно сидит и говорит негромко. Как бы сделаться таким, как он!

— Ты вроде отощал немного. — Дэнкити, большую часть дня находившийся под землей, привыкшими к темноте глазами разглядел, что Гэн похудел и осунулся.

— Я в тюрьме сидел.

— Как?! В тюрьме?

— Ага. Но я не выдал ни рудокопов, ни деревенских.

— А я знал, что ты не выдашь.

Гэну стало жарко от похвалы. Хорошо, когда тебе доверяют. И все же особенно радостно, когда доверяет тебе такой человек, как Дэнкити, и говорит тебе об этом.

«Ах да!» — опомнился Гэн и стал быстро рассказывать Дэнкити о событиях в деревне. Именно ему-то и надо было все сообщить.

— На деревенском совете было решено восстать. К вам придет помощь. Пятьдесят человек из деревни Такигава к этому входу рудника и пятьдесят человек из деревни Танэко ко входу с другой стороны.

В темноте барака раздались радостные возгласы.

— Они будут с вами до конца. Это те, кто решил оставить свои дома и поля и перейти границу княжества, а также одинокие люди, третьи сыновья и арендаторы.

Вопль одобрения потряс барак.

— Это хорошо! — расслышал Гэн приглушенный голос Дэнкити.

— Тогда мы захватим самураев в клещи! — крикнул кто-то.

— Дэнкити! Теперь можно и напасть на них, — сказал другой.

Видимо, Дэнкити сдерживал до сих пор тех, кто спешил разделиться с самураями.

— Вот придут люди из деревни, тогда и нападём с двух сторон и никого в живых не оставим. Если же увидим, что не сможем управиться с самураями, разбежимся в разные стороны. Самураи погонятся за нами по горам и долинам, а мы тем временем перейдем границу княжества. Встретимся на вершине горы Тэнгу. Понятно?

— Понятно! — крикнули все.

— Выйдем к горе Тэнгу, а там по горам уйдем из княжества. Тайхэй! Сообщи об этом людям у другого входа.

— Ладно, — коротко ответил Тайхэй и исчез в подземном ходе в углу барака. Гэн заметил, что подземный ход стал шире, потому что Тайхэй не полз на четвереньках, как он в прошлый раз, а побежал, слегка пригнувшись.

— У того входа тоже самураи караулят? — спросил Гэн у Дэнкити.

— Да, там они тоже стоят, но не могут напасть неожиданно. Ребята взяли заложников, — усмехнулся Дэнкити.

«Наверно, рудокопы сговорились и напали на стражников одновременно у обоих входов в рудник», — подумал Гэн.

IX

Тут снаружи раздался ружейный выстрел.

Стреляли из фитильного ружья.

Послышался крик боли.

Потом еще несколько выстрелов.

— Ой! Кйи ранили. Остальные отступают, прикрываясь заложниками, как щитами! — закричал один из рудокопов, стоявший на страже у двери. Он видел все это в щель между досками.

Дверь с грохотом растворилась, и в барак влетел связанный заложник. За ним еще один. Потом ввалилось какое-то огромное существо. Это был Монах. На воле он был настоящим монахом, а тут совсем одичал. Кроме двух заложников он притащил на себе еще и раненого Кйи.

Остальные узники заскочили следом.

С обрыва не стреляли. Боялись попасть в заложников, но когда последний из узников прыгнул в барак и дверь закрылась, по бараку ударил град пуль. Со зловещим свистом они стукали по доскам, оставляя небольшие отверстия.

— Ложись! — крикнул Дэнкити. — Откройте дверь.

Мужчины у двери удивленно взглянули на Дэнкити.

Дэнкити схватил за шиворот начальника стражи. Руки у него были связаны, а с пояса свисали два конца веревок.

— Поставьте начальника стражи в дверях и держите его за концы веревок с обеих сторон входа, — сказал он. — Пусть они хорошенько его рассмотрят. — Дэнкити принял это решение, услышав выстрелы. — Если они станут стрелять, не обращая внимания на этого паршивца, значит, пришло время действовать. Тогда берем в руки кто что может и вступаем с ними в схватку. И пусть раны не устрашат нас. Пора отплатить этим ненавистным самураям за все. Сначала я думал пройти подземным ходом к другому выходу из рудника и сражаться вместе с теми ребятами, но теперь, узнав от Гэна, что к нам на помощь идут крестьяне, решил бороться здесь. Закроем вход в рудник с этой

стороны, чтобы ребята там не попали в клещи. Ну, выставляй этого паршивца в двери.

Дверь с грохотом отворилась.

Стрельба тут же затихла.

На обрыве наступила мрачная тишина. Враги напряженно размышляли, что собираются предпринять узники в бараке. И в этой напряженной тишине в дверях, семеня мелкими шажками, появился связанный по рукам и ногам начальник стражи.

Раздался выстрел. И тут же послышался окрик командира отряда самураев. Видимо, кто-то поспешил с выстрелом, не разобрав, в чем дело. Пуля, конечно, не попала в цель.

Если бы попала, возможно, началась бы схватка.

Узники облегченно вздохнули, но предстоящие события не давали им возможности расслабиться.

Лишь начальник стражи завопил жалким голосом:

— Не стреляйте! Прекратите стрельбу!

Однако он не мог ни поднять руки, ни махнуть ею, чтобы остановить пальбу. С обеих сторон его держали за веревки, и стоило ему хоть чуть-чуть качнуться, как веревку тут же грубо дергали.

Самураи не знали, что им предпринять, так что узники в бараке могли спокойно ждать прихода крестьян, готовясь к предстоящему сражению.

Тишина прерывалась лишь хныканьем начальника стражи.

Гэн прислушивался к странному шуршанию, доносившемуся из леса. В минуты напряжения с ним часто случалось такое — его занимало что-нибудь пустяковое.

— Да это цикады! — прошептал он наконец, решив, что в лесу над обрывом звенят цикады, но звуки в лесу затихли.

— Пришли! — закричал Грабитель амбаров. Тихое шуршание в лесу производили крестьяне, пришедшие на помощь рудокопам. Это стало ясно и по замешательству в рядах самураев.

— Пришли люди из деревни! Теперь мы зажмем их в клещи, черт возьми! — Монах вскочил на ноги, чтобы размяться перед боем.

Х

Раздались выстрелы, но стреляли не по бараку.

Мужчина, стоявший у двери, держа за веревку начальника стражи, выглянул наружу и закричал:

— Они стреляют по крестьянам, взбирающимся на гору! Крестьяне бросились в лес, чтобы укрыться от пуль!

— Пора! — крикнул Дэнкити. — Быстро бежим до обрыва. Не мешкать, а то убьют.

Крестьяне пришли им на помощь, не жалея жизни. Их убивают, надо быстро соединиться с ними, окружить самураев с двух сторон и уничтожить — поняли узники, но нужно было мужество, чтобы первым выскочить под безжалостные выстрелы врага.

Толкнув начальника стражи наружу, первым выскочил Дэнкити. За ним — Монах. Следом вылетели все остальные, разбежались, как муравьи из разворошенного муравейника, и бросились к обрыву.

Растерявшийся командир самураев приказал стрелкам повернуться и стрелять в узников, но в суматохе они промахнулись.

Выскочив вместе со всеми из барака, Гэн наткнулся на что-то мягкое. Распластавшись на земле, он оказался нос к носу с ненавистным начальником стражи. Оторопело вскочил и почувствовал, что наступил пяткой на что-то мягкое и противное. Это оказалось лицо начальника стражи. Он понял это, когда добежал до скалы.

Самураи нацелились на узников, собравшихся под обрывом, но скала была вогнутой, и как бы они ни старались, никак не могли попасть в тех, кто стоял внизу прямо под ними, а те, кто находился по краям скалы, так съежились и тесно прижались к камням, что тоже не попадали под пули.

В это время у самураев за спиной раздались крики, и самураи поспешно повернулись туда.

И тут произошло совсем уж непредвиденное событие, сразу сбившее спесь с самураев.

Оно удивило не только их, но и узников, и пришедших им на подмогу крестьян.

Под землею раздался вдруг страшный грохот, будто началось землетрясение, и вскоре из рудника выбежало несколько мужчин.

— О! Да это никак Симбэй с того входа! — воскликнул кто-то.

Рослый мужчина, стоявший в центре выбежавших из рудника людей, был Симбэем, заменившим Мосаку. Приложив руки ко рту, Симбэй крикнул:

— Есть здесь Дэнкити?

— Тут я! — Дэнкити поднял руку. Сразу же засвистели пули. Дэнкити спрятался. Но Симбэй уже понял, что он здесь, и продолжал:

— Дэнкити! Мы уничтожили самураев у нашего входа. Под радостные крики восставших Симбэй бросился к бараку и укрылся в нем. Следом ринулись и остальные люди, прибежавшие с ним.

Некоторые упали под пулями, но толпа узников хлынула, как стремительный поток, к бараку и оказалась в безопасности. Невидимый Симбэй продолжал кричать:

— Самураи озверели и стали стрелять по своим заложникам.

— Убили? — спросил кто-то у скалы.

— Некоторые погибли от своих пуль, другим мы немного помогли отправиться на тот свет.

Раздался громкий хохот. Это смеялся Монах.

— А крестьяне из деревни Танэко не пришли к вам на помощь? — спросил Дэнкити.

— Не успели. Самураи напали на нас раньше, чем они появились. Мы укрылись в руднике. Самураи гнались за нами. Мы задерживали их у каждого поворота, пока наши не подрубили стойки.

— Значит, это был обвал?

— Ну да! Всех засыпало. Их там много набралось.

— А у вас есть жертвы?

— Буйти и Тасукэ, которые выбивали стойки, не успели отско-
чить.

Та-ак! — заорал Монах. — Значит, теперь нам нечего опасаться, что самураи нападут на нас с тыла. Но и мы не можем бежать через другой выход. А ну-ка, друзья, затянем потуже фундоси¹ да отправим этих самураев вослед их компании на тот свет. Ха-ха-ха!

XI

Сообщение Симбэя не могли пропустить мимо ушей ни рудокопы, ни самураи, и их пыл слегка поубавился.

Не остановились лишь крестьяне, которые всю жизнь страдали и мучились, ползая по земле, и особенно самые несчастные среди них — арендаторы.

¹ Фундоси — набедренная повязка.

В толпе крестьян Гэн заметил бело-розовое кимоно.
Киёно!

Рядом виднелась седая голова деда Куроскэ.

А где же Мосаку?

Мосаку нигде не было видно. Гэн старательно искал его глазами и наконец увидел впереди всех человека, который подполз к самураям совсем близко.

Это был Мосаку.

Он придвигался к самому крайнему стрелку, видимо хотел завладеть его ружьем.

Мосаку внезапно вскочил на ноги и спокойно выхватил у самурая ружье. Потом повернул его, прицелился в спину командира отряда и выстрелил. От сильной отдачи он упал назад.

Пуля не попала в командира отряда. Она угодила в грудь самурая на правом фланге.

Выстрел Мосаку послужил всем сигналом.

Крестьяне разом поднялись и набросились на самураев.

Рудокопы напали справа и слева.

Из барака вылетели прятавшиеся там рудокопы и кинулись в гущу сражения.

Гэн вертелся среди врагов и своих, натыкаясь на чьи-то плечи, невольно ища глазами розовое кимоно.

В рукопашном бою ружья были уже ни к чему. Тут сподручнее были мечи или мотыги. Летели руки с мотыгами, отрубленные мечами, из разбитых лиц самураев фонтаном хлестала кровь, как сок из раздавленной моченой хурмы.

— Киёно! — в ужасе закричал Гэн, пнув ногой в зад самурая, занесшего над ней приклад ружья. Самурай упал, выронив ружье. Гэн схватил ружье и ударил им по лицу самурая.

Вместе с дрожью руке передалось противное ощущение удара по чему-то мягкому и твердому.

Человеческое лицо, оказывается, состоит из мяса и костей...

Все звуки вдруг куда-то исчезли, и в этой странной тишине Гэн стоял, как в столбняке.

— Гэн! — кто-то схватил Гэна за руку и потянул в сторону. Рука была холодная и маленькая. Перед глазами мелькало бело-розовое кимоно, и Гэн понял: это Киёно, она жива.

XII

— Садись! — сказала Киёно.

Гэн тупо опустил на траву. Они были в лесу.

Убийство человека так ошеломило Гэна, что он перестал что-либо соображать.

— Положи ружье, — велела Киёно.

Гэн взглянул на ружье, которое он все еще сжимал в руке, и поспешно отбросил его в сторону.

Этим ружьем он разбил лицо самурая.

— Ты стоял и молчал, и тебя могли бы убить. Ты же не видел врага!

Гэн ничего не помнил.

— Но что это я! Я должна тебя благодарить, а не ругать. Ты же спас мне жизнь. Я подумала было, что мне конец пришел. Душа прямо в пятки ушла. Спасибо тебе. Ты куда, Гэн?

— Я должен сражаться с этими мерзавцами... — Гэн схватил ружье.

— Постой, Гэн! Подожди! — Киёно крепко уцепилась за приклад ружья. Гэна вновь охватила ярость. Он вспомнил, как самурай хотел убить Киёно прикладом.

Все бьются, а я сижу. Пусти! Разве можно отсиживаться?!

— Дедушка велел ждать здесь в лесу! — завопила Киёно, перебивая Гэна. — Он сказал, что мы только помешаем там. Кому-то нужно будет защищать нас. Он приказал мне спрятаться в лесу и наблюдать оттуда за битвой. А я не стерпела и выскочила.

— Ты же была рядом с дедушкой.

— Да. Он обругал меня. Тогда я хотела вернуться в лес, но было уже поздно. Мне здорово досталось.

Гэн фыркнул, и руки его, сжимавшие ружье, ослабли.

Наверно, дедушка прав. Они и вправду будут обузой для взрослых, подумал он, но ему еще сильнее захотелось броситься в ожесточенную схватку.

А на обрыве верх брали крестьяне и рудокопы. Их было больше, чем самураев. И крики их были веселее.

Прислушиваясь к этим крикам, Гэн успокоился.

— Если к ним не подоспеет подмога, наши победят. Наших больше. А вдруг самурай ждет помощи и для того оставили веревочные лестницы у водопада?

— Не беспокойся! Дедушка поднял их.

— Но те, кто придет на помощь самураям, могут снова сбросить лестницы.

— Не смогут. Когда мы поднялись к Большому водопаду, дедушка велел натаскать больших камней. Там остался Масаян. Если самураи полезут вверх, он сбросит на них камни, и самураи упадут в водопад.

— Дедушка все видит наперед.

— А еще у Масаяна есть большая раковина. Когда появятся самураи, он протрубит сигнал. А нацелятся в него из ружья, он сбросит камни на самураев, подаст сигнал и скроется. Этот сигнал повторит Киндзи, который прячется на повороте к Малому водопаду. Вот почему нам лучше остаться здесь.

Киёно с торжествующим видом поглядела на смилившегося Гэна. Лицо ее в тени дерева казалось зеленоватым. Гэн с удивлением уставился на нее. Сердце его забилося...

XIII

В первый раз в жизни он смутился в присутствии Киёно. До сих пор, когда они оставались вдвоем, у него никогда не билось сердце, он не смущался и не чувствовал себя неловко. Что это с ним?

— Пойду взгляну, как там! — буркнул он. — Ведь дедушка велел следить за битвой и бежать в ту сторону, куда побегут все. Вот я и пойду — узнаю, что там. Не бойся, скоро вернусь.

— И я с тобой.

— Нет, ты подожди здесь. Дедушка велел ждать, вот и жди. Гэн совсем растерялся и, оставив Киёно, побежал прочь. Сделав большой крюк, он поднялся повыше, чтобы было видно место битвы над ущельем, и присел так, чтобы его не заметили.

Киёно отстала от него на несколько шагов. Сердясь на бездушного Гэна, вдруг ни с того ни с сего бросившего ее одну, она шлепнулась со всего маха на траву и, вскрикнув, потеряла сознание.

А случилось вот что: трава под ее тяжестью примялась, и она увидела скелет человека, протягивающего к ней руки. Вместо глаз у него были черные дыры. Вода или ночная роса текла из глаз, как слезы.

Это был труп старика Хэйхати, беглого узника, которого видел

Гэн, когда первый раз взобрался на гору Огненного коня. Видимо, его толкнули в траву самураи, а может, он сам скатился туда. Он и испугал Киёно.

— Еще немного, Киёно, и наши победят. Самураи пока не сдаются. Что это с тобой? Киёно?

Сначала Гэн подумал, что Киёно умерла. От ужаса его бросило в холод, потом в жар.

Но, опомнившись, он положил Киёно себе на колени.

Тело ее как-то странно обмякло. Он потряс Киёно, но голова ее вяло моталась из стороны в сторону. Глаза были сомкнуты, узкие губы плотно сжаты.

Поколебавшись немного, Гэн приложил ухо к ее груди и услышал отчетливые удары сердца.

Гэн схватил Киёно за плечи и сильно тряхнул.

— Киёно! Что с тобой?

Киёно открыла глаза, поглядела на Гэна, потом приподнялась немного и молча ткнула пальцем через его плечо.

Гэн обернулся и оторопел.

— А! Это Хэйхати! — Гэн вскочил и уставился на страшный скелет старика.

— Ты его знал?

— Да. Он бежал с рудника. Хотел увидеться с дочерью...

— А, вот оно что.

— Но был так измучен и слаб, что добежал лишь до этого места...

— Страдалец! — сказала Киёно, как взрослая. Однако у Гэна защемило в груди. Ему не показались ее слова неуместными. Гэну нравилось, что она встала на колени и молитвенно сложила руки.

В это время протрубила раковина.

Сначала раковина прозвучала далеко у Большого водопада.

Потом поближе — у Малого водопада.

— Пришли!

— Да.

Шум водопада иногда пропадал, будто его сносило ветром. Видно, Масаян концом бревна сбрасывал камни на головы самураев, и шум падающих струй менялся. Наверно, самураи разбегались в панике. Или падали с веревочной лестницы в водопад и отправлялись на тот свет.

Услышали ли сигнал раковин сражавшиеся на обрыве друзья? И что предпримут теперь? Самураи, наверно, удивились, услышав

звук раковины, а потом поняли, что пришла помощь, и воспрянули духом.

«Что же мне делать? Как защитить Киёно?» — Гэн сердился на себя за то, что не мог принять решения.

XIV

Сначала мимо них промчался Киндзи.

На пояснице его болталась большая раковина, висевшая через плечо на шнурке.

Услышав сигнал Масаяна у Большого водопада, Киндзи протрубил свой сигнал и побежал к обрыву, чтобы включиться в битву. У Малого водопада ему делать было нечего.

Гэн не окликнул его. И Киндзи пробежал мимо. Лицо у него было страшным, будто его свела судорога. Может, он думал о возможной смерти или за ним гнались самураи, пришедшие на помощь своему отряду, и это напряжение отразилось на его лице.

Гэн не мог бежать вместе с Киндзи на обрыв. Он должен был защищать Киёно. Поэтому он и не окликнул Киндзи.

Однако что-то надо делать, ведь сюда могут нагрянуть самураи!

Друзья, конечно, спешат поскорее расправиться с врагами до прихода самурайского подкрепления. А если увидят, что не смогут одолеть врага, разбегутся, как договорились, в разные стороны по рощам и лесам, рассеивая силы самураев, и направятся к месту встречи на горе Тэнгу. Они с Киёно, пожалуй, могут и отстать от своих, если замешкаются.

Масаян, который протрубил в раковину у Большого водопада, все не появлялся.

Убит, что ли?

Вдали слышались крики. Наверно, самураи из замка взобрались по веревочным лестницам на скалы Большого водопада и спешат на помощь своим.

Масаян убит.

— Киёно! Нечего рассиживаться!

Гэн схватил Киёно за руку и поскакал, как заяц, вперед, прячась за деревья.

Когда они увидели обрыв, пришлось ползти на животе. Гэн держал Киёно сбоку и то и дело пригибал ее голову к земле.

Киёно сердилась, когда он тыкал ее носом в землю, но Гэн не унимался.

Наконец он осторожно приподнял голову и огляделся.

На обрыве битва была в разгаре. Несколько крестьян и рудокопов, окружив самурая, размахивавшего окровавленным мечом, били его и отскакивали в разные стороны, потом снова окружали и били. На земле катались, вцепившись друг в друга и дыша, как лошади, самурай и узник.

А вон и Мосаку. Всадил долото в толстый живот огромного самурая. Фонтаном брызнула кровь, и самурай рухнул вместе с мечом на землю.

— Дедушка! — закричал Гэн, увидев деда Куроскэ.

Чтобы бежать дальше в горы, надо было пересечь поле битвы, а он не мог сделать это с Киёно и хотел, чтобы дед Куроскэ помог ему или хотя бы знал, где они находятся.

Зря, однако, он подал о себе знать.

Один из стрелков побежал прямо к нему.

Он сражался с тремя крестьянами и готов был отступить, но, взглянув краешком глаза на Гэна, пришел вдруг в бешенство.

«Ишь, паршивец, — подумал он, — схватил наше ружье и размахивает им, как тросточкой!» Ярость охватила стрелка.

Начальник отряда столько раз твердил:

«Вместо вас можно набрать сколько хочешь других, а ружью замены нет. Берегите ружья пуще жизни, идиоты!»

И приговаривал при этом:

Асигару, асигару!
Голодное брюхо.
Дашь жратву,
Вмиг сожрут.
Ружья дашь,
Еле несут.

Все это и пришло самураю в голову.

Изумившись свирепому виду самурая, Гэн бросился вниз с обрыва. В одной руке он держал ружье, другой рукой тянул за собой Киёно. Самурай кинулся за ними. За самураем бежали три крестьянина.

— Не уйдешь, скотина!

— Ишь, дрянь какая, за детьми погнался! — кричали крестьяне. За ними поспешал дед Куроскэ.

Гэн добежал до барака узников. Тут его догнал самурай, вцепился в приклад ружья, но Гэн толкнул Киёно себе под ноги и, ухватившись обеими руками за дуло ружья, стал размахивать им вокруг себя, защищая Киёно. Голова у него закружилась, но другого способа оборониться он придумать не смог.

Самурай не мог подступить к ним. А когда Гэн совсем закружился и готов был свалиться, подоспели крестьяне.

Один из них на полном ходу вцепился в самурая сзади. Другой ударил мотыгой по щиколоткам ног, самурай невольно присел, и третий крестьянин накинул ему на шею свой длинный пояс.

Когда прибежал дед Куроскэ, самурай валялся, как креветка, брошенная на берег, с закрученными назад и связанными поясом руками.

— Как вы, живы? — спросил дед Куроскэ.

— А ты, дедушка, не ранен? — Киёно быстро оглядела деда Куроскэ.

— Еще чего! Я хитрый. Разве меня ранят?

— Дедушка! Убьем этого негодяя? — спросил крестьянин, пожертвовавший свой пояс на то, чтобы связать самурая, и теперь стоявший с развевавшимися полами короткого кимоно.

— Отпусти его, Томи. Это ж только асигару.

— Но он хотел убить Гэна и Киёно! — недовольно возразил Томи, затакивая подол кимоно в застиранные штаны.

— Да ты взгляни на его рожу! — сказал дед Куроскэ.

Все поглядели на самурая. Когда самурай бежал за детьми, он выглядел внушительно: красный от гнева, с мохнатыми, как гусеницы, бровями и желудевыми глазами. А теперь он валялся жалкий и несчастный на земле. И грубое простоватое лицо его мало чем отличалось от крестьянского.

— Гэн! Киёно! Как решите?

— Отпусти его, дедушка, — сказала Киёно.

— Ладно. Отпустим. Смотри только не вздумай позвать на помощь, тут же убью мотыгой, — пригрозил дед Куроскэ самурая и велел: — Втащите его поскорее в барак, наверху заметили.

— Мог бы и сам войти, ноги-то не связаны, — проворчал Томи, но все же схватил самурая за шиворот и поволок в барак. Остальные тоже вошли в барак.

— Ёси, на всякий случай ты ему кляп в рот воткни,— строго приказал дед Куроскэ. Он внимательно вглядывался в происходившее на обрыве и приказ этот, видимо, имел отношение к тому, что он там заметил.

— Кляп? Я полотенце в схватке потерял. Мацу! Дай-ка твое.

— Да оторви у него подол или еще что-нибудь...

— И верно...— Ёси засунул руку в широкие штаны самурая. Тот завопил истошным голосом:

— А-а-а! Не буду я кричать, не позову на помощь.

— Ну вот, уже кричишь. А ну-ка, позволь.

В руке Ёси оказалось длинное белое полотно с завязками на концах. Это была набедренная повязка самурая.

— У этого гада подол кимоно связан моим поясом, не оторвать. Так я вот этим заткну ему рот.— Ёси скомкал набедренную повязку и сунул ее в рот самурая, отчаянно мотавшему головой.

— Чего морду воротишь! Свое грязным не бывает,— сказал он. Мацу и Томи расхохотались.

В это время на обрыве затрубила раковина.

— Наши разбегаются по лесу,— сказал дед Куроскэ, выглянув из барака.

— Из замка помощь подоспела? — спросил Гэн.

— Пока не видно, но похоже, что так.

— Ой! Нас окружают здесь и убьют! — завопил Ёси.

XVI

Было темно.

Над головой раздавались тяжелые шаги.

Наверно, принялись пить сакэ.

Отряд самураев погнался за восставшими крестьянами и рудокопами, а здесь, по-видимому, раскинули временный лагерь.

Караульное помещение, наверно, захватили командиры, а в бараке узников расположились нижние чины — асигару. Командир отряда, почувствовав тяжелое состояние самураев, которые с трудом разогнали вместе с подоспевшим на помощь отрядом восставших и потирали при этом много убитыми, должно быть, выдал им сакэ.

Над головами раздался топот и пение:

Все кругом цветет,
Расцветает.
Лишь рудник богача
Погибает.
Недолго процветал
Рудник богача.

За воротник насыпался мусор.

Гэн, стоя на четвереньках, сплюнул в сторону.

Наверху наверно наступила ночь.

Как только отряд самураев из замка примчался к месту битвы, крестьяне и рудокопы мгновенно разбежались по приказу Дэнкити в разные стороны. Удалось ли им скрыться?

Встретились ли они на горе Тэнгу, продолжают ли пробираться от горы к горе, к границе княжества?

Ничего этого не знал Гэн, сидя под землей.

Когда примчались самураи на подмогу своим и Ёси завопил, что они погибнут, Гэн вспомнил о подземном ходе.

Завернули циновку, подняли доску, влезли в подземный ход и закрыли все за собой, как было.

Там они сидели всемером под землей, затаив дыхание, до заката солнца и уже устали так, что теряли сознание. Они даже слюну глотали осторожно, чтобы самураи не почувствовали их присутствия и не отправили на тот свет.

Пленный асигару закричал было громко, чтобы дать знать о себе, но Ёси стукнул его костлявым кулаком по затылку и тот замолк, а когда хотел опять закричать, Мацу сдавил ему горло.

Притихшего асигару Томи отволоком подальше в подземный ход.

Гэн держал Киёно за руку. Дед Куроскэ прислушивался к голосам самураев над головой, чтобы уяснить свое положение и положение бежавших друзей.

К счастью, самураи не обнаружили подземного хода.

Они посылали человека в обвалившийся забой посмотреть, что там случилось, и больше, по-видимому, ничего не осматривали.

— Ужасно! Их раздавило там креплением, валяются мертвые, как лягушки, — доложил посланный в забой самурай, вернувшись в барак.

Больше самураи, наверно, не полезут в рудник.

Две трети отряда преследуют разбежавшихся по лесу узников и крестьян.

Был послан связной в замок. Видно, за получением нового приказа. Пока он не вернется, самураи не уйдут с рудника.

А связной все не возвращался. Наступила ночь. Командир отряда выдал самураям сакэ. В сторожевом помещении громоздилось много бочек сакэ. Охранники от скуки пили. Теперь за это сакэ принялись оставленные на руднике самураи.

А затаившиеся в подземном ходе семеро людей не пили даже воды. Они не могли и пошевелиться, не то чтобы плясать.

Пленный асигару, похоже, уже не дышал. Наверно, Томи рассердился на то, что он отчаянно барахтался, и слишком сильно придушил его.

Киёно было лучше знать, что он лишь потерял сознание, потому что ей было бы страшно находиться в тесном подземном ходе вместе с мертвецом.

— Дедушка! По этому ходу можно выйти в лес. А оттуда поднимемся на обрыв и догоним наших,— не раз принимался говорить Гэн.

— Рано еще! — все время отмахивался дед Куроскэ, но теперь он повернулся к крестьянам и сказал тихо, но внятно:

— Самураи уже захмелели. Сейчас выберемся отсюда и подожжем барак, караульное помещение и лес. Пока они будут бегать туда-сюда и галдеть, поднимемся на обрыв и побежим к горе Тэнгу. Понятно?

Томи от радости стукнул костлявым кулаком по спине Ёси, а Ёси боднул головой Мацу. Мацу подпрыгнул, ударился головой о потолок и рассмеялся. Из глаз Гэна потекли крупные слезы. Он плакал от радости. Киёно схватила Гэна обеими руками за руку. Она тоже радовалась.

— А что с этим делать? — Мацу имел в виду потерявшего сознание асигару.

— Неохота, но придется тащить его до выхода. Оставим здесь, так, пожалуй, отчалит в иной мир с набедренной повязкой во рту.

Киёно фыркнула. Дед Куроскэ шикнул на нее:

— Тихо! Заметят — в живых не оставят. Вы трое быстро поджигаете все. Гэн вместе с Киёно, бегите лесом к горе Тэнгу. Мы вас скоро догоним. Береги Киёно, Гэн!

— Ладно.

— Ну, пошли!

XVII

Гэн бежал по темному лесу.

Он мог бы бежать еще быстрее, если бы не тащил за руку Киёно. Оглядываясь, он всякий раз натыкался на дерево и обдирал щеку. Однако боли он не чувствовал.

Киёно, хоть и девчонка, не отставала от него.

Вскоре деревья поредели — видимо, они вышли к вершине горы. Далеко внизу Гэн увидел языки пламени. В небо поднимались клубы дыма.

Горели барак и караульное помещение. Огонь охватил и лес у выхода из рудника.

Летняя ночь была безветренной, и огонь стоял прямо, как огромное чудовище с развевающимся подолом.

Самурайских криков и суеты, к которым они уже привыкли, не было слышно, и от этого лес казался мрачным.

Пьяные самураи, наверно, подумали, что на них снова напали крестьяне и узники, и носились теперь в панике.

Дедушка и трое крестьян, Томи, Ёси и Мацу, должны уже быть где-то здесь, у вершины. И самураев тоже тут было достаточно. Это несомненно.

Не схватили ли они дедушку?

— Как там дедушка? — спросила Киёно запыхавшимся голосом. Видно, они думали об одном и том же.

— Не беспокойся! Дедушка хитрый. Он не даст себя поймать.

Тут кто-то схватил Гэна за плечи.

— Ааа!

— Тсс... Это я.

Гэн с трудом разглядел в темноте обезображенное шрамом лицо Мосаку.

— Мосаку? Ты почему здесь?

— Пришел вас встретить. Я тоже подумал, что ваш хитрый дедушка никак не мог погибнуть. А коли он жив, значит, и вы живы. Вот я и вернулся за вами. Ждал тут. Из леса, какой бы дорогой ни шел, обязательно здесь захочется выйти. Я не ошибся. Но дед Куроскэ, пожалуй, в другом месте выйдет — ведь он же хитрый. Так что глядите хорошенько, не пропустите его. А может статься, он и здесь появится, подумает, что дети не могли своим умом дойти до чего-то другого.

«Вот бессовестный!» — подумал Гэн без злости. Мосаку ему сильно нравился, ведь совсем недавно он видел, как Мосаку всадил долото, которым привык орудовать в руднике, в толстый живот самурая, будто перед ним была скала.

— Садитесь. Дедушка скоро будет. А здорово горит!

Горел лес в ущелье золотистым прозрачным пламенем.

— Смотрите! Огненный конь! — Мосаку показал пальцем на небо.

Пламя от пожара, соединившись в один золотистый столб, прозрачно отражалось на ночных облаках.

Казалось, по небу скачет Огненный конь с развевающейся гривой, высоко вскидывая передние ноги.

Конь грозно мотал головой, то становясь на дыбы, то опуская голову к земле.

Всем своим видом, он как бы выражал гнев бесчисленных узников, замученных в руднике, всех, безвременно погибших на обрыве, когда свобода была так близка; гнев старика Хэйхати, чьи кости белели теперь на дороге, и дождевая вода капала из пустых глазниц, как слезы.

— И тут Огненный конь! — Киёно показала пальцем на небо. Ее палец казался в отраженном свете персиковым. Она глядела в сторону их родной деревни Такигава. Там над деревней тоже буйствовал Огненный конь.

— Деревня восстала!

Может, крестьяне, решив покинуть деревню, уходя, подожгли свои дома? Или их подожгли самураи из замка? А может, восставший люд расправился так с домами жадных богатеев?

Как бы то ни было, это полыхали кровавые слезы и гнев крестьян.

— Мама! — из глаз Гэна полились слезы. Грудь его сжалась от боли при мысли о матери, убитой самураем. — Буйствуй! Буйствуй, Огненный конь, над деревней Такигава! — беззвучно воскликнул Гэн.

В ночном небе грозно скакали два огненных коня — один большой над горами, другой подальше и меньше над деревней.

Мосаку, Гэн и Киёно стояли неподвижно, не в силах отвести от них глаз.

— Вот и дедушка! Я слышу его шаги, — сказал Мосаку. — Тех, кто ушел вперед, ведет Дэнкити, так что опасаться за них нечего. А теперь завяжем потуже набедренные повязки и в путь. Осталось немного.

— А у меня нет набедренной повязки, — тихо сказала Киёно, и Гэн заметил, что она покраснела. Киёно стояла вся розовая в отраженном свете Огненного коня и была такой красивой!

— Смотри-ка! И Томи, оказывается, тут, и Мосаку. Вот уж не думал! — слышался родной голос деда Куроскэ.

— Ну вот, мы и направляемся в новую землю. Со всеми вместе ничего не страшно. — Поджидая деда Куроскэ, Гэн крепко сжал руку Киёно. Он был исполнен решимости двигаться к горе Тэнгу и дальше, куда угодно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Перевернута последняя страница повести «Огненный конь». Она написана хорошо известным в Японии писателем Рюсукэ Сайто в 1977 году и является его седьмой книгой для детей.

Идея повести — самая гуманная из тех, которые когда-либо затрагивались в литературе: борьба за справедливость и счастье народа. Наверное, тебя, наш дорогой читатель, не могла не взволновать смелость мальчика Гэна, который, несмотря на подстерегавшие его опасности, решил бороться вместе с крестьянами и рудокопами против непосильного гнета самураев — прислужников князя.

О каком же времени истории Японии идет речь в повести?

События, с которыми нас знакомит писатель, происходят в эпоху Эдо (1603—1867). В эту эпоху Японией правили военные правители — сёгуны из дома Токугава, которые отстранили от реальной власти императора. Они стремились изолировать страну от внешнего мира. В 1639 году был даже принят особый закон о закрытии страны. По этому закону японцам, пытающимся совершить поездку за границу с торговой или иной целью, грозила смертная казнь. Иностранцам также запрещался въезд в Японию. Исключение было сделано лишь для китайцев и голландцев, которым было разрешено вести кое-какую торговлю в портовом городе Нагасаки.

Было запрещено ввозить европейские книги и даже те китайские книги и рукописи, в которых упоминалось о европейцах или христианской религии. Сёгунат опасался, что европейцы окажут разлагающее влияние на устои феодального общества, как это имело место во время восстаний крестьян, принявших христианство на юге Японии, например в Симбаре в 1637 году.

Из-за того что Япония была изолирована от всего мира, она оказалась экономически и культурно отсталой страной в XVII—XIX вв.

Вам, ребята, наверное, интересно будет узнать, были ли у Японии какие-нибудь отношения с Россией?

В Японии издавна питали интерес к своему северному соседу Московии, откуда еще в XVI веке европейцы стали привозить изделия из кожи. Не меньший интерес вызывала и Япония у русских. Первые сведения об этой стране были получены в России в самом начале XVII века непосредственно из уст японца, который появился в Москве и стал известен только под своим христианским именем Николай. Он прибыл из Японии в составе персидского посольства.

Один из приближенных русского царя записывал в эти годы, что расстояние от Москвы до Японии так велико, что на проезд надобно употребить целый год.

В 1697 году русский землепроходец В. Атласов встретил вынесенного штормом на юго-восточный берег Камчатки японца Дэмбэя Татэкава из города Осака и доставил его в Москву. После встречи с ним Петра I был издан указ о «проведывании» торгового пути в Японию через Курильские острова, которые стали известны русским еще в 1667 году. В соответствии с указом Петра I в 1711 году на эти острова был послан отряд во главе с Игнатием Козыревским для «проведывания Апонского государства и учинения с ним торгов».

В 1726 году Козыревский составил краткое «Описание Апонского государства», в котором, в частности, говорилось:

«Государство стоит в великой губе над рекою¹, а званием их Едо общим Нифонское государство, а люди называются государственные городовые нифонца². А от моря стоит не в дальном расстоянии, и морские суда не подходят и стоят на усть реки и возят всякие товары мелкими судами, особливymi на то устроенными, а приходят и отходят беспрестанно, понеже зимы нет, в полдень и в запад и в север к Камчатской стороне, в Матмай и в другие города. А городов каменных два, и по стенам пушки. А царя своего не видят, а когда бывает ход, в то время падут на землю и смотреть не смеют. А звание оному царю Кобосома Телка³. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают ради управления наместников».

Задача открытия морского пути в Японию была решена позднее в 1739—1742 гг. отрядом второй Камчатской экспедиции во главе с М. П. Шпанбергом, которая обследовала острова, прилегающие с севера к острову Хоккайдо, и побывала у берегов острова Хонсю.

¹ Токийский залив, в который впадает река Тонэ — одна из самых многоводных рек Японии.

² Нифон — Япония в старом произношении. Современное — Нихон или Ниппон.

³ Кубо-сама-но тэнка — владыка Поднебесной, император.

В настоящее время имеется достаточно сведений, касающихся исторической ситуации в Японии периода Эдо. Сёгуны Токугава опирались в своей политике на самураев. Самурай — это военное сословие, которое существовало в Японии до середины XIX века, то есть до буржуазной революции 1867—1868 гг.

Звание самурая передавалось по наследству, как знатный титул. Самурай, так же как феодал, в отличие от крестьян и купцов обладал правом иметь фамилию. Считалось, что самурай как доблестный воин является олицетворением таких качеств человека, как смелость, сила воли, готовность к самопожертвованию во имя долга, бескорыстие. Поведение самураев было строго регламентировано: им запрещалось заниматься торговлей, ремеслом и ростовщичеством. Самурай не имели земли и существовали на рисовый паек, получение которого считалось привилегией аристократии. Поэтому благополучие самураев зависело от урожая риса.

Крестьяне, ремесленники и торговцы должны были полностью повиноваться самураям. Если лицо низшего сословия, гласил закон, такое, как горожанин или крестьянин, будет виновно в оскорблении самурая словом или грубым поведением, его можно зарубить мечом на месте.

Завидев самурая, горожане и крестьяне обязаны были пасть на колени и поклониться до земли, в противном случае их нещадно наказывали.

Издавались различные указы, касающиеся и регламентации поведения крестьянина: утром он должен был косить траву, днем — работать в поле, вечером — плести мешки; крестьянину не оставалось ни одной минуты для отдыха. Крестьяне должны были носить только полотняную одежду одного покроя и цвета. Они не имели права жить в просторных жилищах, ходить друг к другу в гости. Их деревни были поделены на так называемые пятидворки. На каждые пять дворов был соглядатай, который обязан был доносить о любом нарушении закона феодалу.

При таком жестоком порядке крестьяне не могли скопить необходимый запас продовольствия на случай стихийных бедствий: пожаров, наводнений, эпидемий, ураганов, которые довольно часто обрушивались на Японию. Например, в 1732 году на острове Кюсю было наводнение, а урожай поела саранча. От голода умерло около одного миллиона человек, среди которых не было ни одного самурая.

Во время голода крестьяне не только нападали на торговцев рисом и грабили богатые дома, но и поднимались на восстания. Так, в 1754 году произошло крупнейшее восстание крестьян, в котором приняли участие 200 тысяч человек. Восставшие требовали улучшения управления, отмены подушной подати и изгнания притеснявших их чиновников. Крестьяне использовали оружие, которое было им роздано по приказу феодала для участия в охоте. Крестьяне воспользовались этим случаем и повернули оружие против своих эксплуататоров. Сё-

гун и даймё¹ не решились направить против восставших войска и, как всегда, пошли на обман, пообещав выполнить требования восставших. Когда крестьяне стали расходиться, власти выловили зачинщиков и жестоко с ними расправились. Правительство подкрепляло свои действия указами о наказании крестьян за призыв к бегству или к сходкам.

Поскольку доходы самураев зависели от урожаев, собранных крестьянами, с ухудшением положения крестьян, вызванного растущими поборами, резко ухудшилось и положение самураев. Рисовые пайки с каждым годом сокращались, и самураи, не имеющие земли, чтобы поддержать свое существование, либо оставались в деревне, скупая у крестьян земельные наделы, либо уходили в город и занимались торговлей и ремеслом. В любом случае самураи переставали отвечать своему назначению — защищать страну от внешних врагов.

В повести «Огненный конь» Р. Сайто рассказывает об одном из народных восстаний в княжестве Акита, расположенном на северо-западе главного японского острова Хонсю. Мы видим, что отношение крестьян к самураям было враждебным, крестьяне и рудокопы отнюдь не раболепствовали перед ними. Писатель показывает, как у людей, работающих от зари до зари, созревает мысль о восстании, участники которого могут победить только при условии согласованных действий крестьян окрестных деревень и узников ближайшего рудника, так как хозяева у тех и других одни — самураи.

Успешное осуществление этого замысла, которым заканчивается повесть, наводит на размышления о романтических тенденциях в творчестве Р. Сайто. Но ведь эта победа стала возможной при деятельной помощи взрослым японских детей — мальчика Гэна и его ровесницы Киёно. Может быть, писатель хотел этим сказать, что революционный порыв, охвативший народ, был еще недостаточно зрелым и находился в стадии становления? В этом смысле Рюсукэ Сайто не только романтик, но и реалист, сумевший в своеобразной художественной форме выразить сложность исторической ситуации Японии XVII—XVIII веков.

Японских писателей часто привлекали крупномасштабные события, такие, например, как битва при Дэнноура (1185), в которой столкнулись два именитых рода правителей страны Тайра и Минамото. В этих произведениях народ не является действующим лицом, ибо считалось, что его роль в истории второстепенна, поскольку главное место отводилось самурайству. И хотя по своему значению в истории эта битва и события, о которых говорится в повести Р. Сайто, не сопоставимы, то обстоятельство, что главным действующим лицом в повести является народ, позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что повесть «Огненный конь» — произведение значительное в японской

¹ Даймё — владетельный князь.

детской литературе, тем более теперь, когда в Японии реакция вновь возрождает милитаризм и насаждает культ самурайства.

Книга была хорошо встречена японскими читателями, она получила серебряную медаль на Всеяпонском конкурсе юных читателей и за короткое время выдержала несколько изданий. Надеемся, что эта повесть понравится и нашим советским ребятам.

К. Черевко

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая
ВОДОПАД НА РЕКЕ КАДЗИКА
3

Глава вторая
ТАЙНЫЙ РУДНИК
23

Глава третья
СКАЛА ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ
48

Глава четвертая
АДСКИЙ РУДНИК
73

Глава пятая
ТЮРЬМА НА РЕКЕ ТЭГÁТА

96

Глава шестая
ОГНЕННЫЙ КОНЬ

119

К. Черевко
ПОСЛЕСЛОВИЕ

152

Для среднего школьного возраста

Рюсукэ Сайто

ОГНЕННЫЙ КОНЬ

ИБ № 7040

Ответственные редакторы

С. К. Беркман, Т. И. Рудакова

Художественный редактор

Б. А. Дехтерев

Технические редакторы

И. С. Широкова, С. Г. Маркович

Корректоры

И. В. Козлова и Л. М. Письман

Сдано в набор 29.08.84. Подписано к печати 26.03.85. Формат 70×90^{1/16}.
Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л.
11,7. Усл. кр.-отт. 12,87. Уч.-изд. л. 9,28. Тираж 100 000 экз. Заказ
№ 2986. Цена 50 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного комитета РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва,
Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Гос-
комиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

К читателям

Издательство просит отзывы
об этой книге

присылать по адресу:

125047, Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Сайто Р.

С14 Огненный конь: Повесть/ Пер. с яп. Г. Рон-
ской; Послесл. К. Черевко; Рис. А. Дугина.—М.:
Дет. лит., 1985.— 158 с., ил.

В пер.: 50 к.

Историко-приключенческая повесть современного японского писателя, награжденная медалью на Всеяпонском конкурсе юных читателей. В повести рассказывается о восстании рудокопов, работавших в серебряных копях, и крестьян провинции Акита, поднявшихся против самураев. Главный герой повести — отважный мальчик Гэн, помогая восставшим, попадает в опасные ситуации. Действие происходит в средневековой Японии.

С 4803020000—360
М101(03)85 528—84

И(Яп)

Рон-
М.:

ателя,
овести
пях, и
герой
ясные

(Яп)

9

50 к.

Издательство «Детская литература»

